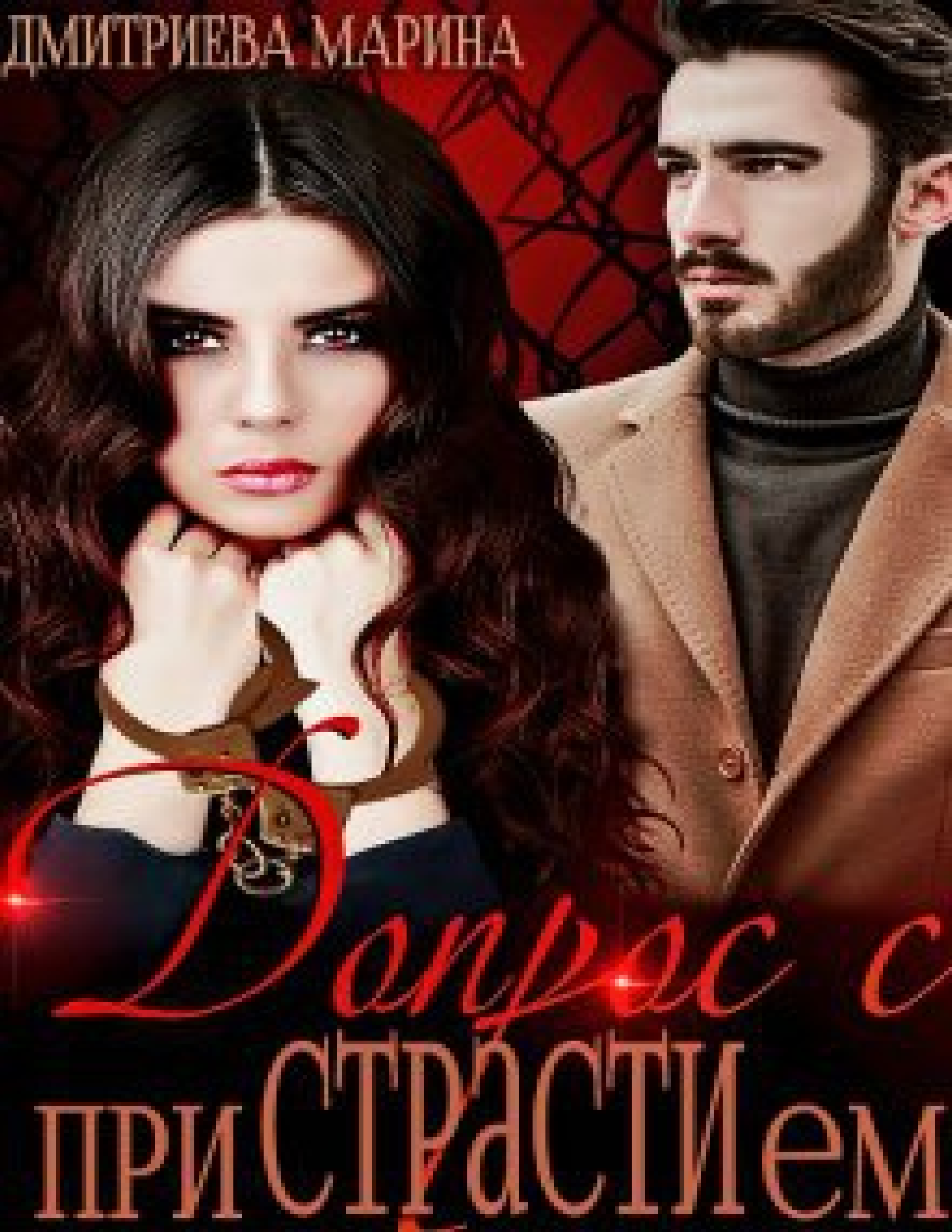

ДМИТРИЕВА МАРИНА

Данное с
ПРИСТРАСТИЕМ

Приехав домой Кристина обнаруживает своего мужа с проломленной головой, лежащим в луже крови. И, конечно, главной подозреваемой в этом преступлении становится именно она. Ирония судьбы, но вести дело поручают ее бывшему любовнику, у которого к Кристине большие претензии. А еще разъедающая душу злость, жгучая обида, лишаящее воли вожделение, ну и, самое главное, любовь, да такая сильная, что ее не смогли разрушить ни горечь предательства, ни бег времени, ни расстояние между ними.

ГЛАВА 1

День ужасный. С утра небо хмурое, а еще мерзкий холодный дождик и ветер, бросающий под ноги опавшие, уже пожухшие листья. Погода на улице совпадает с тем, что творится в моей душе. Там уже пять лет хозяйничает тусклая поздняя осень, с вечным плачем и промозглостью. И никакой надежды на избавление, никакой надежды на наступление зимы, а потом весны. Моя жизнь — вечная осень, постоянная слякоть.

Машина остановилась у красивых ворот нашего загородного дома. Сердце замерло. Как же не хочется возвращаться в свою золотую клетку. Глянула на часы. Без пяти минут полседьмого вечера. Усмешка невольно появилась на губах. Я научилась быть максимально пунктуальной. Конечно, с ним и не такому научишься. Нажала на кнопку пульта, прикрепленного к связке с ключами, и гаражные ворота медленно поднялись вверх. Машина заехала на территорию двора. Все, клетка опять захлопнулась! Впрочем, она захлопнулась давным-давно, еще пять лет назад, когда я при свидетелях сказала «да» в ЗАГСе. Просто в этом доме своя несвобода ощущалась максимально остро. Порой казалось, что даже мое дыхание под его контролем.

Очень странно... Почему-то окошки не горят. Машина Роберта Евгеньевича стоит в гараже, значит, он дома. Для послеобеденного сна поздновато... Как всегда, дом пугал своей мрачностью. Руки дрогнули, ключи упали на каменную дорожку. В этом скопище металла, стекла и современных материалов нет места уюту. Это клетка, дорогая, эксклюзивная, но клетка! Подняла продрогшими пальцами ключи и пошла к стеклянной двери дома. Щелкнула выключателем, желая включить освещение. Ничего не произошло... Сегодня такие сильные порывы ветра, возможно, из-за этого проблемы с электричеством. Без света дом казался еще более мрачным и темным, угнетающим своей угрюмой неприветливостью. По коже прошелся холодок... Отчего-то стало вдруг не по себе. Ощетинилась, словно кошка, почувствовав угрозу непонятого происхождения. Такое ощущение, что из этой темноты за мной кто-то наблюдает, внимательно смотрит за каждым движением.

— Роберт Евгеньевич! — позвала я мужа.

Тишина. Давящее, пугающее беззвучие. И только ветер за окном жалобно завывает, словно он тоже вот уже лет пять постоянно страдает.

— Роберт Евгеньевич!?! — на этот раз мой голос звучал громче.

Странно. Куда он мог подеваться? На улице окончательно стемнело, поэтому в доме ни черта не видно. Кажется, на кухне были свечи и спички. Но я не помню точно где. Лучше пойти в гостиную, там камин, возле него много всяких зажигающих штучек и стоят красивые декоративные свечи, подаренные мамой на Восьмое марта. Чтобы не наткнуться на приоткрытую дверь, стены или мебель, выставила вперед руки и медленно пошла в сумрак, туда, где, по моим представлениям, должна была быть арка гостиной. Глаза постепенно привыкли к темноте, позволяя видеть очертания предметов

— Роберт Евгеньевич! — снова позвала я. — Какие-то проблемы со светом. Вы звонили в аварийную службу?!

Безмолвие. А невидимая шерсть на коже продолжает подниматься дыбом, и ощущение наблюдения не проходит. Может, это Роберт Евгеньевич решил развлечься игрой в молчанку, и скоро над ухом раздастся его шипящий голос: «Крысеныш, ты пришла».

Тишина. Полное, леденящее душу, безмолвие. Сделала несколько шагов в сторону

белеющего камина. А потом вдруг споткнулась обо что-то твердое, лежащее на полу. Не смогла удержать равновесие, упала. Руки попали в неприятную липкую жидкость. Что за гадость тут разлита?

Поднесла пальцы к лицу, ощутив какой-то специфический запах. Кровь?! Это запах крови!

— Аааааааааа!!! — раздался в комнате мой крик.

На полу бездвижно лежал человек. Что за дурацкая игра?!

Лихорадочно заскользила по полу, пытаюсь подняться. Пальцы наткнулись на какую-то железную штуку. Кочерга от камина. Отбросила ее куда подальше. Опять поскользнулась, еще сильнее вымазываясь в клейкой тягучей жидкости.

Неожиданно включился свет.

— Аааааааааааа!!

Тело на полу — это мой муж, Роберт Евгеньевич, а вокруг его головы целая лужа крови! Серые глаза супруга бездвижно смотрели в потолок. И этот застывший взгляд не может принадлежать живому человеку.

Неужто случилось, свершилось? Неужели он умер? Все секунды, минуты, часы, дни, месяцы, годы нашего брака я мечтала о его смерти. Чтобы он подох, как собака! Как же я хотела его убить! Сколько вариантов смерти придумала.

— Ха-ха-ха! — раздался в комнате истерический хохот.

Неужели даже мертвый он надо мной смеется? Нет, это я, пляясь на бездвижное тело, хохочу, как ненормальная. А мои руки все в крови, словно я и правда виновница смерти мужа.

— Ха-ха-ха! — продолжает вырываться из моего горла хохот.

Роберт Евгеньевич заслужил все это, он достоин даже большего! Надеюсь, ему на том свете достанется по полной, и черти старательно поджарят его на сковородке или в чане кипящей смолы. Пусть ему будет больно, нестерпимо больно!! Пусть Роберт Евгеньевич пройдет все семь кругов ада, как проходила их я в течение долгих пяти лет нашего ненавистного брака!

Не знаю, сколько времени я сидела на полу, не делая ничего, чтобы убедиться в его смерти, вымыть руки и подумать о том, как жить дальше.

— Ха-ха-ха!! — снова и снова вырывался изо рта зловещий хохот.

Потом смех сменился воем... А в голове зазвучали когда-то сказанные мужем слова: «Крысеныш, не смотри так. Мечтаешь, видимо, со мной расправиться. Глупая, если со мной что-то случится, вся правда выплывет наружу».

Его смерть ничего не решит. Будет только хуже. Ну и пусть, пусть! Больше нет сил смотреть, как пусто, слякотно проходят мои лучшие годы, окрашенные вместо радостей любви и материнства постоянной душевной и физической болью. Я устала быть жертвенным агнцем для всемогущего чудища. И теперь рада, безумно рада, что он наконец-то подох! А вдруг все подумают, что это я убила мужа?..

То смеюсь, то плачу. Видимо, я сошла с ума. Но сейчас даже тюрьма не страшит. Уверена, там я все равно буду ощущать себя свободней, чем в этом проклятом доме. Из глаз брызнули слезы, а вой, вперемешку с хохотом, все также продолжал оглашать пространство. Вытерла щеки, размазав пальцами кровь по своему лицу. Надо что-то предпринять. Для начала, например, позвонить папе.

— Кристина Сергеевна, что вы наделали?!

Вздрыгнула, обернулась, в проеме арки стоял заместитель моего мужа. Корольков, кажется, его фамилия. Да, Корольков Виктор, а вот отчество забыла.

— Это не я... — чуть прошептали мои губы.

В мужских глазах читался ужас. Вдруг поняла, мне никто не поверит, даже пытаться не будут. Зачем? Ведь из меня так удобно сделать убийцу, опять превратив в жертву. Виктор (черт, как же его по отчеству) подошел ближе, наклонился над телом мужа, дотронулся до его шеи, проверяя пульс. По его глазам, удрученному кивку головой, поняла, это в самом деле случилось, и Роберт Евгеньевич умер.

— Ха-ха-ха, — в который раз не смогла сдержать рвущийся из горла истеричный смех.

Заместитель мужа достал из кармана телефон.

— Анатолий, тут беда случилась. Кажется, Роберта Евгеньевича жена убила. Нет, не шучу. Пришли сюда наряд полиции.

Заорала:

— Я не убивала, нет, это не я!! Не я-а-а!!!

На столе передо мной лежала папка с делом Кристины Швец, к которой я отчего-то боялся прикоснуться. Какая ирония судьбы. Почему расследование поручили именно мне?

— Обыкновенная бытовуха, — заговорил мой коллега Димка Лапугин. — Следственный комитет при прокуратуре привлекли только потому, что ее муж большой полицейский начальник. Дабы это дело свои же не расследовали. Пытаются создать видимость объективности. Что особенно актуально, учитывая должности ее супруга и отца. А тут и расследовать особенно нечего. Поспорила с мужем и бамс кочергой по голове.

Одеревенелыми пальцами раскрыл картонную папку с материалами дела. Сердце тревожно забилося. Она... Когда-то горячо любимая девочка, ставшая постоянной занозой в моих мыслях, с предательством которой я до сих пор не смог смириться. Меркантильная сука! Стерва! Обманщица!! Растоптавшая своими изящными ножками такое красивое чувство между нами. Наплевавшая в душу, устроившая там пепелище из моей любви и мечтаний...

«Володь, прости, ты, возможно, когда-то чего-то добьешься в своей жизни, ты упрямый мальчик. Но я хочу жить на широкую ногу здесь и сейчас. У нас разные статусы, и давай будем откровенными — обеспечить тот уровень жизни, к которому я привыкла, ты не сможешь».

Сука! Шлюха! Подстилка для старого развратника! Я засажу Кристину по полной, несмотря на все должности и деньги ее родственников! Пусть для разнообразия попробует пошिकовать за решеткой!

— Хорошенькая! На актрису какую-то похожа.

Вздрыгнул. Это Димка подошел и разглядывал через мое плечо фото подозреваемой в папке.

— Да, — угрюмо ответил я и перелистнул страницу. Отчего-то не хотелось, чтобы он на нее смотрел.

— Защита будет проталкивать состояние аффекта и прочую лабуду, — предположил Димка.

— Кто-то за три дня до событий отключил все камеры. Да и с электричеством непонятки. Все это плохо сочетается с аффектом, а тянет на умышленное убийство, — стал размышлять я. — Кроме того, судебно-психиатрическая экспертиза признала ее вменяемой. Так что статья 105 или, по крайней мере, 111, часть четвертая, и до пятнадцати лет светят нашей красотке.

Пусть теперь барствует на нарах, гребаная сучка!

— Надо проверить звонки и связи подозреваемой, — опять включился в разговор Димка. — Уверен, у такой крали должен быть молодой любовник.

Странно, это в целом здоровое предположение вызвало во мне что-то очень похожее на ревность. Вопреки всякой логике я до сих пор считаю ее своей.

— Улик предостаточно, — продолжил говорить Лапугин, — а папочка и остальные вряд ли посмеют вмешаться — резонансное дело получилось. Журналисты носом землю роют.

Начал дальше просматривать материалы дела...

«Роберт Евгеньевич не чета тебе, Володька. Ты по сравнению с ним глупый щенок, а

он... Мне всегда нравились такие мужчины. Умный, щедрый, имеющий положение, да еще какое положение! Все подобные тебе песики по струнке перед ним ходят. Знаешь, ведь Роберт Евгеньевич — друг моего отца. Я еще малюсенькой девчушкой им восхищалась. Но вся эта разница в возрасте... даже не мечтала, что он обратит на меня внимание».

Сколько лет прошло, а я не могу забыть тех слов. Хотелось тогда ее придушить. Не мог поверить, что красивая сучка, говорящая все это, и моя Кристи, которая буквально сутки назад, насытившись после нашего безудержного секса, спала у меня на плече, — одна и та же женщина. Когда узнал ее ближе, имел глупость подумать, что нашел клад. Оказалось, первое впечатление было верным. Кристи — обыкновенная дешевка, стекляшка, кажущаяся бриллиантом!

«Все твои мечты — это так по-мещански, так глупо и точно не для меня. Я не буду сидеть беременная с пирогами в ожидании, когда ты придешь со службы!»

Перелистнул страницу папки. Опять фото подозреваемой. Опять удар под дых. Черт возьми, я одержим ею, шизанулся давно, бесповоротно и никак не могу выздороветь! А ведь она меня как будто кастрировала. После этой продажной суки я любить никого не могу толком, да и трахаться в принципе тоже. Нет, член стоит, работает как надо, но вот только всегда представляю, что это я ее деру, а не какую-то другую женщину. Девочка моя любимая, моя киса Кристи! Видимо, не сладко тебе жилось с этим старым шакалом, раз ты его кочергой со всей силы, да еще несколько раз, так, что даже череп треснул. Ну ничего, за решеткой будет еще хуже, уж я об этом позабочусь. И никаких сантиментов, Володька, никаких сантиментов! "Стекляшки" не заслуживают восхищения.

— Эй, ты чего фотку то смял, — опять заставил меня вздрогнуть голос Лапугина.

— Задумался немного.

Димка недоверчиво глянул, но ничего не сказал.

Нервы ни к черту. Углубился дальше в изучение дела. Димка прав, смахивает на обыкновенную бытовуху, и все улики против Кристи. Одежда измазана в крови потерпевшего, пальчики на орудии убийства, да и застали ее прямо на месте преступления, труп еще остыть не успел. Фото при задержании жуткие. На щеках Кристины бурые пятна, словно она, как вампир, пила его кровь. Только глаза потерянные, словно у маленького котенка, который никак не может отыскать свою маму. Жалеешь ее? Слабак! Она тебя не пожалела!

Ну что ж, Кристинка, завтра свидимся!

— Крысеныш, ты опять опоздала. Неужели так сложно придти вовремя?

Да, для меня это действительно сложно. Поскольку каждый шаг в сторону дома давался с трудом, я невольно оттягивала момент возвращения. Ведь пока за мной не закрылись гаражные ворота, есть хоть какая-то иллюзия свободы. Иллюзия.

— Подойди сюда...

Я всегда старалась не смотреть на Роберта Евгеньевича. У него жуткие глаза, бледно-серые, холодные, грязные. И, конечно, не решилась послушаться. Как только подошла ближе, щеку обожгла пощечина, а потом еще одна. Мужские руки схватили меня за волосы, больно потянули.

— Не думал, что выпускница высшего учебного заведения может быть такая тупая.

С Робертом Евгеньевичем я никогда не спорю. Пробовала однажды... Оказалось, это очень больно и, главное, бесполезно. Тянущие за волосы пальцы все-таки вынудили взглянуть на «любимого» супруга.

— Не будешь приезжать вовремя, запрещаю посещать твою дурацкую работу. Будешь дома сидеть и ждать мужа, как полагается примерной жене.

Вот тут мне стало по-настоящему страшно.

— П-простите меня, Роберт Евгеньевич, п-простите, — мой голос срывается и дрожит.

Сама себе противна — маленькая, жалкая, побежденная. Бледная тень прежней Кристины Калашниковой. Я ненавижу просить, поскольку знаю — это, как и мои слезы, доставляет ему удовольствие. А я не хочу доставлять Роберту Евгеньевичу, удовольствие. Но сейчас нельзя по-другому. Если он запрет меня в этом доме, я точно не выдержу. И тогда будет только один выход — перерезать вены на руках. Сильные ладони схватили меня за горло... Сдавили, полностью перекрыв воздух. Ему нравится знать, что он может делать со мной все, что захочет, и я полностью в его власти. Захрипела, судорожно вцепившись в мужские пальцы, попыталась освободиться... Когда-нибудь муж не рассчитает силы и задушит меня. Наконец, руки отпустили шею, но вдохнуть не успела, тут же получила удар со всей силы в живот. Боль обожгла. Открыла рот в надежде сделать хоть малюсенький глоточек воздуха и вдруг поняла — я больше не умею дышать... В ногах не осталось сил, упала сначала на колени, потом на пол... Пальцами начала царапать собственное горло, пытаюсь снять невидимые путы, мешающие сделать вдох... Захрипела... А Роберт Евгеньевич пнул меня носком ботинка, внимательно наблюдая, как я корчусь от удушающей боли. Потерять бы сознание.

— Крысеныш, сколько раз тебе говорить, не смей мне сопротивляться!

Опять тычок ботинком в живот.

— Что разлеглась, сучка... раздевайся давай. Не забывай о своем супружеском долге!

Послушно, несмотря на бушующую в теле боль, стащила с себя вязкое платье, а потом сразу же колготки с трусиками. Роберт Евгеньевич стоял с мерзкой улыбкой на лице и медленно расстегивал ширинку брюк...

— Ползи сюда, Крысеныш. Побалую тебя своим хуем. Может, хоть на этот раз кончишь, фригидная сука.

Нет, я не фригидная, во всяком случае, раньше не была такой! Помнится, в прошлом некоторые даже, смеясь, называли меня «озабоченной киской». Просто каждый раз, когда

Роберт Евгеньевич дотрагивался до моей кожи, внутри все тряслось от отвращения. Да и муж никогда не утруждал себя заботами о моем оргазме. Чему, признаться, я была только рада... Сама себя, наверное, убила бы, если бы кончила под ним...

***

— Швец, на выход!

Вздрыгнула. От воспоминаний меня оторвал голос охранницы следственного изолятора, дородной женщины лет сорока.

Даже мертвым Роберт Евгеньевич не хотел меня оставлять, продолжал измываться. Забудь, Кристи, забудь... не позволяй ему делать этого, не позволяй себя окончательно доломать!

— Куда мы едем? — решила поллюбопытствовать я, застегивая на груди красивые пуговицы своего дизайнерского пальто. Кусочек прежней ненавистно-роскошной жизни, кажущийся здесь совершенно нелепым и чуждым.

— На допрос поедешь, в прокуратуру.

Допрос... меня уже опрашивала полиция. Зачем еще? Надеются меня разговорить? Выбить признание? Думают, скажу им что-то новое? Да, я знаю много чего интересного, но на данный момент не готова рассказывать о наших реальных взаимоотношениях с мужем по разным причинам — прежде всего, не хочу вытаскивать всю эту грязь наружу. Но самое главное, если начну говорить, могут возникнуть вопросы: «Почему я все это терпела?»

Уже скоро, наверное, грянет гром, Роберт Евгеньевич постоянно твердил, если с ним что-нибудь случится, то все узнают правду. Копии материалов разошлют по самым крупным газетам, а оригиналы отправятся прямым ходом в Следственный комитет. Вот тогда в своих рассказах можно быть более правдивой. А пока есть хоть какая-то надежда, что этого не случится, молчи, Кристи. Молчи!

На руках защелкнули наручники. Символично... Видимо, свобода не для меня. Свои прежние кандалы — массивное золотое кольцо — я выбросила еще перед зданием следственного изолятора. Сняла с пальца и незаметно кинула в лужу... Грязь к грязи.

Сегодня на улице выглянуло солнышко. Снега еще нет, но морозец, лужи сковал ледок. Водитель машины, довольно молодой парнишка, заинтересованно скользнул по мне взглядом, а потом еще раз. Неужели я еще могу кому-то нравиться? Впрочем, мне всегда делали комплименты, Роберт Евгеньевич, помнится, надувался, как петух, когда ему говорили о моей красоте. Он был тщеславен во всем. Просто я привыкла относиться к себе, как к красивому, лишь чуточку живому манекену — кукле для старого развратника, которая уже не способна на романтические чувства. Моя любовь осталась там, в прошлой жизни, с ним... Тсс, не вспоминай... но в груди все равно защемило. «Знаешь, Кристина, когда узнал тебя ближе, имел глупость подумать, что нашел клад. Оказалось, первое впечатление было верным. Ты дешевка, стекляшка, кажущаяся бриллиантом!» Больно, мне до сих пор больно. Тсс...

Возле прокуратуры дежурили журналисты. Сразу несколько микрофонов очутились около моего лица, несмотря на угрожающие жесты конвоирующего охранника.

— Кристина Сергеевна, зачем вы убили мужа?!

— Кристина Сергеевна, у вас есть любовник?!

— Кристина Сергеевна, вы раскаиваетесь?!

Кажется, я стала местной знаменитостью. То ли еще будет, когда разразится гром. Согнутой в локоть рукой прикрыла лицо. Неужели журналисты в самом деле думают, что я

буду отвечать? И почему все забывают о презумпции невиновности? Еще суда не было, а меня уже называют убийцей.

Серая дверь кабинета следователя открылась... Этого не может быть! Боже... нет!.. Сердцу бесполезно говорить «тсс»... Оно разбухло в груди до невероятных размеров. Кажется, я стала одним большим, неровно бьющимся сердцем. Дышать стало совершенно нечем...

В кресле следователя сидел Карпов Владимир Константинович — моя вечная боль, вечная любовь, от которой мне когда-то пришлось отказаться. Если бы я успела подготовиться, то, наверное, не побледнела бы так сильно, не оступилась, едва не рухнув на пол возле его ног. Хорошо, охранник поддержал. Володя хищно смотрел мне в лицо, напряженно наблюдая за моей реакцией, впитывая в себя мою растерянность и боль. Села на стул, спрятав под стол дрожащие, словно у алкоголички, пальцы. Конвоирующий парень вышел.

В комнате повисло тягостное молчание. Не выдержала, посмотрела в сторону Карпова, сразу же натолкнувшись на ответный взгляд. Полыхнуло жаром. Кристи, только не плачь, не вскакивай из-за стола, бросаясь в его объятия! Нельзя, Кристинка! Нет!!

Володя такой красивый! А эта его извечная сексуальная трехдневная небритость... В прошлом я называла Карпова «ежиком», потому что, помнится, он постоянно кололся своей щетиной, и моя кожа после его прикосновений подолгу сладко-приятно горела. Вовке бы в кино сниматься, в роли отважных любовников, способных ради дамы сразиться с десятком, а то и сотней врагов, одинаково доблестных, что в бою, что в постели. Глаза зеленые, летние, теплые, густые темно-русые волосы, сексуально небритый подбородок, почти римский нос, четко выраженные губы. Красавчик, что сказать. У него наверняка за эти пять лет была куча женщин. Скорее всего, он женился, и его избранница родила деток, о которых Карпов, помнится, так сильно мечтал. Эта мысль не понравилась, отозвалась болью в душе, ведь я почему-то до сих пор считала его своим.

Мужские губы презрительно скривились. Жар в глазах исчез, сменившись неприязнью. Ничего удивительного, другой реакции трудно было ожидать. Володя не из тех мужчин, которые прощают предательство.

— Ваша фамилия, имя, отчество?

Усмехнулась, зачем эти вопросы? Конечно, времени прошло много, но неужели он забыл, как меня зовут?

— Калашникова Кристина Сергеевна.

Мужские брови вопросительно поднялись вверх.

— Ой, точнее, Швец Кристина Сергеевна, — какая я дурочка, девичью фамилию назвала.

Теперь усмехнулся он.

— Вы не помните свою фамилию?

Помню, к сожалению. Но очень хочу навсегда забыть, как и человека, мне ее давшего.

— Возраст, место работы, сколько лет состояли в браке с убитым?

— В деле это есть. И тебе уж доподлинно все известно. Зачем спрашивать?

Лицо Карпова отстраненное и холодное, даже равнодушное. Видимо, мне привиделся его горящий взгляд.

— Отвечайте.

Он делает вид, что мы совершенно не знакомы, играет в игру «следователь и

преступница». Что ж, мне остается только принять правила.

— Двадцать девять лет, работала в архитектурном бюро «Домашняя симфония», архитектором-дизайнером.

— Дом, в котором вы жили, ваш проект?

Усмехнулась. Да, я сама создала свою золотую клетку.

— Муж хотел что-то современное и необычное, ломающее привычные каноны архитектуры.

— Заметный дом, — кивнул он. — По мне так ужасная гадость.

Если Карпов хотел меня обидеть, то зря, поскольку я сознательно создавала гадость — дорогую, эксклюзивную грязь.

— На мой взгляд, в вашем рассказе после задержания есть несколько несоответствий. Охрану вы не держали, весь периметр двора дома был утыкан камерами, но они отчего-то тем вечером не работали. Как вы это объясните?

— Я не разбираюсь в системе видеонаблюдения. У Роберта Евгеньевича был человек из его управления, который проверял периодически работу камер. Адресуйте ему подобные вопросы.

— Его уже опросили, он говорит, что, когда был последний раз в вашем доме, все работало исправно.

— Не могу дать никаких комментариев. Я не специалист и ничего не понимаю в этом.

— Там не нужно быть специалистом, просто проводок перекусить.

— Чтобы перекусить, нужно знать, где кусать. Я непременно запуталась бы в проводах.

— Хорошо, оставим пока этот вопрос. Вы говорили, что, когда вошли в дом, освещения не было, а потом через некоторое время оно включилось...

— Да, все так.

— Однако в компании, обеспечивающей электроэнергией поселок, где расположен ваш коттедж, утверждают, что, несмотря на сильный ветер, отключений и проблем в тот день не было. И когда вы подъехали, автоматические гаражные ворота открылись без проблем, а ведь там стоит электромеханизм. Что вы можете сказать по этому поводу?

— На мой взгляд, никакого несоответствия. Думаю, свет в доме отключил убийца, чтобы скрыться.

Он усмехнулся.

— А потом опять включил? Прошел мимо, и вы ничего не заметили?

— Володя, послушай...

— Владимир Константинович.

— Владимир Константинович, послушай...

— Кристина Сергеевна, прошу без фамильярности.

Вот он как, словно не было между нами ничего, будто мы и правда первый раз сейчас встретились. Захотелось хлопнуть ладонью со всей силы по столу, чтобы он перестал прикидываться только следователем. Злость?! Надо же, я еще не научилась злиться.

— Владимир Константинович, знаете, я была в несколько нервном состоянии. Не каждый день, придя домой, обнаруживаешь мужа убитым. В тот момент я и слона могла не заме...

— Вы любили мужа? — неожиданно и резко прозвучал вопрос, а зеленые глаза с мрачным напряжением уставились на меня в ожидании ответа.

Больно! Запрещенный вопрос от запрещенного человека. Даже дыхание вмиг

перехватило...

«Роберт Евгеньевич не чета тебе, Володька. Ты по сравнению с ним глупый щенок, а он... Мне всегда нравились такие мужчины. Умный, щедрый, имеющий положение, да еще какое положение. Все подобные тебе песики по струнке перед ним ходят. Знаешь, ведь Роберт Евгеньевич — друг моего отца, я еще малюсенькой девчушкой им восхищалась. Но вся эта разница в возрасте... даже не мечтала, что он обратит на меня внимание».

В день, когда были произнесены эти слова, я пришла подготовленной, с заранее хорошо отрепетированным текстом своей подлой роли. Да, еще не знала тогда, что мое замужество будет до такой степени ужасным. Сейчас, глядя в зеленые глаза, лгать сложно, ложь вызывает болезненное отторжение в теле. Отвела взгляд, сделав наконец-то вдох.

— Это не относится к делу.

— Еще как относится. Вы, кажется, забыли, что вашего мужа нашли с проломленной головой в луже крови?

Если бы это можно было вычеркнуть из своей памяти... и еще многое другое... Все последние пять лет моей жизни.

— Отвечайте, какие у вас были отношения с мужем?

Нет, я решительно не могу говорить с Карповым о своем счастливом в кавычках браке. Потому что нужно говорить неправду, а под его настойчивым, пытливым, прожигающим взглядом это более чем трудно. Боюсь Володя сразу поймет, почувствует фальшь.

— Наши взаимоотношения тебя не касаются! — почти закричала я, снова перейдя на «ты».

— Это не ответ, — прорычал Карпов и даже ладонью хлопнул по столу.

Вздрогнула. Он злится. Кажется, я физически ощущаю волны гневного напряжения, исходящие от мужского тела. За пять лет своего брака я стала специалистом по злости, но сейчас отчего-то совершенно не было страшно. Володя медленно поднялся со стула, вышел из-за стола. Он идет в мою сторону. Сердце снова начало разбухать, заполняя все пространство в груди. Того и гляди, ребра проломит. Жадно делаю глубокие глотки воздуха, но кислорода все равно не хватает. Карпов подошел вплотную ко мне сидящей, мужские руки легли на плечи. Затряслась даже, словно на электрический стул попала.

— Давай, Кристи, — раздался зловещий шепот на ухо, — расскажи мне, как ты трахалась со своим мужем. Хорошо тебе было? Ты с ним тоже кричала дикой кошкой во время течки, так же выгибалась, словно костей у тебя нет, закидывала голову, кусая губы и прося «еще»?

Задыхаюсь от его непрестанно бьющего током голоса, от рук, раскаленными тисками сжавших мои плечи. Лучше бы ударил. Что боль физическая по сравнению с этой душевной пыткой?

— Что ты себе позволяешь!

Вскочила со стула, развернулась и... оказалась в мужских объятьях. В нос ударил его неповторимый запах, который невозможно с чем-то спутать, даже если пройдет двести, да что там, тысяча лет. Запах родного, любимого человека. Не смогла противиться, вдохнула его полной грудью и услышала, как Володя тоже втянул через ноздри воздух.

— Кристи, — прошептал Володя, — Кристи...

Мужские руки притянули меня ближе к себе, сжали так, что даже кости хрустнули. В его голосе почудилась мука, такая же мука, которую испытывала я все это гребаное время. Неужели он до сих пор любит?! Нет, это невозможно!

Мужские губы накрыли мои. Требовательно, властно, поглощающе. Боже... Точно знаю, что этого делать не следует, нельзя выдавать свои эмоции, но не могу — уже не властна над собой. Раскрыла жадно рот, а пальцы сами потянулись к его волосам, запутались в них. Мы припали друг к другу, как две до смерти голодные пиявки. Его руки обнимают, сжимают, вдавливают мое тело в себя. А мир начинает кружиться и лететь куда-то далеко-далеко, в наше прошлое, где не было грязных ужасных тайн, которые я вынуждена хранить. Карпов зарычал, оторвался от моих губ, стал покрывать жалящими поцелуями шею, вылизывая, покусывая мою кожу, словно пытаюсь насытиться лакомством. Ну надо же, я живая, живая как женщина. Роберту Евгеньевичу так и не удалось меня убить. Низ живота приятно запульсировал, наполнился жаром, бедра двинулись вперед, желая почувствовать доказательство ответного возбуждения. Мужские губы снова накрыли мой рот, а руки начали лихорадочно шарить по телу, проникая под одежду. Ах, сжали грудь, ах, накрыли лобок через ткань юбки. И мне все равно, что мы в кабинете, куда в любой момент могут войти, хочу сполна выпить свою капельку возбуждения и страсти, ведь я все пять лет замужества точно замороженная была.

В коридоре послышался чей-то смех. Руки Карпова замерли. Нет! Захотелось кричать: «Не останавливайся, пожалуйста, не останавливайся, пусть весь мир подождет! Разве я за эти пять лет ада не заслужила толику удовольствия?!»

Не заслужила... Володя отстранился. В глазах не было больше никаких чувств. Словно тумблер переключил на другой режим. Или мне привиделось?! Они пустые, холодные, чужие. Наверное, такие поцелуйчики просто новый способ разговаривать подозреваемую. Смотрит на меня изучающе, словно на новую разновидность какой-то отвратительной твари. Но руку не убрал, она все еще там, накрывает мой лобок, поглаживает, заставляя меня всхлипывать стоном удовольствия.

— Ну же, скажи, Кристи, ты любила своего мужа?

Ненавидела, презирала, боялась... Но произнести эти слова вслух не имею права, ведь тайны никуда не исчезли.

— Лю-лю-била... — губы, возмущенные такой чудовищной ложью, задрожали. Затем вскрикнула, потому что мужские пальцы на лобке судорожно сжалась, вызвав в теле боль. Схватил за волосы. В зеленых глазах даже не злость — ярость.

— Зачем же ты его тогда кочергой по голове?! Я тебя засажу, Кристи, засажу по полной! Ты мне за все ответишь!! Будешь долго куковать в тюрьме, вспоминая наши загубленные тобой жизни.

А теперь боль в душе! Все там скрючивается, бьется в судорогах изощренных душевных пыток. Не плачь, только не плачь, Кристи!

Карпов решительно отошел, открыл дверь в коридор.

— Уведите! Допрос окончен.

Он не сказал «до свидания», не взглянул больше, отдав приказание, подошел к окну, уставившись в его стеклянную гладь. Боялась, что рухну на пол, и до выхода из кабинета придется ползти, но нет, шатаясь, как пьяная, кое-как дошла до двери. Стены коридора, расплываясь, заплясали перед глазами, а долго сдерживаемые слезы потекли по щекам. Смирись, Кристи, любовь для тебя невозможна.

Прирос к этому чертову окну, а в груди бушует столько всего, что, кажется, скоро взорвусь от переизбытка эмоций. Из здания вывели Кристину, сразу же несколько журналистов кинулись к ней, тыкая микрофонами в лицо. Она выглядела потерянной сегодня, когда зашла в кабинет, и точно испытала шок, увидев меня. А поцелуй, что это был за поцелуй! Интересно, Кристина специально вела себя словно смертельно голодная сучка, чтобы потом использовать мое влечение к ней в своих целях? От нее всего можно ожидать. Или же бедняжка так измаялась за пять дней в каталажке без секса? Это предположение тоже вполне правдоподобно, уж кому-кому, а мне прекрасно известен ее темперамент киски-нимфоманки. Швеец с конвоирующим парнем сели в машину, а тень меня словно отделилась от тела и полетела вслед за удаляющимся автомобилем, пытаюсь хотя бы мысленно догнать ее, отыскать потерянное счастливое прошлое. Постой Кристи, постой, я не могу больше без тебя! Сука! Карандаш, который я держал в руке, под силой воздействия злости, скрючившей мои пальцы, треснул. Тварь продажная, всю жизнь мою перековеркала, переломала меня, словно деревяшку с грифелем! В теле каждая клетка кричит, требуя продолжения близости с ней. Конечно, дали лизнуть наркотик, а потом забрали.

В кабинет зашел Димка Лапугин.

— Ты чего сделал с подозреваемой, вышла вся в слезах?

Она плакала? Кристи... Опять жалеешь ее, слабак? Разве стекляшки достойны любви и жалости?

— Просто обрисовал ситуацию и сколько ей светит. Дамочка, видимо, привыкла чужие жизни воспринимать игрушками.

— В реальности она даже лучше, чем на фотографиях, — продолжил болтать Димка. — В следующий раз, чур, я ее допрашиваю.

Захотелось со всей силы двинуть своему напарнику и другу. Шизик ты, Карпов!

«Лю-лю-била», вспомнилось ее протяжное признание и волна ревливой ярости, прошедшая вслед по моему телу. Что ж, Кристи, попробуем выяснить, как сильно ты любила своего муженька на самом деле? И что действительно произошло в вашем благородном семействе той пятницей?

— Нужно допросить окружение подозреваемой и убитого, — обратился я к Димке, — родственников, прислугу, друзей, коллег по работе.

— Ищем любовника?

— Что-нибудь да ищем.

***

— Ваша фамилия, имя, отчество?

— Гриценко Галина Михайловна.

Передо мной за столом сидела женщина лет пятидесяти. Немного грузная, с широкоскулым доброжелательным лицом, от которого словно веяло теплом и уютom.

— Сколько времени вы работали у Швеца Роберта Евгеньевича и Швеца Кристины Сергеевны домработницей?

— Да вот уже два года... Знакомая порекомендовала, раньше она там прибиралась, а потом была вынуждена переехать.

— Что вы можете сказать о вашей хозяйке, Кристине Сергеевне?

— Да что сказать, хорошая девушка, вежливая, всегда поздоровается, спросит, как здоровье. В целом непритязательная, изысков кулинарных не заказывала. Ребеночка только бы ей, а она все с этими рабочими чертежами таскалась, как с малыши детьми.

В самом деле, странно, что за пять лет брака Кристина так и не родила. Хотя нет ничего странного. «Все твои мечты, это так по-мещански, так глупо и точно не для меня. Я не буду сидеть беременная с пирогами в ожидании, когда ты придешь со службы!» Зачем такой холеной сучке детишки? Лишние хлопоты.

— А Роберт Евгеньевич? Расскажите о нем.

— Роберт Евгеньевич — мужчина серьезный и требовательный. Всегда держал дистанцию и смотрел несколько высокомерно, хотя мы ведь практически ровесники с ним. Он даже постарше на несколько лет будет. Вот уж глазастый, не дай бог где соринку увидит. Сразу отчитывал, да так, что себя ничтожеством ощущаешь.

— Какие отношения были между супругами?

— Не знаю, нормальные, вроде бы. Я ведь не всегда там находилась, только в понедельник, среду и пятницу, и когда они приезжали с работы, уходила. Роберт Евгеньевич не любил чужих людей в доме.

— Во сколько вы уехали в тот вечер когда произошло убийство?

— Убралась, приготовила есть и ушла, часика два часы показывали. Роберт Евгеньевич не возражал, он ведь в отпуске тогда был.

— Когда вы находились в доме, кто-нибудь приходил?

— Нет, никого не видела.

— Скажите, Кристина Сергеевна ссорилась с мужем?

— Я бы не сказала.

Однако что-то в глазах женщины давало понять — она недоговорила.

— Неужели совсем не ругались?

— Однажды, — голос женщины понизился, так обычно старушки пересказывают сплетни на лавочке, — я слышала, как Роберт Евгеньевич кричал на жену.

— Значит, все-таки они ссорились?

— Это не совсем ссора была... Хозяин орал на Кристину Сергеевну, а та молчала, ничего ему не отвечала.

— Как орал?

— Я не совсем разобрала слова. Ну что-то типа: «Дура набитая, сколько раз можно повторять одно и то же». А потом через некоторое время: «Упрямая сука».

Пальцы с силой сжали ручку. Того и гляди, опять переломаю, как давеча карандаш. Неужели этот старый козел, на которого она меня променяла, мог говорить умнице Кристи такие слова?

— А что Кристина Сергеевна?

— Я же говорю, молчала.

— Вы уверены, что он именно к ней обращался, а не беседовал с кем-то по телефону, например.

— Мог и по телефону, конечно, — согласилась со мной домработница. Однако по лицу было видно, что она мало верила в такую возможность.

— Кристина Сергеевна, когда вы бывали в доме, никогда не приезжала с другим мужчиной?

— Не видела. Да и не тот Роберт Евгеньевич человек, чтобы позволить подобное.

— Галина Михайловна, скажите, как вы думаете, Кристина Сергеевна любила своего мужа?

Женщина задумалась.

— Не знаю даже. Она несколько закрытый человек. Приветливая, ласковая, но держалась, как и муж, на расстоянии. Только тот придирался ко всему, а Кристина Сергеевна... такое ощущение, что ей было все равно, есть пыль, грязно или чисто, вкусно приготовлено или нет.

***

— Виктор Николаевич! Капитан юстиции Карпов Владимир Константинович беспокоит. Можно отвлечь вас от дел? Хотел поговорить об убийстве Роберта Евгеньевича.

Корольков был старше меня лет на десять. Высокий, крепенький, плешивый, на лице сосредоточенность и серьезность. Пожали друг другу руки.

— Присаживайтесь.

Виктор Николаевич сел назад в свое кресло, махнул рукой, показывая, что я могу расположиться напротив.

— Признаться, ждал вашего прихода, я ведь Кристину Сергеевну на месте преступления застал.

— Да, кстати, хотел спросить, почему вы были тем вечером в доме семьи Швецов? Пятница как-никак.

— Роберт Евгеньевич тогда отпуск свой догуливал, но он такой человек, любил все под контролем держать. Вот и вызвал меня, чтобы отчитался. Я чуть ли не каждый день к нему таскался с докладами. Пятница и понедельник так в обязательном порядке.

— Как вы попали в дом?

— Позвонил, никто не отозвался. Потом калитку дернул. Она оказалась не закрытой. Это выглядело странным.

— В доме дверь тоже была открыта.

— Да.

— Свет горел, когда вы пришли?

— Только в коридоре и гостиной. Правда, в другие комнаты я не заглядывал.

— Расскажите, что увидели?

— Сначала услышал. Смех. Кристина Сергеевна хохотала.

— Что потом?

— Прошел дальше и увидел тело Роберта Евгеньевича на полу. Он лежал несколько в неестественной позе, около головы лужа крови, глаза не закрыты, взгляд застывший, сразу подумал, что труп. Его жена сидела вблизи с телом, то смеялась, то плакала, руки, одежда в крови, даже на лице кровь. Картина, конечно, жуткая.

Мурашки прошли по коже, когда представил Кристину рядом с покойником. Испуганную, растерянную... Бедная дево... Опять жалеешь ее, даже несмотря на то, что, возможно, она убийца, даже несмотря на то, что эта ведьма без всякого сожаления выбросила на помойку твои чувства, словно старый, отслуживший свое, ненужный хлам.

— Кристина показалась вам вменяемой?

— Ну как сказать, конечно, она была немного не в себе. Но меня узнала. Закричала, что не убивала мужа, ну и потом, когда приехала полиция, вела себя вполне адекватно.

— В доме или когда подъезжали к нему, никого больше не видели?

Корольков лишь отрицательно покачал головой.

— Виктор Николаевич, вы, случайно, не знаете почему не работала система видеонаблюдения?

— Нет, Роберт Евгеньевич ничего не говорил по этому поводу.

— Вы ведь служили вместе, и не раз бывали в их доме, какие взаимоотношения были между супругами?

— Вполне нормальные, Роберт Евгеньевич постоянно хвастался женой: «Моя Кристина то, моя Кристина это». Часто покупал ей подарки.

— Домработница вот сказала, что слышала, как Роберт Евгеньевич орал на Кристину Сергеевну. Вы что-нибудь подобное слышали?

Взгляд Королькова изменился, стал задумчивым.

— В отношении нее нет, но Роберт Евгеньевич частенько не сдерживался в словах. В управлении многим доставалось. У него были диктаторские замашки.

А вот это уже интересно. Кристина ведь еще та горячка. Может быть, нашла коса на камень, и случился этот «бамс» по голове. Но почему так поздно, только после пяти лет брака?

— Вам в том числе?

— Что в том числе? — непонимающе посмотрел на меня Виктор Николаевич.

— Доставалось от Роберта Евгеньевича.

Еще до ответа Королькова понял — отгребал по полной. Впрочем, в системе внутренних дел у многих руководителей манеры далеки от идеальных.

— Бывало, — равнодушно пожал плечами Корольков.

***

— Ваши фамилия, имя, отчество?

— Калашников Сергей Иванович.

— Сергей Иванович, я следователь по делу вашей дочери, хотел выяснить некоторые моменты.

Передо мной сидел седовласый мужчина. Немного полноватый, но это только придавало ему солидности, как и стильные очки в золотистой оправе, через стекла которых смотрели умные темные глаза. Кристинкины глаза. Мы с ним так и не познакомились тогда. Впрочем, на данный момент — это хорошо. Думаю, если бы он знал о наших прошлых отношениях со своей дочерью, то настаивал бы на передаче дела другому следователю. А я теперь никак не могу от него отказаться... Теперь для меня дело принципа — засадить эту стерву!

— Скажите, какие отношения были у вашей дочери с зятем?

— Очень хорошие взаимоотношения. Они любили друг друга. Роберт вообще пылинки с нее сдувал. «Кристинка», «Кристина моя ненаглядная». Подарками задаривал.

Насчет подарков мне уже сообщили, только шуб норковых — три, а украшений столько, что можно каждый день разные носить и месяца два не повторяться.

— Вы никогда не слышали, чтобы они ссорились?

— Нет, они жили душа в душу.

— А вас не смущал такой солидный возраст избранника дочери? Если исходить из материалов дела, он ваш ровесник, и старше Кристины — на 25 лет.

Черные глаза Сергея Ивановича забежали. На большую мозоль, видимо, наступил, все-таки отец, как-никак.

— Роберт Евгеньевич — мой друг, так уж случилось, что Кристина в него влюбилась. Я

ее понимаю, он мужчина харизматичный.

«Роберт Евгеньевич не чета тебе, Володька. Ты по сравнению с ним — глупый щенок, а он... Мне всегда нравились такие мужчины. Умный, щедрый, имеющий положение, да еще какое положение». Теперь моя мозоль начала болеть, щемить в груди...

— Что, по-вашему, я должен был делать? Встать в позу, говоря «только через мой труп»?!

— Не знаю, но я бы такому другу накостилял по шее.

Зря я это сказал, Сергей Иванович побледнел. Совесть мучает его, еще как.

— Скажите, они прожили в браке пять лет, а детей не было. Вам это не кажется странным?

— Послушайте, молодой человек, как вас там?!

— Карпов Владимир Константинович.

— Вы задаете слишком личные вопросы! Не понимаю, чем эта информация может помочь делу?

Немного повысил голос:

— Я пытаюсь понять, почему ваша дочь, если они жили, как вы утверждаете, душа в душу, проломила мужу голову кочергой от камина!

Сергей Иванович отвел глаза. Кажется, кое-какие соображения по этому поводу у него имелись. Но только вряд ли он будет со мной ими делиться.

— Кристина сначала хотела поработать. Знаете, она очень талантливый архитектор. А Роберт, у него есть сын от первого брака, в этой связи вопрос деторождения для него не был очень уж важным.

С отпрыском убитого тоже надо побеседовать. Его еще не допрашивали, но алиби у него железное, во время убийства отца он летел в Таиланд на отдых. И до сих пор еще не вернулся.

— Вы случайно не знаете, у вашей дочери был любовник? Все-таки она женщина молодая, красивая.

— Да как вы смеете!

Его возмущение не удивило, признаться, вопрос я задал специально. Поскольку этот заботливый папаша невероятно меня бесил. Хотелось хорошенько врезать ему, прямо руки чесались. Как можно было отдать Кристи, мою темноглазую девочку, какому-то старому козлу?

— Отвечайте на вопрос.

— Я ничего не знаю об этом.

— Может, любовница была у Роберта Евгеньевича? Он ваш друг, мог с вами поделиться. — И эту фразу я произнес специально, чтобы еще сильнее его задеть.

Калашников Сергей Иванович в гневе вскочил.

— Что вы себе позволяете, молодой человек, надо будет поговорить с вашим начальством!!

— Успокойтесь, Сергей Иванович, обычные вопросы. Я ведь должен выяснить правду.

Отец Кристины сел, решив, видимо, не белениться раньше времени. Мудро. Мне вот тоже нужно попридержать свои эмоции.

— Нет! У Роберта Евгеньевича не было любовницы, у Кристины другого мужчину тоже! Во всяком случае, я об этом ничего не знаю. Они любили друг друга.

— Тогда почему ваша дочь решила поиграть головой мужа в гольф?! От большой любви

и страсти, видимо? — так и не смог сдержать ехидства.

— Я-я не знаю...

Забавно, а ведь отец думает, что именно дочка убила своего мужа. Несмотря на отрицание этого факта Кристиной. Весь город тоже так считает. Но родители, они ведь должны до последнего оправдывать своих детей. А Сергей Иванович даже для проформы не сказал: «Моя дочь — не виновата». Значит, для этого есть серьезные причины. Что-то тут не так, Володя, не сходится...

***

— Ваши фамилия, имя, отчество?

— Звонарева Юлия Александровна.

На стуле сидела миловидная блондинка, с красивыми серыми глазками, которые не без интереса посматривали в мою сторону. Губы у нее тоже ничего, тюнингованные ботоксом, но соблазнительные. Остальное, экипированное в чуть ли не лопающуюся на груди белую обтягивающую блузку и ярко-алую юбку, выглядело так же аппетитно для любого, у кого есть член. Бьюсь об заклад, она сейчас находится в поисках очередного амурного приключения. И, кажется, моя персона во вкусе Юлии Александровны. Может, приударить за ней, развлечься, попробовать остудить огонь в теле, который вызвала эта нечаянная встреча с прошлым? Кого ты обманываешь, Вовчик? Нет, ты, конечно, можешь трахнуть это девицу, но долбаный пожар останется! Я не смог потушить его за эти долгие пять лет. А уж сейчас, когда туда подбросили дровишек, теперь это практически нереально!

— Юлия Александровна, я вас вызвал по делу Швеца Кристины Сергеевны. Расскажите мне, что вы думаете о подозреваемой.

— Кристинка, она странная.

— Как понять, странная?

— Ну какая-то немного не живая...

Вопросительно поднял брови.

— Лишний раз не улыбнется, не поговорит. Со всеми дистанцию держала.

— Она что-нибудь рассказывала о своих отношениях с мужем?

— Смеетесь, нет, конечно. С ней нормально можно было только о работе поговорить, ну или о каких-то общих предметах.

— Юлия Александровна, вы, случайно, не знаете, были ли у Кристины Сергеевны с кем-нибудь любовные отношения, кроме мужа? Может, вы или кто-то другой из коллектива, видели что-нибудь интересное?

— Любовника ищите? — усмехнулась девушка. — Зря, Кристинка не такая, она была верна своему муженьку. Наш директор уже два года по ней слюни пускает, а он видный мужик.

— И что? — спросил напряженно я, мысленно желая настучать по роже этому бабнику директору.

— Полный ноль. Она даже не замечала его интереса.

— Неужели так сильно мужа любила?

Юля немного задумалась.

— Ну, говорите?

— Не знаю, любовь ли это, иногда мне казалось, что Кристина его боялась...

— Боялась? С чего вы так решили?

— Кристина всегда впадала в панику, если приходилось задерживаться на работе,

бежала мужу звонить. Однажды я слышала, как она оправдывалась, словно маленький ребенок перед строгим учителем.

— У них была большая разница в возрасте, — напомнил я.

— Да, но называть мужа на «вы», как-то ненормально это...

Я был полностью согласен с ней. В моем представлении, браки с такой большой разницей в возрасте вообще нормальными трудно назвать.

***

Остальные разговоры с коллегами ничего не дали. Димкины допросы тоже оказались малоинформативными. Мама подозреваемой, как и отец, настаивала на большой любви между супругами. Коллеги, друзья и соседи ничего не знали, не видели, не слышали или же не хотели говорить. Распечатка телефонных номеров подтверждала отсутствие любовника. Кристина звонила мужу, родителям, редко брату, общалась с заказчиками. Но после завершения работы над проектом телефонные разговоры прекращались. И значит, любовником мог быть только заказчик последнего, так и не выполненного ею проекта. Но это женщина. А в то, что Кристина сменила ориентацию, как-то верилось с трудом.

— Н-да, надо признать, с любовником мы ошиблись, — высказал я свои мысли вслух после отчета Димки о проделанной работе. — Получается, что особого мотива у подозреваемой нет.

— Может, мы не ту фигуру ищем? — предположил Димка. — И дело вовсе не в любовнике, а в любовнице? Вдруг дамочка убила муженька из ревности? А что, седина в бороду — бес в ребро, как говорится. Кристина была третьей женой Роберта Евгеньевича, и каждый раз разница в возрасте между супругами была все больше.

— Это тоже надо проверить, — без энтузиазма согласился я. — А еще поговорить с его бывшими женами.

Если честно, мне слабо верилось, что кто-то в здравом рассудке будет гулять от такой женщины, как Кристина.

— Обычно главный мотив — деньги, — выдвинул самую распространенную идею Димка.

— Завещания убитый не оставил. А значит, после выделения супружеской доли наследниками являются жена и дети. Конечно, он мог пригрозить оставить все сыну. И в денежный мотив я охотно поверил бы, будь на ее месте другая девушка. Но Калашникова, то есть Швец, Кристина Сергеевна... Зачем ей это? У папы солидный пост, у мамы бизнес сама Кристина тоже неплохо зарабатывала.

— А может, Швец не врет? Был кто-то третий, убивший Роберта Евгеньевича и подставивший ее?

Вздрыгнул. Эта версия тоже требовала более детальной проработки. Правда, в нее тоже слабо верилось... Потому что... Потому что я был возле ее дома тем вечером. Зачем?! Сложно сказать. Сам себе не могу внятно ответить на этот вопрос. Случайно увидел Кристину в супермаркете, искал подарок для одной женщины, с которой сплю иногда, когда приспичит. Увидел и понял, хочу еще на нее посмотреть. Хотя бы издали. Она шла, ангельски, нет, ведьмовски красивая, мужики оборачивались вслед, но Кристи не замечала, погруженная в свои, кажется, далекие от всего земного мысли. Словно загипнотизированный, пошел следом, почти час таскался по этому огромному торговому комплексу. Ходил за ней, как трус, прячась за манекены, стенды, витрины, посматривая на Кристи украдкой, не решаясь подойти ближе. Да и что я мог бы ей сказать: «Привет! Как

поживаешь? Отлично? А я все пять лет не могу тебя забыть, несмотря на то, что ты, сучка драная, предпочла другого!» Как мазохист со стажем, таскался за ней по всем этим магазинам и бутикам. А душу ломало болью, колотило неразделенной любовью, резало воспоминаниями о былой страсти.

Кристи вышла из торгового комплекса, спустилась на подземную стоянку, а я тенью за ней. Захотелось тогда стать насильником, маньяком, зажать женский рот своей широкой ладонью, утащить в темный угол, вдохнуть ее запах, а потом... одного запаха мне вряд ли бы хватило... оттрахать Кристи за все пять лет, когда я вроде бы кончал, но удовольствия от секса так и не получал, только разрядку... Моя машина оказалась почти рядом. Чудо, однако, я не потерял ее в потоке автомобилей. Ехал осторожно, чтобы Кристина не заметила, старался не бросаться в глаза, не привлекать внимание. Шпион хренов! Вел ее почти профессионально. Она остановилась у своего причудливого дома, а я проехал по дороге дальше, притормозив возле соседней стройки, где уже была припаркована машина. Стоял там минут пятнадцать, не вылезая из салона автомобиля, пялясь на кованые ворота и необычные линии дома, в котором жила некогда любимая до беспамятства девочка, моя распутно-невинная киса Кристи. Терзал себя мыслями, что в это время она сливается в горячих объятьях со своим мужем. Прямо с порога, да так жарко, что даже свет не включили. Но, кажется, я ошибался — в то время она опускала тяжелую металлическую кочергу от камина на голову своего дражайшего супруга. Только вот почему электричество не включила? Убивать при освещении, как ни крути, намного удобнее. А значит, версию о внезапной ссоре можно отмести как несостоятельную. Скорее всего, свет сознательно не выключили, чтобы подкрасться по-тихому и... размозжить череп.

Версия о каком-то третьем человеке причастном к убийству в силу моего нахождения возле дома супругов Швец, была также маловероятной. Ну во всяком случае, никого, выходящего из их дома за эти пятнадцать минут, я не видел. Конечно, можно было перепрыгнуть через забор сзади двора, но в такую дождливую слякотную погоду остались бы следы на земле и заборе. Однако оперативная группа ничего не обнаружила. Может, преступник вышел позже, когда я уже уехал? Но зачем, скажите, пожалуйста, убийце сидеть в доме так долго, рискуя в любой момент быть застигнутым?

В общем, моя дорогая обманщица Кристи, у меня есть куча улик, чтобы посадить тебя за умышленное убийство. Плотно улыбнулся. Но перед тем, как упечь эту сучку за решетку, удовлетворю свою похоть, поиграюсь с ней. Если быть честным, мне безумно хотелось снова увидеть Кристину Швец и не только... снова лизнуть своего персонального наркотика. Ничего, потерпи немного, Вовчик, скоро устроишь ей сексуальный допрос с пристрастием. У меня есть один хороший знакомый, который может в этом помочь.

— Саш, привет. Там у тебя в следственном изоляторе подозреваемая находится, Швец Кристина Сергеевна. Выдели мне, пожалуйста, камеру, часика на два-три, хочу взять у нее показания.

Дружок заржал.

— Все три часа будешь показания брать?

Усмехнулся его догадливости. Буду брать, и не только показания.

— Плыви-плыви, Крысеныш, не бойся, не утонешь!

В нос попадает жидкость. Нет, я не умею плавать, точнее, не умею дышать под водой. Небольшие пузырьки воздуха вместе с жизнью выходят из открытого в попытке вдохнуть рта. Мужские руки перестали удерживать мою голову. Выныриваю. Откашливаюсь, отплеываюсь, сидя на полу красивой ванной с наливными 3D полами...

— Плыви-плыви, Крысеныш, не бойся...

Мужские пальцы опять схватили за волосы, погрузив мою голову в воду. Попыталась вырваться, вынырнуть, но разве слабому маленькому крысенышу по силам бороться с большой и сильной крысой? Жизнь покидает мое тело танцем из пузырьков воздуха. Один пузырек, второй, третий. Интересно, на каком из них я умру? Нет, он вытащит! Роберт Евгеньевич только пугает, на самом деле он боится потерять свою девочку для биття. Ведь ему надо над кем-то издеваться, он подсел на эти эмоции и больше без них не может. Но мужские руки продолжали крепко удерживать мою голову. Странно, я, кажется, вся погрузилась в воду, и жидкости теперь не маленькая заполненная до краев ванна, а ее много-много... целое море, целый океан, весь мир. Кристи, ты же можешь от него уплыть, и Роберт Евгеньевич не найдет тебя в этой толще воды! Боли и страданий больше не будет! Отчаянно заработала руками, ногами, всем телом, стремясь туда... глубже, дальше, к свету. Я умираю?

Сделала глубокий глоток воздуха и... подскочила с жесткой поверхности тюремной кровати. Сон! Всего лишь сон... Кристи! Это Роберт Евгеньевич умер, а ты живая! Живая! Ну так и живи, Кристина, черт тебя побери! Теперь никто не сможет над тобой измываться! Не сможет?! Муж даже после своей смерти нашел способ мучить меня. Теперь вот ужасными снами. Страх, ненависть перед ним так глубоко засели внутри моего тела и сознания, что не дают нормально жить. Нет, не возьмешь, все равно освобожусь от всей этой грязи и назло ему стану счастливой. Навсегда забуду пятилетний ад, который устроил мне усопший супруг! Я смогу, наполню свою голову новыми воспоминаниями и впечатлениям.

А если меня осудят за убийство мужа? Сколько лет я могу получить? Восемь... девять? Выйду на свободу почти в сорок. Кошмар... Вся жизнь загублена в попытке сохранить чужие тайны. Радует одно, детство у меня было счастливым, да и потом тоже... жизнь подарила немного счастья, немного времени с ним...

Володя... Как сейчас помню наше знакомство. Тогда я была Калашниковой, во всех смыслах этого слова. Красивая, уверенная в своей неотразимости и таланте, дочка обеспеченных родителей, привыкшая, что практически все для нее доступно. В том числе мужчины, стоит только пальчиком поманить. Мы встретились в ночном клубе. Банально. Возможно, но дело в том, что Володя Карпов не относился к категории тех людей, которые там обычно бывают. Он совсем из другой среды, где всего добиваются трудом и своим умом. Такие мужчины, как правило, не тусуются в подобных мажорных заведениях. Просто парни из нашей компании подрались с другими, и хозяин клуба вызвал полицию. Ах, нет, тогда еще милицию. Одним из прибывших оперативников и был Карпов. Я глянула на него и все — пропала. Тушите свет, и, чур, не подглядывать, не подслушивать, оставьте скорее нас наедине! Желательно на всю ночь! Нет — на три ночи! Ах, какой я была тогда восхитительно наглой!

— Молодой человек, простите, не расслышала, какое у вас звание?

Зеленые глаза смотрели на меня с неприязнью, пожалуй, даже презрительно. Было видно, что он не очень-то жалуется девиц, подобных мне в тот момент: веселых, самоуверенных, в подпитии, отдыхающих в дорогих и престижных клубах. Ему, наверное, больше по нраву занудные домашние клуши. Хотя нет, не совсем так, такие типы предпочитают нежных, женственных, возвышенных девушек, которых хочется оберегать и защищать. Впрочем, на мой взгляд, одни от других не далеко ушли. А вот я могу быть разной, и такой, как ему нравится, в том числе.

— Лейтенант милиции, Карпов Владимир Константинович.

— "Младший лейтенант, мальчик молодой, я хочу потанцевать с тобой», — запела я.

А потом, виляя бедрами, подошла к нему, обхватила руками мужскую шею, прислонившись всем телом, туго упакованным в обтягивающее ярко-зеленое платье. Только Владимир Константинович не был настроен шутить. Молниеносное движение — и вот я уже на "пионерском" расстоянии от такого притягательного мужского торса, а мои руки, как у примерной девочки, вытянуты по швам. Конечно, я попыталась сопротивляться, но куда там, этот бугай выше меня на целую голову, а силищи в нем... более чем много. Он как скала. Однако мысли в моей голове витали совсем не благопристойные, потому что меня безумно волновали удерживающие меня в прилежном положении горячие мужские пальцы. Аж трянуло прямо всю! Его сила, суровость показались жутко эротичными. Облизнула вмиг пересохшие губы и ощутила ответную реакцию. Даже несмотря на устроенное Карповым расстояние между нашими телами он на меня среагировал. Женщины всегда это чувствуют. Зрачки зеленых глаз чуточку расширились, взгляд стал другим, напряженным, горячим, а пальцы, кажется, чуть сильнее сжали мои предплечья.

— Я просто лейтенант, — спокойный мужской голос ничем не выдавал почудившееся мне возбуждение.

Неужто правда показалось? Выдаю желаемое за действительное?

— Если я буду называть тебя полковником, отпустишь моих друзей? Они совершенно не виноваты в этой драке.

Усмехнулся.

— Обязательно, после выяснения личностей и дачи показаний.

— И обыскивать будешь? — снова посмотрела в лейтенантские все-таки расширенные зрачки, на поверхности которых застыло изображение моего лица. — Знаешь, у меня есть пистолет и даже какой-то поро...

Договорить не успела, один неожиданный разворот и теперь я прижималась щекой к декоративной шпукатурке стены ночного клуба. Мужское колено молниеносно вклинилось между моими ногами, вынуждая расставить их шире. Руки были подняты по обе стороны от головы и тоже прижаты к стене. Попытки высвободиться ни к чему не привели. Куда мне справиться с этим медведем в погонах!

— Не дергайся, — зашипел на ухо старший лейтенант.

Ой, кажется, я доигралась! Пальцы бесцеремонно начали ощупывать мое тело: шею, плечи, груди, ложбинку между ними, потом пошли вниз по женственным изгибам. В движениях нет ничего эротичного, это самый настоящий обыск, но я так сексуально заряжена, что невольно выгнулась, выпятив ягодицы ближе к мужскому туловищу. Наглые руки прошлись по внутренней поверхности моих бедер и легли на трусики. Из моего горла вырвался полустон-полувсхлип. Внизу живота произошел словно толчок, который

перевернул вверх дном все внутри меня, заставив промежность пульсировать в ожидании продолжения прикосновений. Кажется, шевельни он там легонько пальцами, и я забьюсь в оргазме.

— Обманывать нехорошо, — раздался возбуждающий мужской шепот на ухо.

— Эй, ментяра, ты чего к ней лапы тянешь!! — заорал Вадик — парень из нашей компании, который интенсивно за мной ухаживал, пытаюсь охмурить.

Надо же было ему вмешаться! Эх, Вадик, эти пальцы перевернули не только мои внутренности, но и все представление о мужчинах, любви и сексе. Я, кажется, больше не смогу без них жить!

Мужская рука на моих трусиках, боже... как я и хотела, шевельнулась. Этим движением он словно кости из меня вытащил, превратив в безвольную, мечтающую оказаться с ним наедине, подрагивающую от желания бесформенную субстанцию. Всклипнула и обернулась, желая увидеть, понять, а как на старшего лейтенанта действует наша близость, но... тут подскочил Вадик и врезал Карпову в глаз.

— Руки от нее убрал!!

Лейтенант ответил точным ударом в челюсть, от которого мой, теперь уже точно бывший, парень упал на пол. Вот тут-то и завязалась настоящая драка, на разнимание которой прибыл еще один наряд блюстителей порядка. Пришлось звонить папе, чтобы помог. Вскоре в каталажке, куда нас загребли, появился папин друг, полковник милиции — Швец Роберт Евгеньевич. Все недоразумения сразу разрешились. Роберт Евгеньевич всегда умел производить впечатление.

На следующий день вечером я стояла у дверей отделения, где трудился Карпов Владимир Константинович. Ждала, когда он закончит дела и пойдет домой. Не могла по-другому! Мне нужно было понять — мощнейшее сексуальное, и не только, притяжение в самом деле существует между нами, или же мне все привиделось под воздействием паров алкоголя? Ведь утром я проснулась другой — влюбленной, с танцующими бабочками в животе, которые постоянно порхали, закручивая небольшие вихри внутри моего тела. От них мне было щекотно, и, наверно, поэтому я постоянно улыбалась. Словно идиотка... Нет, не привиделось! Стоило взглянуть на Карпова, и крылатые бестии устроили в животе целую бурю. Только вот лейтенант милиции, кажется, совершенно не был рад нашей встрече. Смотрел в мою сторону хмуро, даже с неприязнью.

— Привет, — протяжно пропела я, сияя, словно до блеска натертый самовар, и постаралась выдать свою самую обворожительную улыбку под фирменным названием «устоять невозможно».

Складка между густыми бровями Карпова стала только глубже, а радость от лицезрения моей прекрасной физиономии так и не появилась. Похоже, у него в животе полный штить наблюдается, и никаких завихрений, вызванных полетом прекрасных насекомых, в помине нет.

— Здравствуйте, Калашникова Кристина Сергеевна.

Фыркнула. Как официально! Карпов хотел пройти мимо. Но я вцепилась в его локоть, не давая уйти. Ах, как посмотрел на руку, словно заморозил, нет, обжег! В общем, рука отнялась.

— Лейтенант, скажи, чтобы ты стал со мной разговаривать, мне нужно совершить преступление?

— Попробуй, — ответил он, нервно стряхивая мою онемевшую руку со своего локтя.

— Ты же милиционер и должен предотвращать преступления, а не толкать на совершение новых! Я пожалуюсь твоему начальству!

Карпов обернулся и так улыбнулся, что я, кажется, взлетела на полметра вверх от восторга.

— У меня и так из-за тебя выговор и фингал под глазом.

Но несмотря на его слова, я почувствовала, поняла, лед треснул и пошел крупными глыбами по теплоте взаимного интереса. А я уж постаралась взглядом, прикосновением к его руке добавить жара, чтобы даже самые стойкие льдинки не просто растаяли, а даже превратились в пар...

***

— Швец, на выход!

Как не хочется выныривать из этих счастливых воспоминаний! Затеряться бы там, остаться в них навсегда!

— Сегодня тоже на допрос? — уточнила я у охранницы, а сердце тревожно забилось, неужели мы снова увидимся.

— Радуйся, Швец, свидание тебе разрешили.

Большая комната, куда меня привели, была разделена перегородкой, с одной стороны которой находились родственники, а с другой — подследственные. Перегородка, в свою очередь, дробилась выступающими панелями на отдельные кабинки, в каждой из которых находились стул и телефонный аппарат. По другую сторону стекла меня ждал папа.

Папа... Все это время я делала все возможное, чтобы никто из родных, особенно отец, не догадались о том, как несчастен мой брак. Когда мы приходили в гости к родителям, старалась быть веселой, улыбчивой, выглядеть Кристиной Калашниковой, а не бледной ее тенью. Боялась, что папа или мама обо всем догадаются, поймут о моем вранье насчет "большой любви, долго зревшей в душе", о которой я не решалась никому поведать и которой "не смогла противиться". "Долго зрела" только похоть Роберта Евгеньевича. Еще с подросткового возраста ощущала на себе его липкие, нескромные взгляды.

— Доченька, как ты?

У папы грустные глаза.

— Все хорошо.

— Разве в этом месте может быть хорошо?

Как ни странно, здесь намного лучше, чем последние пять лет моей жизни. Особенно после того, как я узнала, что дело об убийстве Роберта Евгеньевича ведет Карпов. Пусть Володя сейчас очень зол на меня и смотрит презрительно, пусть! Главное, что я теперь хотя бы изредка могу им любоваться!

— Нормально, пап, жить можно. Только очень скучно в одиночной камере. Я думаю попросить, чтобы меня перевели в общую.

Может быть, среди тюремных разговоров других несчастных женщин, я реже буду вспоминать свое вынужденное замужество и перестану ощущать себя израненной птицей, которую всю истыкали прутьями золотой клетки.

— Нет, Кристи, — в глазах отца появился страх, — ты жена крупного начальника полиции, это может быть опасно. Люди, которые сюда попадают, ненавидят тех, кто находится по другую сторону закона. А уж про зависть людскую вообще молчу.

Отчего-то совершенно не страшно, я и так уже вся переломанная. Вряд ли мне будет больнее, чем тогда, когда я, уходя, вырывала вместе с сердцем свою любовь. Или когда муж,

подтащив меня к горящему камину, выжигал той самой кочергой, которой его убили, татуировку на моем плече — маленькую рыбку, сделанную в честь большого старшего лейтенанта Карпова. «У моей жены не должно быть татуировок на теле, ты же не зечка какая-нибудь!»

— Доченька, — отец понизил голос, — скажи, зачем ты это сделала? Вы ведь хорошо жили с Робертом?

Папины глаза смотрели с надеждой. Он наверняка подозревал, несмотря на мою игру, что не все так ладно "в датском королевстве". Ведь старые друзья должны догадываться о повадках друг друга. Я понимаю папу, он хочет развеять свои сомнения и не чувствовать себя виноватым. Но у меня нет больше сил жертвовать собой, для того чтобы все другие жили спокойно и сыто.

— Папа, — тоже понизила голос, чтобы рядом сидящие случайно не расслышали, о чем мы беседуем, — будь готов к тому, что все узнают...

Не договорила, но отец меня понял, его глаза потрясенно расширились...

— Дочка, прости....

Подняла вверх руку, призывая его остановиться в своей покаянной речи. Телефоны ведь могут прослушивать. Да и в конце концов, это было прежде всего мое решение.

— А главное, папа, я не убивала Роберта Евгеньевича.

— Почему ты не хочешь поговорить с адвокатом? Он лучший в нашем городе по уголовным делам...

— Потому что твой хваленый адвокат вместо того, чтобы сосредоточиться на доказательстве моей невиновности, хочет выдать меня за умалишенную.

— Ты его в самом деле не убивала? — в голосе отца звучало сомнение.

Если даже папа мне не верит, то что можно говорить обо всех остальных...

— Папа, если бы я решила с ним расправиться, то сделала бы это намного раньше.

Отец кивнул, соглашаясь с моими словами, однако сомнение все равно читалось на его лице. Но продолжать дальше расспросы он, слава богу, не стал.

— Доченька, у меня еще одна неприятная новость. Воспользовавшись отсутствием хозяев, ваш дом обокрали. Ты не представляешь, что они там устроили, даже обои зачем-то сорвали.

Вот оно. Не я одна мечтала выбраться из липкой паутины Роберта Евгеньевича.

— Мы с мамой там немного прибрались, но вообще, конечно, ужас, придется делать ремонт.

— Как ведет себя подозреваемая? — спросил я у приятеля, когда мы шли по коридору следственного изолятора.

— Тихая, книжки все читает. Знаешь, что меня удивило? Она попросилась в общую камеру.

Мозг отказывался представить эту картину — Кристина Калашникова, точнее Швец, и обыкновенные зечки вокруг. Вот уж поистине «от тюрьмы да от сумы не зарекаются».

— Как думаешь, удовлетворить ее просьбу? — посоветовался со мной хороший знакомый и одновременно заместитель руководителя данного учреждения Кравцов Александр Григорьевич.

— Не думаю, что это хорошая идея. Она ведь не обыкновенная подозреваемая, муж кучу людей пересажал, вдруг кто-то решит отомстить или поиздеваться над богачкой. Огласка может получиться — мама не горюй. А чья голова полетит первой?!

Сашка кивнул, соглашаясь с моими словами.

— Правильно, твоя.

Впрочем, не только забота о дружке была причиной моих слов. Черт, она, конечно, гребаная лживая сучка, но я не хочу, чтобы с ней что-то случилось. Ведь я тогда любого сгрызу...

— Вон та камера, — показал Сашка в сторону серой, судя по всему, железной, двери. — Она уже там.

Сердце тревожно забилося, в животе все пошло завязываться узлами. Кристи, моя Кристи. Веревки из меня вьет, гадина! Тело начало ломать в предчувствии новой дозы наркотика.

— Когда нужно будет увести подозреваемую, звякнешь.

— Хорошо, Саш, спасибо тебе.

— Не за что, вот ключи от камеры и наручников, вдруг понадобятся, — подмигнул мне Кравцов и удалился.

Как же эта сука на меня действует, даже дверь трудно открыть — от волнения руки дрожат.

Кристи стояла у маленького деревянного столика. Черт возьми, какая она красивая! Ей бы в кино сниматься в роли роковых красоток, ради улыбочек которых мужики готовы хоть в огонь, хоть в воду, даже звездочку с неба достать.

— Ты... — произнесла она вмиг побелевшими губами.

Ничего, скоро я верну им краски, так зацелую, закусаю, что будут неделю гореть! Кажется, наша встреча Кристину тоже не оставила спокойной. И это приятно осознавать, даже если ее неравнодушие вылилось бледностью. Боишься меня, изменница? Правильно, бойся!

— Я, Кристи. А ты не рада меня видеть?

Она так странно глянула. Ах, как она глянула. Словно кол вонзила в грудь. А потом закусила губы, будто боясь сказать что-нибудь лишнее. Все внутри, да и снаружи тоже, встало дыбом от осознания ее присутствия. Я сейчас сдохну, если не прикоснусь к ней. Нет, Вова, нет, ты же не юнец четырнадцатилетний! Держи себя в руках, держи себя в теле, не рвись к ней каждой своей клеткой!

— Решил взять показания в более неформальной обстановке, тебе ведь не понравилась моя официальность в прошлый раз.

— Не понравилась, — тихонько согласилась она.

— Видишь, Кристи, я готов сделать все, чтобы тебе было комфортно.

— Володь, сними с меня наручники, — тут же попросила Кристина.

— Нет, девочка моя, пока нет.

Улыбнулся ей ласково, а скорее, плотоядно. Просто, прежде чем сожрать кису Кристи, хочу вдоволь наиграться.

Медленно подошел ближе. Она не отступила и посмотрела в глаза. Жарко, очень жарко. Кто с кем играет, гребаная сучка? Поднял руку, дотронулся до ее щеки. Кристина прикрыла глаза и потерлась о мою ладонь. Нежно, блаженно, будто эта ласка доставляет ей удовольствие. Играет гадина, притворяется! В груди открылась так и не зажившая рана. Ушла ведь стерва тогда не с пустыми руками, сердце прихватила в качестве трофея. Резко схватил за волосы, больно потянул, вынудив ее запрокинуть голову и распахнуть прикрытые в неге глаза. Темные, красивые, ведьмячьи.

— Скажи мне, Кристи, зачем ты убила своего мужа?

— Я его не убивала.

— А кто тогда?

Смотрит твердо, без страха, с уверенностью в своей правоте.

— Ты — следователь, Карпов, вот и ответь на этот вопрос.

— Позже, — пообещал я ей.

Расследование никуда не денется, а вот я больше не могу ждать. Чуть ослабил хватку своих пальцев. Потом стащил с ее волос резинку, и они темной волной упали на женские плечи. Так она еще красивее. На Кристине надета тоненькая шерстяная юбка и в тон стильный молочный джемперок. Даже в тюрьме она прежде всего красивая, стильная женщина. Одним молниеносным движением стащил юбку вниз.

— Ты что делаешь, Карпов?!

Ухмыльнулся.

— Раздеваю тебя, Кристи, ты же, помнится, хотела неформального общения.

А потом заорал, специально громко и грозно:

— Переступи через юбку!!

Кристина, как кошка, зло сощурила свои чернющие глазница. Но сделала по-моему. Хорошая девочка. Понимает, когда надо отступить, а когда свое упрямство показывать. Как жаль, что сейчас осень, а не лето — на ней еще колготки надеты, да сапожки с низким каблуком. Посадил Кристину на узкую жесткую кровать, которая была в углу этой клетушки. Сашка мальчик понятливый, камеру выделил с кроватью, чтобы было удобнее... брать показания. Сам опустился на корточки возле прекрасных девичьих ног. Королева и ее верный подданный. Наслаждайся моментом, детка, не всегда так будет. Взял стройную ножку в свои лапищи, потянул молнию ботинка вниз. Кристи не сопротивлялась, только смотрела своими невозможными ведьмячьими глазами. Ее стопа в моих лапищах кажется такой маленькой, грациозной, хрупкой. Захотелось двух одновременно взаимоисключающих вещей: сжать эту маленькую ножку и давить, давить... давить, пока кость не хрустнет! Нет, целовать, каждый пальчик, каждый участок кожи! Нежность все же перевесила. Прильнул к стопе губами. Полувздох-полувсхлип вырвался из женского рта. Как это у нее получается? Однажды услышав этот возглас, больше пяти лет назад в зале дорогого ночного клуба,

подумал, что теперь не будет мне покоя, пока не добьюсь повторения. Снова и снова.

— Володь, что ты делаешь?

— А ты еще не поняла, Кристи, играю с тобой в доброго и злого полицейского. Сейчас я добрый.

Расстегнул второй сапожок. На этот раз целовать не стал, отбросил его в сторону и молниеносно вверх, вцепился в резинку эластичных колготок, а потом стащил их вместе с трусиками. Она вскрикнула, попыталась меня оттолкнуть, ударив в грудь руками, все еще скованными наручниками.

— Не рыпайся, Киса, теперь я злой полицейский!

Затем, опровергая свои слова, прильнул своей головой к ее обнаженному животу, носом уткнувшись в тонкую полоску темных волос на лобке. Вдохнул запах.

— Кристи, девочка моя...

В голосе смертная тоска. Зачем я это вслух сказал? Тюфяк. Собственная слабость злит, вынуждая действовать жестче. Поднялся, подцепил пальцами тонкий джемперок, надетый на ее тело. Черт, наручники на запястьях не дали его стащить. Зато открылась прекрасная картина женской груди, обтянутой белым кружевом бюстгалтера. Кристи, наверно, неудобно так с поднятыми руками, со свитером, натянутым на голову. Ничего, потерпит. Я пять лет ждал возможность прикоснуться к ее сиськам. Соски так призывно торчат. Накрыл ее правую грудь ртом, почти половину втянул в себя и начал сосать, прямо через кружево, жадно, словно изголодавшийся ребенок. Какой же вкусный мой персональный наркотик! Кристи запищала, завозилась подо мной, еще сильнее разжигая во мне похоть. Пальцы пошли гулять по такому притягательному женскому телу, желая почувствовать теплоту и бархатистость кожи, потом нагло полезли в ее промежность. Влажная! Нет, даже мокрющая! Захотелось кричать, торжествуя. Она все так же хочет меня, так же загорается, стоит только к ней прикоснуться! Моя похотливая киса, Кристи. Помнится, в прошлом, когда я приезжал к ней, усталый, голодный после службы, она, томно смотря своими чернящими глазами, игриво накручивая локон на пальчик, спрашивала:

— Володь, что сначала — на кухню или в койку?

Какая уж тут кухня! Я почти всегда выбирал второе, и, конечно, не для того, чтобы поспать, даже до смерти усталый, все равно на нее залазил, надеясь еще и еще раз услышать сводящий меня с ума полустон-полувздых.

Сука, зачем же ты все испортила?! Переломала, перепоганила наши чувства, наплевала прямо в душу!

Оторвался от женской груди, снова став злым полицейским. Опустил свитер на место. Черт, куда я дел ключи от наручников? Хочу увидеть ее полностью голой! Нашел, на стол бросил вместе с телефоном и документами.

— Кристи, вытяни руки!

Она смотрела на меня своими ведьмячьими глазами, но слушаться не спешила.

Заорал:

— Делай, что тебе говорят, не беси меня!!

Вздогнула, на этот раз посмотрела с удивлением, словно не узнавая, и вытянула руки. Затем действовал быстро, расстегнул наручники, стащил с ее тела джемпер. Быстро справился с застежкой на лифчике (не растерял еще сноровку), груди упруго выпрыгнули мне в ладони. Спустил кружевные лямки с плеч и дальше вниз по рукам, избавляясь от последней детали туалета. Снова надел железные браслеты на тонкие запястья, застегнул.

— Да иди ты, Карпов, к чертям собачьим!

Женские руки в наручниках, раздраженно толкнули меня в грудь. Она попыталась освободиться. Но пальцы в темных волосах, жестко фиксировали Кристи все так же в моих объятьях. Потянул за цепочку наручников, вынудив Кристину подняться с кровати. Сам же отошел, чтобы полюбоваться этим совершенным произведением природы. Кристи невысокого роста, всего метр шестьдесят, ниже меня практически на целую голову, но сложена просто идеально. Стройные длинные ноги переходят в манящие бедра и попку, тонкая талия, полная грудь с эротично выступающими коричневыми столбиками сосков, длинная шея, личико прекрасной ведьмы, на котором горят темные бездонные глаза. А еще тонкий носик и совершенные линии рта. Ее губы — это отдельная песня. Пусть банальное сравнение, но они действительно походили на прекрасный цветок-плод, который хотелось без конца целовать, кусать, желая вдоволь насытиться их мягкостью и влажностью. Как заговорил, придурок, романтичный идиот! Вот сейчас насытишься, поставишь ее на коленки и пускай насасывает! Кристи горделиво приподняла свой милый носик и даже не попыталась прикрыться, наоборот, бесстыдно расправила плечи, предлагая любоваться нагим совершенством своего тела. Ведьма! Все так же рассматривая ее во все глаза, потянулся к своей ширинке, медленно расстегнул ремень, потом молнию на джинсах, нырнул в трусы, вытаскивая окаменелый донельзя член. Пришло мое время раздеться. Стащил с себя футболку, ботинки, брюки. Она не отвела взгляда, только легкий румянец, появившийся на девичьих щеках, выдавал ее смущение, а быть может, возбуждение. Вид обнаженной прекрасной женщины, к тому же в наручниках, бил по самым темным, зверским инстинктам. Они рвались на свободу, желая мучить эту женщину, которая когда-то сделала мне так больно. Предательница! Медленно подошел к ней. Ах, как смотрит ведьма, просто душу прожигает чернотой своих глаз. Руки зачесались в желании касаться ее, гладить, лапать, сдавливать. Не стал себя сдерживать, дотронулся до пухлых девичьих губ, Кристи приподняла подбородок и прикрыла блаженно веки. Опять игра? Другую руку запустил в каскад темных прядей.

— А теперь, Кристи, расскажи мне о своих любовниках. Или старый козел, твой муж, был так хорош в постели, что мог удовлетворить такую похотливую блядь, как ты?

Черные ведьмячьи глаза открылись, что-то вроде боли промелькнуло в них.

— Не рыпайся, киска, я снова злой полицейский.

— И что?!

— А то! Опускайся на коленки и работай старательно губками, чтобы я подобрел.

— Да пошел ты!

— Всенепременно, Кристи, сейчас вот хорошенько выебу тебя и пойду, а тебе придется еще лет восемь куковать в подобных заведениях. Так что пользуйся возможностью порадовать себя крепким хуем.

В чернильных глазах опять плескалась боль, даже отчаянье, и моя совесть противно заныла, заставляя чувствовать себя мужланом, последней скотиной.

— Не надо давить на жалость, Кристи. К тебе у меня осталось только немного желания. Все остальное ты вырвала с корнем, когда уходила.

Слезинка скатилась по женской щеке, слизнул соленую каплю языком. Какое вкусное лакомство — ее страдания. Надавил на хрупкие плечи, вынудив Кристи под силой воздействия моих рук опуститься коленками на пол. Странно, она и не сопротивлялась, была на удивление послушной. Член горделиво топорщился прямо в пухлые губы.

— Ну же, Кристи, открой ротик, будь хорошей девочкой...

Посмотрела на меня, словно грудь распоролась своим взглядом, в нем столько всего читается: боль, нежность, покорность. Удивительно, но она послушалась. Губы жарко обхватили головку моего члена, влажно всосали внутрь.

— Крист-и-и-и!.. — взвыл от остроты переживаемых ощущений и дернулся, точно припадочный.

Пальцы лихорадочно погрузились в темные пряди моей персональной ведьмы. Она точно связана с нечистой силой! Сколько женщин делало мне минет? Десяток точно, но никогда ничьи прикосновения до такой степени не заводили. Мягкие губы скользнули дальше по стволу, насаживаясь практически до основания члена. Кристи просто прирожденная минетчица, может творить своим языком и губками настоящее волшебство, превращая меня то в требовательного зверя, то в просящего трепещущего мальчишку. Губы скользнули назад, на миг выпустили головку из своего плена, я даже не успел недовольно заворчать, как она снова ее поймала. Горячий язык прошелся по уздечке, нырнул в прорезь головки, опять заставив мое тело дернуться в припадке удовольствия. Черт, еще пара таких движений и кончу! Ничего удивительного, я ведь так по ней изголодался! Пальцы в темных волосах который раз судорожно сжались. Наверное, я делаю ей больно. Кристи, плотно насадившись кольцом своих губ на мой нехилый отросток, посмотрела на меня. Поглотила, подавила своими глазами, затянув в черную дыру вечной страсти, из которой невозможно выбраться. Ведьма, ведьма, прекрасная ведьма у моих ног! Такую не забудешь, даже если пройдет сотня лет, не то чтобы какой-то пяточек! Руки требовательно задержали ее губы у основания члена. Женское горло свело рвотным спазмом, прекрасные глаза затуманились слезами, став еще более сюрреалистически глубокими. Отпустил... Кристи жадно вдохнула воздух. Но я, в своем желании обладать, не дал ей надышаться вдоволь. Снова подставил член к прекрасным и теперь совсем не бледным губкам. Кристи беспрекословно обхватила член своим ртом, а потом интенсивно заработала на стволе, вниз и обратно, вниз и обратно. На девятом или десятом таком витке не выдержал, зарычал, опять судорожно сжал пальцами черные волосы и начал кончать в теплый, все еще сосущий ротик. Бетонный пол камеры на миг качнулся, а я снова основательно провалился в райскую темноту ее глаз.

— Глотай, глотай, Кристи! Если бы ты знала, как долго я об этом мечтал.

Она опять-таки послушалась, проглотила, а потом старательно облизала член, словно моя сперма действительно вкусная штука. Похотливая Киса Кристи.

После оргазма накатила волна усталости, какой-то приятно-заторможенной опустошенности. Подхватил свою ведьму под мышки, оторвал от пола. Сейчас исполню еще одно свое настоятельное желание, от невозможности удовлетворить которое хотелось выть по вечерам все эти пять лет. Как же мне раньше нравилось лежать с ней, обнявшись, вдыхая полной грудью неповторимый аромат этой женщины...

Кровать узковата, даже для одного меня, не то чтобы для двоих. Но ничего, лег на нее сам, а свою драгоценную ношу поместил сверху, себе на грудь. Как же приятна эта тяжесть! Она завозилась, устраиваясь поудобнее, нежно потерлась о мое плечо. Руки сразу максимально крепко обхватили Кристи. Теперь женское тело от меня можно только бронепоездом оторвать. Эх, вдавить бы ее в себя, срастись с ней, чтобы Кристи больше не смогла уйти замуж даже к самым влиятельным и богатым дядькам. Придунок, зачем я тогда отпустил свою ведьму? Пальцы пошли путешествовать по манящим женским изгибам. Глажу ее, точно котенка, от макушки, дальше по спине к округлой попке. Ну же, помурлычь,

Кристи, как это, помниться, бывало раньше, помурлычь, выставляя тело навстречу моей ладони. Нет, она лежала тихонько, бездвижно, словно затаившаяся, забившаяся в угол мышка. А грудь, где находилась девичья голова, стала влажной. Догадка прошибла мозг.

— Кристи?!

Ее щеки были мокрыми.

— Кристи, почему ты плачешь?

Она не ответила, лишь закусил губы, а слезы, кажется, еще сильнее побежали из глаз. Какого черта?.. Пришлось разрушить наш милый лежачий бутерброд. Усадил ее на кровать, пальцами легонько сжал и приподнял подбородок, вынудив на себя взглянуть.

— Швец Кристина Сергеевна, почему вы ревете? — попробовал я снова включить злого полицейского.

Кристина молчала, а прочитать, понять что-либо по ее ведьмячьему лицу невозможно. Меня бесит это молчание. Что не так?! Что я сделал не так?! Слишком люблю ее, видимо. А может, это игра? Попытка меня разжалобить и следующие ее слова будут: «Милый, в СИЗС так плохо, сделай что-нибудь, найди, пожалуйста, козла отпущения, на которого можно будет повесить убийство Роберта Евгеньевича». А я ведь сделаю, все сделаю!

— Какого хрена ты плачешь?!

Она раздраженно вытерла щеки руками.

— Не обращай внимания. Будь и дальше злым полицейским!

— Твою ж мать, отвечай на вопрос?!

— Эти вопросы не относятся к делу убийства моего мужа. А еще, насколько я знаю, плач в нашей стране не является уголовно наказуемым деянием.

Наглая сучка! Слез больше не было, темные глаза теперь смотрели с вызовом. И я откликнулся на этот вызов еще как, член начал снова твердеть. Ведь обнаженной и злой Кристи выглядела восхитительно. Счел своим долгом предупредить.

— Я тебя съем, киса Кристи.

— Попробуй, Карпов, — ответила она и показно щелкнула зубами. Дескать, я тоже умею кусаться.

Нашел пальцами ее подбородок, приподнял. Коснулся нежных, натруженно-пухлых после минета губ, пропитанных вкусом секса, точнее, вкусом моей спермы, но оттого не менее сладких. Рука, нежно гладившая женскую кожу до этого представления со слезами, увесисто шлепнула по манящей попе. От неожиданности Кристи вскрикнула прямо в мои губы, все еще настойчиво терзающие сладкий рот поцелуем. Добавим ей удовольствия, пальцы, после шлепка мявщие мягкие женские ягодицы, чуть сместились, нырнули между девичьих ляжек. Кристи, Кристи, одно между нами остается неизменным, несмотря на пять лет разлуки, твое предательское замужество, мои попытки наладить нормальную жизнь и кучу женщин для этого, мы хотим друг друга. Нет, пожалуй, слово «хотим» слишком мало для описания того, что происходило сейчас между нашими телами. Мы друг друга — жаждем! Нашел в скользких складках ее клитор. Еще один полувдох-полувсхлип был безжалостно проглочен моим горлом. Ничего, сейчас эти «охи» косяком пойдут. Сразу двумя пальцами внедрил во влажную промежность. Кристи снова посмотрела на меня, удивленно, жалобно, с надеждой на продолжение... Конечно, детка, я только за, продолжить. Интенсивно задвигал пальцами в хлюпающей женской вагине. Потекла моя девочка изрядно, видно, правда изголодалась без секса. Потом не менее интенсивно начал натирать круговыми движениями ее клитор, и снова пальцами внутрь. А ведьмячьи глаза все

смотрят и смотрят на меня, потрясенно, с мольбой, и я опять ныряю всем телом в черную дыру нашей взаимной страсти... Дурак, надо было договориться с Сашкой на всю ночь арендовать эту камеру для взятия показаний. Мог бы целую ночь трахать кису Кристи! Она жадно начала глотать воздух губами. Темные глаза теперь смотрели словно сквозь меня, потому что моя девочка сейчас была полностью поглощена своими ощущениями... Член, несмотря на недавнюю разрядку, стоял, как каменный, и снова рвался в бой... желая теперь основательно потрудиться. Решил добавить ей остроты ощущений, сжал сморщенный, торчащий острой пикой сосок. На этот раз стон не успел проглотить, и он пошел негромким эхом гулять по камере. Надеюсь, мимо тут никто не будет проходить. Начал мять другой рукой ее идеальные, просто созданные для моей ладони груди, не переставая при этом теребить пальцами в хлюпающей промежности. В попытке вдохнуть побольше воздуха Кристи снова открыла губы, а чернящие глаза заволоклись кайфом... Но мне нравится, что она не прикрыла веки. Сейчас, когда Кристина в шаге от оргазма, с перекошенным от напряжения лицом, создавалось ощущение, что я наконец-то смог пленить ведьму. Теперь я ее хозяин! Одно молниеносное движение, повалил Кристи спиной на кровать, и всем своим весом навалился сверху ее мягонького, хрупкого тела. Хочу, чтобы она кончила подо мной и на моем члене. Раздвинул женские бедра, подставил член к влажному входу, а затем вклинился внутрь одним мощным ударом. Пусть знает, кто ее хозяин! Мы вскрикнули оба, друг другу в губы. Наши стоны переплелись в объятьях и пошли гулять по маленькому пространству камеры. Какая же она... сладкая. Еще один сильный толчок в жаркой женской глубине, еще два потрясенных всхлипа — мой и ее... Черт! А ведь я на самом деле сделаю все, чтобы освободить Кристи, даже если она действительно убила той злосчастной каминной кочергой своего мужа. Пойду на должностное преступление, подлог, уничтожение улики, да на что угодно пойду, только не позволю посадить ее в тюрьму. Потому что следующие пять лет больше не смогу без Кристи... Особенно после того, как выебал, точнее, опять попробовал свой персональный наркотик. Подохну ведь от ломки без любимой ведьмы...

Мои толчки и наши стоны начали набирать интенсивность. Кровать ужасно скрипела при каждом движении. Наверное, должно быть противно, но в сочетании с женскими полувздохами-полустонами этот гадкий звук казался прекрасной музыкой. Вмял женское тело в жесткую поверхность кровати, вмял кису Кристи в себя, может, и правда получится срастись вместе. Она запрокинула голову, выставив напоказ незащитную женскую шейку, сразу же впился в нее поцелуем и вперед, вперед, сильнее, глубже, к совместному оргазму.

— Карпов, Карпик, пожалуйста, прошу, развяжи мне руки...

— Зачем, Кристи? — прохрипел ей прямо в ухо, заставив бархатистую кожу идти мурашками. А движения членом не прекратил, наоборот, убыстрился даже.

— Неудобнооо... о-о-о...

Я догадался, для чего ей руки, ведь она в прошлом так любила проходиться пальцами по моим мышцам, иногда легонько царапая кожу... Но сейчас я гребаный извращенец, мне нравится трахать ведьму такой: связанной, незащитной, полностью укрощенной, моей.

— Потерпишь... — снова хриплый шепот в прекрасное ушко.

Кристи нашла выход, забросила руки, скованные наручниками, мне за шею. Мы сейчас еще ближе. Впился ей в губы... И словно отбойным молотком заработал членом, поглощая ртом все рвущиеся из девичьего горла возгласы удовольствия. Какое вкусное лакомство — ее стоны! Женское тело подо мной напряглось, выгнулось, моя девочка, кажется, на грани...

— Нет, киса, не сейчас, я пока не разрешаю тебе кончать. Так просто ты от меня не отделаешься. Дай растянуть удовольствие. Хочу тебя в разных позах.

Быстро освободился от кольца женских рук, скрепленных наручниками. Вышел из приятной теплоты женской промежности.

— Володя, пожалуйстааа, — протестующе заныла моя персональная ведьма.

— Не переживай, Кристи, сейчас продолжим. Как ты хочешь, чтобы я тебя трахнул?

Она не ответила, правда, я не сильно расстроился. За тот год, который мы были вместе, я хорошенько изучил это совершенное тело, и теперь знал все кнопочки, на которые стоит надавить, чтобы увеличить ее и свое удовольствие. Встал со скрипучей тюремной кровати, вслед за собой безжалостно поднял разомлевшую Кристи. Потом, не нежничая, резко повернул лицом к стене... Полувздых, полустон. Она всегда тащила от моего напора... Чуть наклонил женское туловище, выгнул податливое тело практически буквой «Г», сам же пристроился сзади, покусывая, полизывая кожу между женскими лопатками. Моя ведьма замурлыкала, конечно, ведь это ее тайная эрогенная зона — кошачье место, на ласки которого она всегда реагировала. Выебу, оттрахаю Кису за все пять лет, когда я был вынужден держаться поодаль! Шлепнул по призывно выпяченной попке, а потом с силой внутрь подрагивающей вагины. Теперь ее рот свободен, и любимые полустоны пошли снова гулять по камере, создавая лучшую для ушей музыку. Кажется, от моего напора, бешеных толчков даже стены задрожали, скорость я развил приличную. А чтобы симфония секса ни на миг не прекращалась, пальцы положил на лобок, нашел клитор.

— Карпов... Карпов... — вперемешку со стонами в беспамятстве повторяет моя ведьма.

Она даже встала на цыпочки, чтобы стать повыше и мне было удобнее ее трахать. Нежность перемешивалась во мне со злостью от осознания своей слабости по отношению к этой женщине. Ведьма, ведьма... стучало в голове с каждым новым ударом во влажную глубину. Даже сейчас, в тумане удовольствия, я понимал, что никогда не смогу забыть эту камеру страсти.

— Каарпооов... ооо!!

— Кончай, кончай, детка... Кончи для меня!

Мои бедра с громким шлепком бились о ее мягкие ягодицы, потекшая женская вагина развратно хлюпала, принимая мой член в себя, а киса Кристи замерла, притаилась в ожидании оргазма.

— Оооаааа... ах..! — вот он, самый высокий, самый сложный аккорд сегодняшнего музыкального представления — ее оргазм, целая серия выдохов, поскуливания и всхлипов, которые сопровождалась подергиваниями женского тела в моих руках и развратными звуками движения члена в женской промежности... Боже, сокращающаяся в оргазме вагина увеличила мое удовольствие! Черт, я сейчас тоже завою, кончая! Нет, хочу опорожнить яйца, смотря ей в лицо. Резко развернул Кристи к себе. После оргазма лицо моей ведьмы напоминало лики святых.

— Кристи, закинь свои руки мне за шею.

— Что?

Темные, масляные после испытанного удовольствия глаза смотрели непонимающе... Захотелось рычать на ее непонятливость. Сам в нетерпении проделся головой в кольцо рук, скованных наручниками, приподнял Кристи от пола, прислонил к стене, снова насадив ее, все еще сокращающуюся, на свой член, обвил стройными женскими ногами талию и опять начал трахать, бешено ебать, пытаюсь быстрее получить разрядку и поставить наконец

заключительный аккорд в сегодняшних камерных музыкальных изысканиях. Стены как будто бы опять задрожали под воздействием силы моих толчков. Кристи снова эротично завывала. А я, практически вмяв ее тело в свое, наконец зарычал, взрываясь фонтаном спермы в жарких, все еще пульсирующих, женских глубинах. Удовлетворенно выдохнул прямо в маленькое ушко, и по ее коже опять побежала рябь.

— Девочка моя... лю....

Мой глупый ненужный шепот прервал звонок мобильного телефона...

Какого хрена кому-то понадобилось?! Не дали по полной насладиться таким сладким моментом. Впрочем, это хорошо даже, а то бы, как тюфяк, сейчас расплылся в объяснениях в любви. Оторвал тело Кристи от стены, вышел из жаркой промежности, осторожно отнес ее на кровать, разъединив наши тела. Подошел к столику с телефоном. Сашка звонит. Черт, неужели прошло три часа?

— Да, Саш, я слушаю...

— Как там показания, не надоело еще брать?

С ней мне никогда не надоест. Правда, вслух я сказал другое:

— Уже почти закончил.

Точнее, два раза кончил, но дружку об этом не обязательно знать.

— Подозреваемая во всем призналась? — хохотнул Сашка.

Невольно посмотрел на Кристи... Она сидела на кровати, прислонив руки, скованные железными браслетами, к шее, прикрыв тем самым груди и внимательно наблюдала за мной своими ведьмачьими глазами... А что в них, только черт разберет.

— Почти...

— Хорошо, а то мне уже домой уходить надо, а ты все не звонишь. Или решил всю ночь показаниями заниматься?

В самую точку. Но опять-таки вслух сказал совсем иное.

— Через десять минут подозреваемую можно будет увести.

— Договорились, — коротко ответил Кравцов.

Начал лихорадочно собирать разбросанную по камере одежду. Ее и мою.

— Кристи, пожалуйста, оденься...

Она молча показала руки в наручниках.

— Черт, забыл... сейчас.

Освободил тонкие женские запястья. А сам начал натягивать штаны... Кристи где-то нашла резинку для волос, от которой, помнится, я избавился в первую очередь, подобрала темные густые волосы.

— Боже, что это?!

Мой взгляд наткнулся на уродливый, жуткий шрам на женском плече. Схватил Кристи за руку, не позволяя одеваться дальше... Раскрасневшееся после секса лицо вмиг побледнело...

«— Карпов, только не ругайся. Знаешь, чтобы в те моменты, когда ты ищешь своих преступников...

— Кристи, они не мои.

— Прости не так выразилась. В общем, чтобы мне не было одиноко все 24 часа в сутки, когда ты защищаешь наш город от организованной и не очень преступности, один знакомый сделал мне тату... Посмотри. Правда, прелесть?

— Кристи, я не люблю татуировки, особенно на женском теле, особенно сделанные

непонятными знакомыми мужского пола.

Она улыбнулась своей фирменной улыбкой «устоять невозможно»

— Зато теперь ты всегда со мной. Карпов, я тебя поймала в сети».

Несмотря на мое недовольное ворчание тогда, маленький резвящийся карпик на хрупком девичьем плечике мне понравился. Более того, я втайне обрадовался, как мальчишка... ведь это было словно клеймо, говорящее о том, что эта удивительная девушка моя... только моя.

— Кристи, милая, кто это сделал с тобой?!

Черные глаза влажно сверкнули, она хотела что-то сказать... но потом поспешно закрыла рот, а красивое лицо на глазах превратилось в натянутую улыбающуюся маску.

— Татуировки — это так глупо, так некрасиво, я была дурочкой, наколов это безобразие. А вот шрамы, как мне кажется, украшают не только мужчин, но и женщин. Мой муж не любил тату. Я сама выжгла ее... Своеобразное признание своей глупости и любви к нему. Кроме того, ты, наверно, не в курсе, шрамы на женском теле сейчас вообще новый тренд. Ну конечно, нет, ты ведь совсем не разбираешься в моде.

— Неужели я так сильно опостылел тебе тогда, что ты решила избавиться от любого напоминания обо мне?.. Да еще так чудовищно непрофессионально?

— Мне было плевать, о тебе я забыла сразу, как только закрыла за собой дверь после того разговора.

Красивые черные глаза теперь смотрели на меня с насмешкой, а пухлые губы кривились в презрительной ухмылке.

Снова плюнула в душу, гадина, а ведь я чуть ли не в вечной любви признался! Руки судорожно сжались... Как и в прошлом, не могу понять, не могу поверить, что эта лицемерная сука и женщина, с такой страстью отдававшаяся мне в камере буквально несколько минут назад, один и тот же человек...

— Одевайся, живо, — процедил сквозь зубы я.

Сам же отвернулся, не в силах больше смотреть на нее. А злость внутри клокотала, бурлила... того гляди, выплеснется из тела потоками ярости, такой сильной, что я раскурочу все в этой чертовой камере. Даже стены проломлю своей глупой башкой.

— Сука!.. — и со всей силой кулаком по стене.

Все-таки не смог сдержаться. Руку прострелило болью. Будет наука влюбленному ослу. Кое-как натянул на себя одежду. Оглянулся... Кристи тоже уже оделась. Элегантная, красивая, недостижимая... Тварь!

Смирись, Володька, может быть, ты ее ненадолго увлек в прошлом, но такие девушки не по твоим зубам... не для тебя.

— Роберт Евгеньевич! — позвала я мужа.

Тишина. Давящее пугающее беззвучие. И только ветер за окном жалобно завывает, словно он тоже вот уже лет пять постоянно страдает.

— Роберт Евгеньевич!?! — на этот раз мой голос прозвучал громче.

Странно. Куда он мог подеваться? На улице окончательно стемнело, поэтому в доме ни черта не видно. Кажется, на кухне были свечи и спички. Но я не помню точно где. Лучше пойти в гостиную, там камин, возле него много всяких зажигающих штучек, и стоят красивые декоративные свечи, подаренные мамой на восьмое марта. Выставила руки вперед, чтобы не наткнуться на приоткрытую дверь, стены или мебель, медленно пошла туда, где, по моим представлениям, должна была быть арка гостиной. Глаза постепенно привыкли к темноте, позволяя видеть очертания предметов.

— Роберт Евгеньевич! — снова позвала я. — Какие-то проблемы со светом, вы звонили в аварийную службу?!

Безмолвие. А невидимая шерсть на коже продолжает подниматься дыбом и ощущение наблюдения не проходит.

— Крысеныш, ты пришла, — наконец раздался шепот мужа.

Вскрикнула, так неожиданно и зловеще прозвучали слова Роберта Евгеньевича. Мой испуг ему понравился, он захохотал. Тело от страха и отвращения начало мелко подрагивать.

— Решил порадовать свою женушку таинственным вечером, иди ко мне, детка.

Ласковый тон еще сильнее встревожил. Потому что обычно голос Роберта Евгеньевича становился таким противно нежным, когда муж хотел заняться со мной любовью. Хотя к любви это имело мало отношения. Я ненавидела даже, когда он просто ко мне прикасался, не говоря уже о каких-то сексуальных поползновениях. Но, конечно, послушаться не решилась, молча подошла ближе. В полумраке фигура супруга казалась темной и зловещей. Посланец ада в моей жизни.

— Кристиночка, девочка моя красивая.

Противный рот начал мусолить мои губы. Одеревенела, заледенела, застыла — так всегда на меня действуют поцелуи супруга. Мужские руки лихорадочно и неприятно заскользили по телу. Если бы можно было отключить мысли и чувства в такие минуты. Раз, два, три — меня нет, раз, два, три — дома этого нет, раз два три — Роберта Евгеньевича нет.

Появившееся ощущение боли возвратило в реальность. Он меня ударил, жестко, под ребра. Но я не закричала, нет, могу собой гордиться, только лишь какое-то шипение вырвалось из открытого рта. Боясь упасть, инстинктивно уцепилась за плечи Роберта Евгеньевича.

— Фригидная упрямая сука, бревно бесчувственное!

И опять удар, видимо, для симметрии, теперь с другой стороны. И снова едва слышное восклицание боли вырвалось из моего горла.

— Почему ты вынуждаешь меня постоянно быть с тобой жестоким? Неужели нельзя притвориться, что тебе приятны мои прикосновения?!

Я пыталась притвориться, видит бог пыталась, но тогда муж бил еще сильнее, свирепея от моей неискренности. Видимо, актриса из меня довольно никудышная.

— Ну почему ты так со мной?! Я ведь все готов сделать для моей любимой жены,

только улыбнись ласково.

Какая улыбка?! Я все еще корчусь от боли в ненавистных мужниных объятьях. Снова удар кулака, на этот раз еще более сильный, так что я не выдержала и вскрикнула.

— Чего ж ты такая бездушная сука, Крысеньш?! Я ведь, как мальчишка, влюбился в тебя еще хрен знает сколько лет назад. А ты?..

Он тоже страдает, ему тоже больно. Моя маленькая каждодневная месть.

— Красавица.

Мужские губы теперь лихорадочно начали покрывать поцелуями мою шею, лицо, глаза... Словно жалят ядом. Парализующим ядом, потому что знаю, если начну вырываться, будет только хуже, тогда и ботинками могу получить в живот. Но и отвечать на эти ненавистные поцелуи выше моих сил.

— Гадина бессердечная, хоть наизнанку вывернись, ты ведь даже не посмотришь в мою сторону по доброй воле!

Еще один сильный удар, от которого я снова вскрикнула болью и согнулась пополам. Роберт Евгеньевич раздраженно оттолкнул от себя, лишённая поддержки мужских рук, я медленно осела коленками на пол возле белеющего в темноте камина. А затем все же получила под ребра острым носком туфель мужа. В немом крике открыла рот. От простреливающих жалящих ощущений боли стала извиваться на полу, словно змея. Сведенные судорогой пальцы натолкнулись на рукоятку кочерги от камина.

— Нравится, когда тебя бьют?! Нравится?! Ты ведь сама постоянно меня провоцируешь. Безмозглая дура!

Еще один пинок ногой, а мои руки в приступе бессильной злости сжали железную рукоятку кочерги.

Нет, мне не нравится, но эти чертовы чужие тайны, которые я зачем-то взялась хранить, вынуждают молчать и терпеть! Во всяком случае, до поры до времени.

— Думаешь, когда пройдет срок исковой давности, уедешь от меня? — читает мои мысли Роберт Евгеньевич. — Ха-ха-ха!! И не надейся, Крысеньш, "в богатстве и бедности, в здравии и болезни, в горе и радости, до той поры, пока смерть не разлучит нас».

Уверена, если бы ненависть измерялась какой-то шкалой, моя была бы на самой ее верхушке. Такая сильная, долго сдерживаемая, что иногда мне кажется, не выдержу, наброшусь на мужа взбешенной кошкой, вцеплюсь в него зубами, когтями и буду грызть, царапать, чтобы Роберт Евгеньевич почувствовал хоть толику тех мучений, которые ощущала все это время я.

— Ползи сюда, Крыса, и не надейся, тебе не сбежать с корабля! У меня теперь есть новый компромат на твоего папашу! Так что твой срок исковой давности никогда не закончится.

Отчаянье соляной кислотой разъедает тело. Напрасно, все было напрасно, пять лет ада напрасны! Роберт Евгеньевич не отпустит меня живой.

— И не надейся, Крысеньш, "в богатстве и бедности, в здравии и болезни, в любви и ненависти, пока смерть не разлучит нас».

«Смерть, смерть, смерть», — застучало набатом в голове. Пускай же она быстрее нас разлучит! А руки сильнее сжали прохладно приятный металл кочерги от камина.

Муж отвернулся.

«Смерть, смерть, смерть»... Сдохни, зараза, сдохни!!

Тяжелая металлическая кочерга опустилась на седую голову Роберта Евгеньевича, он

замер, а потом начал медленно оседать. Опять ударила, а потом еще и еще раз... Сдохни, сдохни, сдохни!! Я освобожусь от него, уйду, буду свободной и счастливой!..

Подскочила с кровати. Серые стены, железная дверь, решетчатое окошко. Сон, это только сон! Дыхание с хрипом вырывалось из горла, кожа покрылась испариной. Сон... А такой реальный! Роберт Евгеньевич не отпускает. Ад, который он мне устроил при своей жизни, отравил навсегда страхом и отчаянием сознание. Больная на всю голову после него.словно разбитая ваза, кусочки которой держатся едва-едва. Дунь на меня и я рассыплюсь, окончательно свихнусь.

Не придумывай, Кристи — ты сильная и все выдержишь! Особенно теперь, когда у тебя снова есть Карпов... которому я опять сделала больно своим враньем. Бедный Володя, его чувства, наша любовь были тоже принесены в бессмысленную жертву старому развратнику. Поломала, искорежила не только свою жизнь, но и его. Карпов никогда меня не простит, это невозможно простить. Когда уходила, надеялась, что Володя найдет себе другую... скромную, порядочную, любящую, понятную ему, и будет счастлив, хотя эта мысль отзвывалась во мне ежедневной щемящей болью. Мой Карпик... Мой! «Я поймала тебя в сети». Невольно погладила свое плечо, на котором когда-то была греющая душу татуировка, а сейчас — уродливый шрам от ожога.

Странно, все эти пять лет тело молчало, словно я впала в зимнюю спячку. А стоило увидеть Володю, и оно ожило в полной мере, превратив меня снова в «похотливую кису Кристи». Все комплексы, табу исчезают, когда мы вдвоем, и даже его мощь и напор, как раньше, безумно заводят, нисколько не вызывая отторжения. Видимо, потому что внутри сидит уверенность — несмотря на некоторую мужскую агрессивность Карпова, его праведную злость, он никогда не сделает мне плохо. Горькая улыбка скривила губы. Только лишь засадит надолго в тюрьму. «Побарствуй на нарах, гребаная сука».

— Швец, на выход!

— Куда сегодня? На допрос?! — спросила я напряженно у охранницы, а сердце радостно забилось, желая еще одной встречи с ним — моим злым, обиженным, разочарованным Карповым.

— Не знаю, — сердито произнесла она, раздраженная моими любопытными вопросами. — Повезут тебя куда-то, машину заказали.

Возликовала. Значит, точно будет допрос.

— Можно на минуточку в уборную сходить?

— Давай поторапливайся, — заворчала охранница.

Мне нужно только несколько секундочек, чтобы собраться и выглядеть привлекательней. Почувствовала себя на миг прежней, такой, какой была тогда — пять лет назад. Я каждый раз прихорашивалась, каждый раз волновалась перед встречей с ним. А внутри так же стаями начали летать бабочки, жарко щекоча своими крылышками тело. Я живая, живая. Чтобы испытать снова эти ощущения, не грех было и убить...

Однако поехали мы по другой дороге, точно не в прокуратуру. Более того, мы двигались до боли знакомым ненавистным маршрутом. Нет... я ненавижу этот темный, пропитанный моими муками дом! Руки стали мелко подрагивать. Глупая, тебе никогда не избавиться от власти Роберта Евгеньевича, он отравил ядом все внутри тебя. Любые бабочки от этого мгновенно подохнут.

Около ворот загородного дома стояли сразу три машины. К чему это сборище? Не понимаю. А потом я заметила Карпова. Сердце затрепыхалось, забилось в груди. Он стоял,

разговаривал с каким-то симпатичным парнем и курил. Так и не бросил. А ведь обещал мне... В другой жизни, когда я еще могла шутить и требовать. Высокий, широкоплечий, красивый, как всегда чуточку сексуально небритый. Володя был одет в джинсы и темное короткое пальто, воротник которого, наверное, из-за холодного пронизывающего ветра, он приподнял вверх. Выглядел даже стильно, хотя Карпов всегда пренебрежительно относился к моде.

Зеленые глаза холодно, слишком холодно, посмотрели в мою сторону. И я, конечно же, оступилась, а потом смешно подпрыгнула, пытаясь удержать равновесие. Спокойно, Кристи, спокойно, пока гром не грянул, пьеса не окончена, и тебе нужно играть свою роль. Не забывай, пожалуйста, об этом. Посмотрелась в окошко чьей-то припаркованной машины. Лицо белое, даже несмотря на наскоро сымпровизированный макияж. Впрочем, бледность не портила — лишь придавала лицу некоторую колдовскую загадочность. Молодой мужчина, стоящий рядом с Карповым, с любопытством и даже, пожалуй, с восхищением разглядывал меня. Значит, выгляжу я неплохо. Помнится, в прошлом Карпов меня бешено ревновал, хоть старался не показывать виду. Однако стоило кому-то посмотреть в мою сторону, он сразу же становился в стойку, а в глазах появлялось предупреждение: «Подойдешь ближе, чем на пять метров, костей не соберешь». Сейчас Володя тоже сердито нахмурился. Только непонятно, чем вызвано его недовольство, то ли лицезрением моей бледно-хорошенькой персоны, то ли восхищением, застывшим в глазах сослуживца.

Из двора вышли какие-то люди и даже оператор с камерой. Что они думают здесь снимать?

— Швец Кристина Сергеевна, сейчас на месте преступления будет проводиться следственный эксперимент.

Голос Карпова серьезный и отстраненный. Глаза смотрят равнодушно. Словно мы незнакомы, словно мне приснился наш безумный секс в той камере страсти.

Усмехнулась.

— Я-то тут при чем? Я не убивала своего... — не хочу называть его мужем, — Роберта Евгеньевича. Или же вы нашли настоящего убийцу? — обратилась я к Карпову с непонятно откуда взявшимся вызовом.

Володя подошел ближе. Жаль, расстояние все же слишком приличное, но мои ноздри все равно затрепетали, пытаюсь уловить его запах.

«— Кристи, прекрати меня обнюхивать. Я только с работы — весь грязный и потный.

— А мне нравится, Карпов, обожаю, как ты пахнешь».

Я тыкалась в него носом, губами, терлась слепым котенком, почувствовавшим вкусный аромат маминого молока. Мой мужчина пах сигаретами, мылом, а еще приводящими меня в восторг мужскими феромонами. Однажды я подарила ему дорожный мужской одеколон, запах которого мне понравился в магазине. И Карпов даже пользовался им, чтобы меня порадовать. С одеколоном его запах был приятным, но каким-то чужим и безликим, поэтому красивый флакон моей недрогнувшей рукой был отправлен в мусорное ведро.

— Вот и покажите нам, Кристина Сергеевна, как вы не убивали мужа, — чуть насмешливо произнес Карпов, безжалостно выдернув из счастливых воспоминаний.

Как жаль, что нужно соблюдать субординацию, в теле прямо-таки жажда к нему прикоснуться, вдохнуть запах, почувствовать снова своим. А то стоит тут, такой надменный, серьезный, насмешливый. А почему бы и нет! Мне больше нечего терять! Точнее, от самого ценного в своей жизни я когда-то сама отказалась. Сделала вид, что оступилась и шагнула

вперед прямо в объятия Карпова. Руки, скованные наручниками, дотронулись да такого привлекательного торса. Его глаза хищно сузились, пальцы в попытке удержать меня от падения дотронулись, прошлись электричеством по моему телу.

— Осторожнее! — с другой стороны под локоток подхватил сопровождающий меня охранник.

Нехотя отстранилась от Володи. Так мало, безбожно мало. Хочу всегда быть в его объятиях!

— Кристина Сергеевна, расскажите подробно, что здесь происходило десятого ноября 2015 года? — сказал Карпов по-деловому бесстрастно.

Зря я думала, что наше мимолетное соприкосновение его смягчит.

— Я приехала домой в двадцать пять минут седьмого...

— Вы так уверены во времени?

Еще бы, ведь мои опоздания неизбежно заканчивались унижением и болью.

— Да, я посмотрела на часы.

— Что потом?

— Открыла гаражные ворота, заехала на территорию двора.

— Пройдемте, — замахал Карпов в сторону открытой калитки.

— Рассказывайте дальше, Кристина Сергеевна.

— Я уронила ключи, подняла, обратила внимание, что в доме не горит свет. Удивилась, потому что Роберт Евгеньевич находился в отпуске и никуда не собирался уезжать тем вечером.

— Вы называете мужа по имени и отчеству? Это кажется несколько странным...

— Ничего странного, просто привычка, супруг — друг моего отца, я всегда его так называла.

— Да, конечно, нет ничего необычного в том, что девочки спят с приятелями родителей.

Даже задохнулась от возмущения. А вот это уже некрасиво с его стороны, просто похамски. Он хотел сделать мне больно? Или себе? Окружающие нас люди с удивлением глянули в сторону Карпова.

— Пройдемте в дом! — теперь в его голосе сквозило раздражение.

Нет! Ноги не слушались, в них появилась тяжесть, которая всегда ощущалась на подходе к этому ненавистному дому. Тело бунтовало, отказываясь идти туда, где так больно и страшно. Невольно замедлила шаг.

— К чему весь этот фарс? — произнесла несколько нервно я, и даже развернулась в обратную сторону, желая уйти подальше от этого проклятого места. Но пальцы Карпова вцепились в локоть. Впервые, наверное, его прикосновения мне не приятны.

— Фарс устраиваете сейчас вы, Кристина Сергеевна.

— Не хочу туда идти, — прошептала чуть слышно с мольбой.

Боюсь, в стенах этого мрачного дома я не смогу больше играть, и весь пятилетний спектакль полетит к чертям собачьим.

— Кристи... — зеленые глаза смотрели с нежностью, а рука, словно в знак сочувствия, легонько сжала мои подрагивающие пальчики.

Поддержка и ласка от Карпова были неожиданны, особенно учитывая окончание нашей последней встречи.

— Возьмите себя в руки, Кристина Сергеевна.

Да, Кристи, хватит вести себя кисейной барышней, ты живучая и сильная! Собрала по крохотке все душевные силы, что оставались внутри, и медленно переступила порог ненавистного дома. Стены давили, несмотря на площадь в триста квадратных метров.

— Рассказывайте, что происходило дальше?

— Было очень темно... Я позвала Роберта Евгеньевича, но он не ответил. Еще у меня возникло странное ощущение... будто кто-то наблюдает за мной из темноты. Неприятное чувство... Потом я прошла в гостиную — там возле камина были спички и свечи.

Вся группа последовала вслед за мной. Невольно вскрикнула, на полу лежал манекен, как раз в том месте, где я обнаружила в тот день труп мужа... Стены начали плясать в глазах, наплывать друг на друга, сливаться с потолком и полом.

«Крысеньщ, ты снова пришла ко мне. Даже смерти не удалось нас разлучить».

Боже, я схожу с ума! Тело начала бить крупная дрожь. А люди вокруг заплясали, засмеялись противным голосом Роберта Евгеньевича.

— Кристина Сергеевна, вам плохо?!

Непонимающе посмотрела в зеленые летние глаза. Захотелось кричать: «Володя, спаси меня, не отдавай ему!» Кристина, возьми себя в руки, живи, черт возьми! Сражайся! Это просто демоны в твоей голове. Победить их можешь только ты.

— Нет, простите, минутная слабость.

— Вы в состоянии продолжить дальше?

В зеленых глазах чудилась тревога. А я опять мысленно стала просить: «Карпов, защити меня, вырви из цепких когтей ужасного прошлого. Помоги, знаю, ты можешь!»

— Было очень темно, я не смотрела на пол, поэтому споткнулась и упала. Руки угодили прямо в лужу крови.

— Как вы объясните ваши отпечатки пальцев на орудии убийства? — спросил меня Карпов.

— Я случайно наткнулась, когда пыталась подняться...

— Может, вы так же случайно опустили кочергу на голову мужа? — в голосе чувствовалась явная насмешка.

Вот так... Приди в себя, Кристи. Помощи ждать не от кого. Тебе одной придется сразиться со всеми демонами прошлого и неприятностями настоящего.

— Случайно нет, — холодно ответила я и отвернулась.

Наконец нашла в себе силы оглядеться. Папа предупреждал, что после кражи в доме разгром, но все же я не ожидала такого... казалось, целыми остались только стены. А ведь родители тут еще немного убрались. Ну и пусть... мне ничего не жалко в этом доме, будь моя воля, я бы его с землей сравняла. Только вот сдается, воры вовсе не ценности здесь искали... Зря! Я ведь и сама, желая получить свободу, облазила каждый уголок этого проклятого жилища. Только все без толку. Роберт Евгеньевич — старый умный волчара.

— Хорошо, допустим, что все было именно так, как вы сказали. Почему вы не позвонили в полицию или скорую? — прервал мои невеселые размышления Карпов.

Закономерный вопрос. Глаза присутствующих мужчин с любопытством уставились на меня.

— Все произошло очень быстро...

— Разве? — возразил Карпов. — Если исходить из показаний, данных ранее, вы приехали домой в двадцать пять минут седьмого, а Корольков Виктор Николаевич застал вас хохочущей над телом мужа в пять минут восьмого. В вашем распоряжении было более

получаса. Мне кажется, этого времени вполне достаточно, чтобы набрать номер скорой.

Его точные вопросы просто наотмашь бьют.

— Я была не в себе! Разве это не понятно?!

— Так, может быть, вы и мужа убили, находясь не в себе?!

— Я не виновата в его смерти! — не выдержала, повысила голос.

Так вот ты какой — злой полицейский, Карпов!

— Владимир Константинович, не кипятись, — одернул его сослуживец.

— Хорошо. Перейдем, собственно, к эксперименту. Дим, давай сюда эту чертову кочергу и поставь манекен.

Все вокруг забегали, выполняя распоряжения Карпова. Вскоре рядом с местом, где когда-то лежал труп, появилась кукла в человеческий рост.

— Не понимаю, зачем еще манекен? Вы хотите обвинить меня в массовом убийстве?

Откуда только наглость в себе нашла? Впрочем, я рада, что хотя бы капелька осталась от прежней Кристины Калашниковой.

— Конечно, Кристина Сергеевна, мы собираемся повесить на вас все нераскрытые убийства, произошедшие в нашем городе за последние пять лет, — снахальничал Карпов.

— Вам придется очень сильно потрудиться, чтобы это доказать.

Боже, я с ним заигрываю! В этом доме, и при таких обстоятельствах...

Карпов плотоядно улыбнулся.

— Не переживайте, Кристина Сергеевна, трудиться мы умеем.

«— Привет!

— Здравствуй, Котенок! Как дела?

— Я горю... Мне срочно нужен пожарный!

— А лейтенант милиции не подойдет?

— Подойдет, если он не прочь поработать.

— Не переживайте, Кристина Сергеевна, трудиться мы умеем».

Тогда, помнится, эта фраза привела меня в восторг, заставив судорожно в приступе жаркой волны похоти сжать ножки. Сейчас руки инстинктивно схватили протянутую мне каминную кочергу. Боже...

«И не надейся, Крысеныш, в богатстве и бедности, в здравии и болезни, в любви и ненависти, пока смерть не разлучит нас».

«Смерть, смерть, смерть», — опять застучало набатом в голове.

Как можно убить призрак? А руки еще сильнее сжали прохладно-приятный металл кочерги от камина.

— Теперь со всей силы бейте по манекену! — скомандовал Карпов.

«Смерть, смерть, смерть»... Сдохни, зараза, сдохни! Уйди навсегда в преисподнюю!..

— Что за глупость! Не буду это выполнять.

— Делайте, что вам говорят!!

— Зачем, я не понимаю?!

— Это нужно для следствия!

Черт возьми, Кристи, ударь его... Да... добей его наконец-то... Добей этого сукина сына в своей голове!

— Нет, я не могу!..

— Можешь, Кристи, можешь!

Лица окружающих вытянулись, пораженные фамильярностью следователя по

отношению к подозреваемой. Но мне все рано, я вижу только Карпова сейчас, вся вселенная сосредоточилась в поражающих своей красотой зеленых убеждающих глазах. Может, это подвох или месть, уловка следователя, чтобы упрятать меня, как он, помнится, обещал, надолго в тюрьму? Я должница Карпова. Надеюсь, любимый, ты знаешь, что делаешь.

Железная кочерга со свистом рассекла воздух и опустилась на голову манекена. Странно, оказалось, что его голова не пустотелая внутри, как я предполагала, а очень похожа на человеческую.

— Еще раз, Кристи! Теперь с другой стороны. Со всей дури, как можно сильнее!

«Смерть, смерть, смерть»... Сдохни, зараза, сдохни! Железная кочерга опять рассекла воздух.

Я его убила, на этот раз навсегда! Прощай, Роберт Евгеньевич! И не смей меня больше изводить страшными снами. Теперь я свободна! Свободна!

Рязань встретила меня неприветливо: проливным дождем в начале декабря, да таким сильным, что дворникам машины пришлось постоянно работать. А завтра обещают мороз. Если прогноз погоды оправдается, то будет весело, сплошной каток. Впрочем, я уже давно переобулся, да и не собирался торчать здесь так долго. Конечно, это иллюзия, самообман, но, когда я в родном городе, создавалось ощущение, что мне под силу влиять на ситуацию, и Кристи, хоть не рядом, но под моим присмотром. А значит, никуда от меня не денется, не сбежит больше. Гребаная сучка, любимая гадина, ненаглядная предательница, лгунья! Я чувствую подвох, но не могу понять, в чем он заключается, не могу разобраться, какая же она настоящая — та богиня секса, в глаза которой ныряешь, словно в темный омут, или та испуганная девочка, всем своим видом кричащая: «как вам не стыдно меня обижать!» Или же расчетливая стерва, презрительно кривящая губы в сторону любого, кто, по ее представлению, ниже рангом. Знаю одно, Кристи врет... И я не успокоюсь, пока не пойму, что она скрывает и почему, черт возьми, ведет себя так по-разному. Кроме того, внутри сидело ощущение, что это дело не такое простое, как казалось на первый взгляд. Да и ограбление загородного жилища Швецов не шло из головы. В доме перевернули все вверх дном, даже вспороли мягкую мебель, значит, искали более чем тщательно. Тогда почему многие дорогие вещи, лежащие на виду, остались на месте? Может, искали вовсе не деньги и ценности? Ладно, разберемся.

Посмотрел на часы, что-то я слишком рано приехал, до приземления самолета, на котором летел с отдыха сын Роберта Евгеньевича, еще почти два часа. Но ничего, сначала можно навестить первую жену убитого. Ее алиби по нашему запросу проверяла местная полиция, но по-серьезному еще никто не допрашивал.

***

— Игнатова Нина Руслановна? Я следователь, ведущий дело убийства вашего бывшего мужа. Откройте, пожалуйста, дверь.

Удостоверение, показанное через глазок, слава богу, убедило женщину впустить меня внутрь квартиры.

Первая мадам Швец была молодящейся дамой лет пятидесяти, очень красивая несмотря на возраст, с пышными светлыми волосами и ярко-голубыми глазами.

— Не понимаю, чем я могу помочь в расследовании этого убийства. Мы не виделись с Робертом лет десять.

— Просто хочу поговорить. Вы прожили в браке с ним дольше всего, почти двенадцать лет, должны знать врагов и друзей убитого.

Женщина горько усмехнулась.

— Мне сказали, что его убила молодая жена. Зачем нужны сведения о врагах?

— Любое расследование требует всестороннего подхода. Так ведь?

Она лишь равнодушно пожала плечами.

— Почему вы не приехали на похороны супруга?

— Боялась, что моя радость будет неуместной на таком траурном мероприятии.

— Радость?! — невольно напрягся, как собака-ищейка, почувствовавшая след.

— Я ненавидела этого ублюдка.

Как интересно.

— Потому что он нашел себе жену помоложе?

— Нет, этот факт, помнится, несказанно обрадовал, я готова была петь и танцевать от счастья.

Все интереснее и интереснее.

— Так опостылел супруг?

Нина Руслановна нервно рассмеялась.

— Можно и так сказать.

— В чем же причина вашей ненависти? Насколько я знаю, материально он вас не обидел?

Горькая улыбка скривила лицо хозяйки дома.

— Да, Роберт был щедрым сукиным сыном.

— Почему сукиным сыном? Всеми уважаемый человек!

— Уходите! Я больше не хочу расстраивать себя разговорами о нем!

Убраться сейчас, особенно когда нащупал хоть какую-то ниточку?! Да ни в жизнь!

— Нина Руслановна, прошу вас продолжить, раз уж вы начали рассказывать. Чем была вызвана ваша нелюбовь к мужу?

Она нервно сжала руки... потом отошла к окну.

— Я не буду ничего говорить.

— Вы хотите, чтобы вас вызвали повесткой? Или же задержали до выяснения обстоятельств? Насколько я знаю, ваше алиби на тот вечер проверяли, однако в свете сказанных слов это будет вполне позволительная процедура. Вдруг вы кого-то наняли, чтобы убить ненавистного супруга.

— Вызывайте, задерживайте, — спина и затылок женщины красноречивее всяких слов говорили — она нисколько не испугалась моих липовых угроз.

Что же делать-то? Ведь я всем нутром чую, мне нужны ее слова, в них может содержаться разгадка если не к преступлению, то, во всяком случае, к непонятному поведению Кристины. А что если сказать правду?

— Нина Руслановна, понимаете...это не просто обычное дело для меня. Тут кое-что личное. Я знал Кристину Сергеевну раньше...

Бывшая жена убитого повернулась и с любопытством посмотрела в мою сторону.

— Вы ее любите?

Даже вздрогнул от этого прямого вопроса. Не знаю, что там выражала моя физиономия, но черт возьми, в самую точку.

— Д-да... — признался я, даже не ей — самому себе.

Люблю... все это время любил... ненавидел, хотел забыть и лелеял воспоминания о каждом моменте. А теперь, когда жизнь опять нас столкнула, пепелище в моей душе снова заискрилось, запылало всеми цветами радуги.

— Роберт — страшный человек, — вдруг неожиданно заговорила Нина Руслановна, — уверенный в своей исключительности и безнаказанности. Он всегда оценивал людей с точки зрения их полезности для себя. Еще тот паучара — затягивает в свои сети, а потом выпивает тебя до дна, без остатка.

Невольно скривился. След, кажется, оказался липовым. У дамочки, похоже, слегка больное воображение, свихнулась на почве обиды к бывшему мужу.

— Если хорошо копнуть, у него найдется куча врагов в самом близком окружении. Думаю, каждая из его жен... да что там, большинство друзей и знакомых втайне желали ему

смерти, а решила только эта хрупкая девочка. Я ведь помню ее совсем маленькой, большеглазым темноволосым ангелом. Мой сын когда-то играл вместе с ней. В своем желании иметь самое лучшее Роберт даже дочку друга не пожалел. Подлая низкая скотина, способная на все, чтобы удовлетворить свое Эго. Вот, посмотрите!

Нина Руслановна протянула левую руку с изуродованными, покореженными пальцами. Такое ощущение, что кто-то давно их разможил тяжелым предметом, потом они срослись, навсегда запечатлев следы этого издевательства.

— Что с вами случилось?

Она пожала плечами, и снова горькая улыбка появилась на ее лице.

— Отметина от Роберта Евгеньевича, доказательство его любви. Хорошо хоть жива осталась...

По телу прошелся холодок догадки. Мне вспомнился ужасный шрам на плече моей Кристи. Неужели это тоже след мужниной любви?

— Он вас избил?

— Бил постоянно, все двенадцать лет нашего брака. Поводом могло быть что угодно, не так посмотрела, не на того посмотрела, опоздала на пять минут, плохо приготовила ужин. Роберт внушил мне мысль, что я плохая, недостаточно его люблю, тогда как он все делает для процветания нашей семьи, наряжает и балует свою женушку. Я словно под гипнозом ходила, не знаю, как с ума не сошла. Бьет, значит любит, думалось мне. А по этой логике выходило, что его чувства более чем сильны. Ха! Потом я узнала, что он мне изменяет.

Она снова показала изуродованную руку.

— Я тогда имела глупость устроить скандал и пригрозить разводом. Самое интересное, Роберт все перевернул с ног на голову, выставив меня стервой, а себя все понимающим мужем, которого лишь моя холодность толкнула в постель к другой. Но для него это просто тело, ничего не значащая девица, тогда как я любимая женщина, которой он дал свою фамилию, с которой растит сына. Я должна быть благодарной ему за заботу, а не изводить своей глупой ревностью. Чтобы растолковать эти простые истины, он использовал молоток, Роберт тогда очень сильно рассвирепел.

— Не понимаю, что заставляло вас терпеть подобное отношение?

Из красивых голубых глаз побежали слезы.

Опешил, не зная, как помочь этой израненной женщине.

— Сначала я его любила. А потом... Кто я? И кто Роберт? Он не дал бы мне спокойно жить, мог спокойно убить, пойдя я против. И учитывая его должности, ничего бы ему за это не было. Он сделал все, для того чтобы стать всемогущим Робертом. Поэтому я терпела и действительно обрадовалась, когда он захотел со мной развестись.

— Думаете, с другими женами он обращался так же?

Снова горькая усмешка появилась у нее на губах.

— Уверена, человек вряд ли изменится, особенно в таком солидном возрасте. Ему доставляло удовольствие измываться над женщинами.

Руки от бессильного гнева сжались в кулаки. Однако картинка не складывалась, Кристина, которую я знал, никогда бы не стала терпеть подобное отношение.

— Кристину Калашникову было кому защитить — отец, брат, да и она совсем другая, она бы не позволила...

Нина Руслановна лишь пожала плечами.

— Значит, была причина. Этот паучара чем-то ее держал.

В груди нарастало что-то темное, страшное, звериное... Гнев... Если это правда... я разорву... весь мир разорву.

— Какие отношения были у вашего сына с бывшим мужем?

— Я не мешала им общаться. Попробовала бы только. Сына Роберт по-своему любил, наследник, как-никак, а самое страшное, пытался внушить ему свои взгляды на мир. Хорошо, что он больше мой мальчик.

— Чем я могу вам помочь?

Опять грустная, несколько нервная улыбка появилась на женских губах.

— Помогите Кристине. Мне всегда нравилась эта ласковая, веселая девчушка. Вы будете очень красивой парой.

Попрощался и вышел на улицу. Во всю ширь легких жадно вдохнул холодный воздух. Слова Нины Руслановны меня потрясли, мысли, как стая бешеных голодных собак в поисках пропитания, рыскали в голове, пытаюсь найти ответы на мучающие меня вопросы. А еще хотелось кричать, кричать во все горло и биться головой о стены, чтобы хоть как-то справиться с эмоциями. Однако что-то не сходится, почему Кристи сейчас молчит? Почему семья настаивает на счастливом браке? Ведь дай эту историю в руки хорошего адвоката — и минимальный приговор гарантирован, даже если она в самом деле убила своего мужа.

Кристи, девочка моя темноглазая, что же ты скрываешь?

Другая жена Роберта Евгеньевича жила в Краснодаре. Съездить туда сейчас не представлялось возможным, но мне очень нужно было с ней поговорить. Немедленно.

— Дим, привет. Найди, пожалуйста, телефон второй супруги Роберта Евгеньевича.

— Окей, подожди чуточку, вышлю смс.

— Жду.

Нервно закурил сигарету. Может, это поможет успокоиться. Эффективнее, конечно, настучать кому-то по роже. Нет, держи себя в руках, Вовчик, мордобоем делу разве поможешь. Никотин горечью оседал на языке, а от сдерживаемого гнева горечь скапливалась в душе.

Вот и СМС пришло. Чуть подрагивающими пальцами набрал присланный Лапугиным номер. Мне ответил приятный женский голос.

— Лилия Анатольевна?

— Да.

— Я следователь по убийству вашего мужа.

— Что вы хотите?

Не стал юлить.

— Я только что разговаривал с первой женой Роберта Евгеньевича. Скажите, вас муж тоже избивал?

Молчание красноречивее всяких слов. Черт, Нина Руслановна не обманывала.

— Это как-то поможет следствию?

— Возможно.

— Да, он был еще тем садистом. Только не путайте, пожалуйста, с БДСМ-ными играми.

***

До безумия хотелось быстрее попасть домой, поэтому я решил перехватить сына убитого прямо в аэропорту. Евгений Робертович был похож на отца, хотя черты матери в виде светлых волос и голубых глаз тоже проглядывали. Красивый парень. Он был чуточку младше меня, примерно Кристинкин ровесник, а у нас с ней разница в четыре года.

— Евгений Робертович, я Карпов Владимир Константинович, веду дело об убийстве вашего отца, хотел поговорить.

— Попадите, только самолет приземлился, — недовольно начал он, — устал.

— Понимаю, но вы так долго были недоступны для разговора. Я специально приехал в этот город, чтобы взять у вас показания. Войдите в мое положение. Или вы предпочитаете тащиться к нам за триста пятьдесят километров?

— Милая, — обратился он к довольно симпатичной блондинке, — мне нужно поговорить со следователем, получи, пожалуйста, багаж.

"Милая" прошла по мне любопытным взглядом и согласно кивнула.

Мы отошли в сторону, подальше от толпы, ожидающей раздачу своих чемоданов.

— Почему вы не приехали на похороны отца? — задал сразу вопрос в лоб.

— Я отключил свой телефон на время отпуска, меня нашли уже слишком поздно, отца как раз хоронили в тот день. Я не успевал. А потом, к чему было уезжать, ведь тур и обратные билеты оплачены.

Бла-бла-бла... В общем, сыночек не счел нужным прервать свой отпуск ради такой незначительной причины, как смерть отца. Что ж, собаке собачья смерть. Даже дети на похороны не приехали.

— Вы, как я вижу, не очень-то ладили с отцом?

Это немного разозлило Евгения Робертовича.

— У нас были нормальные отношения. Но мы жили в разных городах, редко общались.

— Как вы относились к мачехе?

— Вы последнюю отцову жену имеете в виду? Да никак, я помнил ее ребенком, потом увидел на свадьбе. Позавидовал даже, Кристина стала очень красивой женщиной. Не будь она невестой отца, непременно попробовал бы за ней приударить.

Руки самопроизвольно сжались в кулаки. Нашелся тут, пробовальщик. Черт, Карпов, ты ревнивый идиот.

— Как думаете, она могла убить Роберта Евгеньевича?

Младший Швец отвел глаза, но я успел понять — он знал о специфике общения отца с женщинами.

— Папа... — мой собеседник замолчал, подбирая слова, — очень жесткий человек.

Решил внести ясность:

— Это называется бытовым насилием.

— Мама нахлебалась с ним, — продолжил Евгений Робертович. — И да, возможно, у Кристины были основания его убить.

— Только у Кристины?

— Не только... Думаю, причины были у многих... Родитель умел давить на людей. В мою жизнь тоже постоянно вмешивался, пытаясь ее определять.

— И что вы?

— А что я? Плохой, хороший, но ведь он мой отец. Кроме того, у папы были связи, деньги, глупо ото всего этого отказываться из-за детских обид и его деспотичного характера. Поэтому я делал вид, что слушаюсь, но поступал в большинстве случаев по-своему.

Мудро. Ничего не скажешь.

— Знаете, на самом деле очень хорошо, что вы приехали, дело в том, что примерно полгода назад отец попросил меня арендовать на свое имя ячейку в банке. Насколько я знаю, никаких ценностей он там не хранил, только бумаги. Папа сказал тогда, если с ним вдруг

что-нибудь случится, передать документы следствию и разослать в газеты.

Значит, Роберт Евгеньевич чего-то боялся. Теперь стало понятно, что так тщательно искали в загородном доме Швецов. Зачем Роберту Евгеньевичу нужно было хранить бумаги в другом городе, да еще в банковском ящике на имя сына?

— Надеюсь, эти бумаги будут полезны следствию. Только вот ключа у меня нет.

— Поскольку ячейка зарегистрирована на вас, то банк обязан выдать дубликат. Надеюсь ваша "милая", — кивнул в сторону скучающей девушки возле ленты выдачи багажа, — справится одна.

— Даже отдохнуть не дали, — заворчал сын убитого, но все же пошел объясняться с блондинкой.

В банке после проверки документов нам без лишних вопросов дали другой ключ.

Весь собрался, как перед прыжком, когда Евгений Робертович открывал небольшую дверцу в хранилище банка. Как он и говорил, никаких денег там не оказалось. В ящике лежали конверты. Но что-то подсказывало мне — содержимое этой банковской ячейки ценнее и опаснее всяких там бумажек, даже самого высокого номинала. «Аптекарь», «Новатор», «Бабник» мельком прочитал я подписи, кое-где стояли просто инициалы. На одном из конвертов, где размашистым почерком было выведено слово «Калаш», сердце начало вести себя странно, словно подсказывая мне, что в нем информация, которая может многое объяснить. Компромат... Уверен, в каждом таком конверте какие-то сведения о людях, позволяющие Роберту Евгеньевичу их контролировать. «Он все сделал для того, чтобы стать всемогущим Робертом», — вспомнились мне слова Нины Руслановны.

Мелодия мобильного телефона прозвучала слишком громко в тишине банковского хранилища. Вздрогнули и я, и Евгений Робертович. А может, просто нервы ни к черту. Как же не вовремя зазвонил телефон. Что понадобилось Димке Лапугину?

— Привет!

— Карпов, у меня есть новости по делу.

— Давай, слушаю.

— Поражаюсь твоему чутью Вовчик. Я все думал, зачем следственный эксперимент проводить, если и так все ясно.

— Короче, — нетерпеливо перебил его я.

— Короче, эксперты сказали, что один из ударов подозреваемая точно не могла нанести. Для этого она должна быть как минимум на голову выше и килограмм на пятнадцать, а то и все двадцать, тяжелее.

Значит, все-таки Кристина не убийца.

— Куда смотрел патологоанатом, делающий первое заключение?

— А вот тут самое интересное, его нашли мертвым в своем кабинете.

— Патологоанатома?

— Да.

— Отчего он умер?

— Представляешь себе, передоз. А ведь дядечка не употреблял наркотики.

Вот оно — закрутилось, завертелось! Кажется, улей со злыми пчелами, который держал в узде Роберт Евгеньевич, проснулся. Теперь они так могут покусать, мама не горюй!

Сын Роберта Евгеньевича нервно переминался с ноги на ногу возле ячеек, было видно, что ему не нравилось промедление.

— Подследственную надо отпускать, — продолжал говорить Лапугин.

— Черт, нет, подожди, дай мне вернуться!

— Это не такая уж быстрая процедура, успеешь.

— Хорошо, давай, до связи.

— Евгений Робертович, мне срочно нужно возвращаться. Документы я изымаю для дальнейшего ознакомления. Кстати, открылись новые обстоятельства по делу убийства вашего отца, кажется, последняя жена все-таки не виновата в его смерти.

Для проформы достал из портфеля файл, перчатки, запихнул туда конверты из ячейки, типа опечатал. Надеюсь, что сын, несмотря на должность отца, не сильно разбирается в тонкостях уголовного расследования, ведь я нарушил все мыслимые процедуры по изъятию документов. Но что-то подсказывало мне — это ящик Пандоры, и стоит хорошенько подумать, прежде чем его открыть, вытаскивая на свет содержимое.

— Держите меня в курсе расследования.

— Конечно, Евгений Робертович, вот моя визитка, если у вас появятся какие-то мысли о том, кто может быть причастен к смерти вашего отца, то прошу позвонить...

Распрощались мы почти по-дружески. Хотя мне очень хотелось набить ему рожу. Во-первых, потому что, несмотря на появившуюся к нему симпатию, факт оставался фактом — Евгений Робертович — сын этого уродца, укравшего и мучившего мою девочку, во-вторых, внутри сидело нетерпение, быстрее посмотреть, что в конвертах, быстрее начать движение в сторону дома, то есть поближе к Кристине, а мне пришлось еще минут пятнадцать трепаться с младшим Швецом и даже поведать некоторые детали расследования. Наконец мы разошлись каждый к своей машине. Там, отгороженный металлом и стеклом корпуса автомобиля, я быстро нашел конверт, подписанный словом «Калаш». А теперь посмотрим, чем этот паучара держал мою кису Кристи. Открыл конверт и принялся изучать документы. Н-да, откаты, мошенничество в особо крупном размере, да еще и с использованием служебного положения. Лет на десять как минимум. По телу прошелся холодок. Вот, значит, как! Картинка сложилась, все пазлы стали на свои места — Кристина стала женой Роберта Евгеньевича, чтобы спасти отца от тюрьмы. Ее назначили жертвой, пытаюсь заткнуть пасть этому старому развратнику. Кулак с силой впечатался в пластмассовую панель служебной машины. Жаль, что Роберт Евгеньевич — покойник. Тело просто жаждало насилия, я бы хотел сам отправить его на тот свет. Медленно и методично избивать этого всеми уважаемого представителя закона, постепенно превращая лицо и тело в кровавое месиво.

Девочка моя темноглазая, как же так... Что же тебе пришлось выстрадать? А я... Зачем ее отпустил?! Почему поверил?! Ведь за тот год, который мы были вместе, Кристина не дала мне ни одного повода усомниться в своих чувствах. Готовила мне ужины, ждала с работы, радостно встречала, даже если я опаздывал на три часа. В постели же... она была просто фееричной любовницей. Отдавалась вся без остатка, была готова на любые эксперименты, лишь бы я оставался довольным. Все дело в моих чертовых комплексах, извечной классовой неприязни со стороны простого работяги к людям с большими деньгами. Ведь я всегда думал, что ей не пара, что Кристи побудет со мной немножко, побалуется, а потом улетит к такому же золотому мальчику, как она, кушать черную икру из серебряных ложечек. Ожидал ее предательства, потому так легко одурачился. Идиот, дебил, чурбан бесчувственный!

Остальные конверты не стал рассматривать, они мне были малоинтересны, небрежно засунул их в бардачок машины. Быстрее, быстрее, Володька, нужно возвращаться назад! Забрать мою Киску из этого ужасного места, прижать к себе и больше никогда не отпускать. Теперь никто не посмеет у меня ее забрать.

ГЛАВА 9

Нарисовала на тюремной стене пальчиком невидимые буквы, соединив их своим воображением в неразличимые слова: «Карпов Владимир Константинович». Черт, Карпов, удивительно, как я смогла прожить без тебя все эти пять лет? Ведь сейчас и два дня кажутся вечностью, ужасной разлукой, невыносимой пыткой. Ну почему меня не вызывают больше на допрос, следственный эксперимент или еще какие-то мероприятия, хочу, пусть на минуточку, увидеть его, хоть на секундочку посмотреть в зеленые летние глаза. Думает ли Володя обо мне в своем Следственном комитете? Конечно, Кристи... днями и ночами думает, как засадить тебя лет на восемь, это же его прямая обязанность. Вот теперь тюрьма страшила. Ведь я там загнусь от тоски по нему, особенно сейчас, когда растаяла, снова почувствовала вкус его поцелуев — вкус жизни.

— Швец, тебя вызывают к заместителю начальника следственного изолятора.

Ну, наконец-то, хоть какие-то действия! Только это не совсем то, чего я желала. Зачем, скажите, пожалуйста, нужен заместитель начальника этой каталажки? Я ведь надеялась увидеть Карпова.

Меня провели в довольно светлый и просторный кабинет.

— Здравствуйте, Кристина Сергеевна.

— Добрый день, — кисло ответила я, все так же не понимая, зачем необходимо это знакомство.

— Разрешите представиться — Кравцов Александр Григорьевич, можно просто Александр.

— Очень приятно, — по инерции сказала я, хотя ничего хорошего не видела от перспективы такого знакомства и не понимала предложенного мне панибратства.

— Я друг Карпова.

Волшебное слово, волшебная фамилия теплом резанули по сердцу. А потом возникло беспокойство.

— Что-то случилось?!

— Поступило постановление о вашем освобождении.

— К-как? — лишь смогла прошептать я вмиг онемевшими губами.

Неужели все закончится так быстро? Даже как-то внутренне не готова к такому развитию событий, поскольку думала, что мой путь на свободу будет длительным и тернистым.

— Но почему?

— Экспертиза доказала, вы не могли нанести Роберту Евгеньевичу смертельный удар в силу своего роста и веса.

Карпов, Карпик, милый мой, несмотря на свои угрозы, он сделал обратное, доказал, что я не убивала своего му... этого страшного человека. Первым делом, когда выйду на свободу, отправлюсь в ЗАГС и напишу заявление о смене фамилии. Нет, первое, что сделаю, пойду к Карпову, сяду на порог и буду сидеть, пока он меня не простит!

***

Впереди, кажется, случилась авария, неудивительно при такой-то погоде. Дождь сменился мокрым снегом, тогда как в воздухе уже ощущался небольшой морозец. Автомобили тащились со скоростью даже не черепах, а больших слизней, медленно-медленно. А мне так нужно быстрее в город. Эти последние километры перед встречей с Кристиной давались очень сложно. Кажется, без нее мне даже дышится с трудом. В теле не

просто жажда, нет, она мне нужна, как воздух.

— Саш, я немного опаздываю, пожалуйста, прошу тебя, задержи выход Кристины до моего приезда.

— Поторапливайся, мне нужно ее отпустить до конца рабочего дня. Тут уже родители приехали, кто-то успел их обрадовать, я не могу держать бывшую подозреваемую до бесконечности.

Так хотелось перепрыгнуть, перелететь через этот медлительный поток слизи! Почему я не Бэтмен? Наконец удалось свернуть на другую улицу, надеюсь, теперь дело пойдет лучше, и двигающиеся впереди автомобили хотя бы перейдут в разряд жуков. Ну же, ну же, быстрее...

***

Застегнула на все пуговицы свое дизайнерское пальто. Его я тоже выброшу, как и все, купленное за период брака. Не хочу, чтобы какие-то вещи напоминали мне об этом страшном времени и человеке.

Вот она, наконец-то, — свобода! После посещения кабинета заместителя начальника следственного изолятора меня еще четыре часа зачем-то держали в этом заведении. Друг Карпова говорил, нужно подготовить какие-то документы. Я даже справку получу, которую можно предъявить на работе, дескать, я не самовольно прогуливала, а за решеткой торчала, в качестве подозреваемой в убийстве. Смешно! Интересно, меня возьмут обратно в наше «Архитектурное Бюро»? Сейчас обычная жизнь, каждодневные заботы казались такими нереальными.

— Это ваши личные вещи, которые были при вас на момент задержания. Получите и проверьте, пожалуйста.

Удивительно, но мне вернули массивную золотую цепочку с красивым кулоном, украшенным мелкими бриллиантами и аметистами. Этот подарок я получила от Роберта Евгеньевича на следующий день после того инцидента с раскаленной кочергой. В ушах до сих пор стоит мой крик и его довольные слова: «Вот что должно украшать тело моей женщины». Никогда больше не надену эту дорогую мерзость.

— Возьмите, — протянула я цепочку работнице следственного изолятора, грузной женщине, с печатью унылого безразличия на лице.

Видно было — ее жизнь нечасто балует, может, это проклятое украшение хоть кому-то принесет радость.

— Зачем? — напряглась она.

— Презент, мне это украшение никогда не нравилось.

Охранница, видимо, подумала, что взбалмошная богачка бесится с жиру, но цепочку взяла.

Меня выпустили за территорию следственного изолятора. Вдохнула полной грудью воздух. Все, теперь действительно свободна! Мне двадцать девять лет, самое время начать жить по-настоящему, жить счастливо, воплощая в реальность все мои спрятанные до лучших времен мечты и желания.

***

Наконец-то я добрался до этого чертового СИЗО. Пятнадцать минут пятого на часах почти успел. Кристина только-только вышла за ворота этого невеселого заведения. Меня не заметила, поскольку я стоял немного в сторонке.

Какая трогательная встреча — дочки с продавшими ее родителями. Пора прервать эту

лицемерную ахинею.

— Здравствуйте!

Сделал несколько шагов вперед, чтобы попасть в пределы видимости. Лица всех присутствующих обратились в мою сторону. Кристи немного побледнела, глаза — бездонные озера черной ночи. Ведьмочка моя ненаглядная. Сергей Иванович нахмурился, не понимая, видимо, на кой черт сюда притащился следователь? А вот мадам Калашникова меня узнала, несмотря на то, что прошло пять лет. Да, мы встречались с ней когда-то. Нет, не общались, до этого дело не дошло. Зачем ей вести разговоры с временным ебарем своей дочери. Но она несколько раз заставляла меня в шикарной квартире дочурки, и мы были даже друг другу представлены.

— Что вы тут делаете? — задал закономерный вопрос Сергей Иванович.

— Приехал за Кристиной.

— Не понимаю, нам сказали, что подозрения на ее счет не оправдались. Чего вы еще хотите?

Руку, сердце, тело и душу вашей дочери. Всю ее хочу, в полное свое владение. Но вслух этого не сказал.

Кристина неотрывно смотрела на меня своими колдовскими глазами. А что в них, понять, прочесть невозможно. Надеюсь, она рада моему вмешательству, потому что даже если Кристи будет упираться, все равно увезу ее с собой. Не могу больше без своего персонального наркотика.

— Да, подозрения сняты... и теперь Кристина будет находиться под моей защитой.

— Да какого черта вы лезете?! — возмутился Сергей Иванович.

— Это Кристинкин бывший парень, — прошептала достаточно громко, чтобы и мне слышать, мадам Калашникова.

— Именно, я ее "бывший" парень.

— Молодой человек, потом разберетесь в своих отношениях... — чуть высокомерно начал Сергей Иванович. — А сейчас не мешайте нашей семейной встрече.

Ее отца я больше всего ненавидел. Лицемер. Сергей Иванович виноват не только в том, что он — гребаный вор, самое главное, он — трус, отдавший мою любимую девочку, как откуп за свои грехи, в руки старого садиста.

— Как трогательно! — чуть повысил я голос. — Ты не заслужил право называться отцом, — тыкал я ему специально, поскольку не испытывал ни малейшего уважения к этому человеку. — О своем родительском долге надо было думать чуточку раньше, как и о выборе друзей. Я все знаю, Сергей Иванович! Швец держал тебя за яйца, и ты решил откупиться от Роберта Евгеньевича своей красавицей-дочкой. Ничего не скажешь, поступок "настоящего любящего отца".

Теперь лица всех собравшихся побледнели, а у всеми уважаемого отца семейства затряслись руки.

— Он ничего не знал! — вскрикнула Кристина. — Это было исключительно мое решение!

Внутри поднялась еще одна волна бешенства. Ах, замазать бы хорошенько этому горе-папаше, да руки мараить не хочется!

— Не знал!! — заревел я бешеным медведем. — Или не хотел знать?!

Калашников схватился за сердце. Конечно, люди не любят, когда озвучивают вслух нелицеприятную правду.

— Сергей Иванович был другом Роберта Евгеньевича, а главное, он твой отец. Должен был знать, Кристи! Мне ведь не потребовалось полжизни на выяснение того, что твой муж был настоящим садистом.

Из Кристиных глаз покатались слезы. Веду себя, как слон в посудной лавке, но сидящий внутри долго сдерживаемый гнев требовал какого-то выхода. Ничего, оклемается папашка. А каждую ранку моей ненаглядной ведьмы я залижу, зацелую своим губами.

Подошел ближе к Кристине, взял подрагивающие холодные пальчики мужской лапицей, прижал ее ближе к себе, вдохнул любимый запах. И действительность перестала существовать. Только она, только я, только мы и стук наших сердец. Обхватил руками бледные девичьи щеки, по которым катились слезинки, заглянул в черные глаза, нырнул в них прямо всей душой, всем телом. Моя, моя, моя... больше никому не отдам свою ведьму.

На периферии сознания слышался шепот Кристининой мамы, уговаривающей Сергея Ивановича не волноваться, идти домой, и его недовольные ответы. Мне теперь все равно, приступы злости и гнева потонули в глубине колдовских зрачков. Подхватил Кристину на руки, понес в сторону служебной машины, на которой приехал. Она доверчиво положила свою темноволосую голову мне на плечо. Вот оно, счастье! Кажется, я километры так готов идти. Своя ноша не тянет.

Неужели это правда, я свободна и еду в машине вместе с Карповым! Володя...

Повернулась к нему всем телом, несмотря на ремень безопасности, который заботливо, усаживая меня в машину, застегнул Карпов.

Сексуально небритый красавец, кажется, был полностью сосредоточен на дороге, но все же мое внимание заметил.

— Кристи, не смотри на меня так.

— Как «так»?

— Кристи, я усталый, голодный и злой...

Невольно улыбнулась.

— Звучит очень заманчиво.

Я еще не разучилась шутить, надо же. Самые сексуальные мужские губы раздвинулись в задорной белозубой улыбке.

— Нам еще долго ехать?

— Примерно минут сорок.

Ууу... Еще сорок минут ждать возможности к нему прикоснуться.

— Почему ты не спрашиваешь, куда мы едем?

— А мне все равно, Володя, абсолютно все равно.

С ним хоть на край света, хоть в самое пекло, хоть в ледяную пустошь, только бы рядом. Зеленые глаза на секундочку обожгли ответным чувством, а мужская ладонь накрыла мои чуть подрагивающие пальчики, сжала их. Тепло этих прикосновений пошло по руке вверх, распространилось по всему телу, постепенно отогревая мое превратившееся в ледышку после пятилетнего ада сердце. Я живая, живая! Лишь с ним я оживаю... Только мне мало. Хочу большей близости, большей нежности! Отстегнула душащий меня автомобильный ремень.

— Кристи, что ты делаешь? Мы на автостраде!

— Карпов, мне нужно к тебе прикоснуться.

Потянулась к нему всем телом, словно молодая поросль травы к яркому весеннему солнцу. Обхватила руками мужскую шею, прильнула губами к горячей солоноватой коже, вдохнула любимый запах. Хочу, чтобы эта дорога никогда не заканчивалась! В тело упирался какой-то автомобильный рычаг, неудобно. Только разве это помеха....

— Кристи, пожалуйста, сядь на место, или я прямо сейчас остановлю машину и выебу тебя ...

— Останови, — жарко зашептала ему прямо в ухо.

— Кристи, я серьезно, — нахмурился Карпов.

— Вов, я тоже...

— Черт, Кристи, немедленно на место!

Несмотря на грозные слова, сведенные вместе брови, зеленые глаза смотрели горячо и довольно.

— Кристи, слушайся, — сказал он уже мягче.

И я, наигранно обиженно выпятив губы, уселась обратно в свое кресло и даже ремень безопасности застегнула. Надеюсь, милый, ты теперь доволен! Удивительно, но я чувствую себя прежней, желанной, любимой, любящей, счастливой. А потом вдруг в душу закрался страх, обхватив ледяными объятьями разыгравшиеся было мечты. А вдруг это злая шутка со

стороны неласковой судьбы? Вдруг она потом снова разлучит нас, заберет у меня Карпова? Ведь я тогда не выдержу, сломаюсь, внутри вместо стального стержня только лишь тонкий хрусталь сознания, кое-как отделяющий меня от пропасти безумия.

— Володь...

— Да, Кристи.

— Прощу тебя — держи меня крепче...

— Ты опять куда-то собралась? И не надейся, Кристи, я больше никуда тебя не отпущу.

Потом мы ехали молча. Карпов был сосредоточен на дороге, гнал вперед, несмотря на сильный снег, валивший за окном. Я же не отрывала своего взгляда от строгих напряженных черт мужского лица, чувствуя на каком-то подсознательном уровне волны желания, идущие от его тела. Карпов больше не прикасался ко мне, однако бугор в штанах красноречивей всяких слов подтверждал мои ощущения. А в моем животе тоже нарастала страстная вакханалия, там словно скручивались, сжимались маленькие огненные пружинки, по которым, словно по цветам, летали щекотуньи-бабочки, вынуждая меня елозить по этому чертовому автомобильному креслу. Между ног собиралась жаркая влага. Вот ты и начала таять — Снегурочка.

Мы выехали из города, поток машин уменьшился, но скорость наша не увеличилась, поскольку снег пошел еще сильнее. Хорошо, что у Карпова джип. Простенький, бюджетный вариант, мой стоит в 4 раза дороже, но все-таки внедорожник. Я надеюсь, мы скоро доедем, потому что ерзанья в кресле мало помогали, а наоборот, лишь усиливали желание. Натянутая струна моего тела хотела прикосновения мужских рук, жара его твердых губ. Наконец мы заехали в какой-то сельский поселок, кажется, наше путешествие, слава богу, закончилось. Машина остановилась около самого обычного деревенского дома. Никаких архитектурных изысков, только милая сердцу простота. Карпов отстегнул ремень, повернулся в мою сторону. Ах, как горячо!

— Кристи, иди ко мне...

Чертов ремень безопасности не хотел отстегиваться. Карпов начал мне помогать, у него получилось намного быстрее, затем рывком подтащил к себе. Горячие губы накрыли мои.

— Ахм...

Снегурочка продолжает таять... нет, кипеть.

Жадно открыла рот, жадно впиалась в его губы, как всегда небритые. Подбородок и щеки приятно закололи мою чувствительную кожу. Мужские руки стали расстегивать пуговицы пальто. Я пыталась им помочь, но только лишь мешала.

— Детка, дай я сам, — нетерпеливо зарычал Володя.

Наконец пуговицы были расстегнуты, и его пальцы пошли путешествовать током по моему телу.

— Да... Карпов, — вырвался возбужденный шепот из моего горла.

— Кристи...

Посмотрела в его красивое лицо. Чувства внутри меня бушевали волнами, настоящий ураган, от которого сердце бешено билось, тело мелко подрагивало, а из глаз почему-то бежали слезы. Володя начал слизывать их языком, покрывая мое чуть запрокинутое лицо быстрыми жгучими поцелуями. Воздуха стало не хватать, я жадно открыла рот в попытке вдохнуть. Мужские губы накрыли мои, забрав последний кислород из легких. Неправда, он делится со мной воздухом, наполняя тело жизнью.

— Нет... зачем, неет..., — захныкала, когда его губы отстранились.

— Кристи, бегом на улицу.

Послушалась, быстро выскочила из машины, распаренная, прямо в непогоду за окном. Ветер прошелся по коже, залезая холодом в распахнутое мужскими нетерпеливыми пальцами пальто. Со стороны водителя тоже послышался звук закрываемой двери. Холодно... шагнула в сторону Карпова и тут же оказалась в мужских объятьях. Потянулась к нему руками, губами, всем телом. Так значительно теплее, горячо даже! С ним никакое ненастье не страшно! Запустила руки в жесткие короткие волосы. Володя подтянул меня еще ближе к себе, впечатав в свою грудную клетку. Большая жаркая лапища легла на мои ягодицы, прижала к мужскому телу, давая почувствовать силу и мощь его желания. Член, того и гляди, джинсы разорвет в клочья. Приподнявшись на цыпочки, заелозила низом живота об этот выступ. Невольно задрожала от холода, или от жара, нет... от желания. Наши губы начали нещадно терзать друг друга. А снежинки падали на разгоряченные тела, таяли... и я таяла вместе с ними. Карпов что-то прошептал мне в губы... Разобрала только «дом», остальные слова потонули в моих жадных присосавшихся к нему губах. Потом... житейские мелочи потом. Ведь внутри меня тоже завывает буря, которую необходимо успокоить, укротить как-нибудь и чем-нибудь. Резко потянула за молнию на его джинсах.

— Кристи, что ты делаешь?

— Возьми меня, Карпов, пожалуйста, прямо сейчас... здесь...

И он откликнулся на мой призыв. Губы снова стали пожирать меня, нетерпеливые руки полезли прямо под юбку. Да что ж это такое, надо было предвидеть такую возможность — чулки надеть! Блин, что за бред в голове, я же из тюрьмы только вышла! Там не до сексуальных штучек. Мужские пальцы легли на мою истекающую соками промежность, и тело, откликаясь, забилося в припадке удовольствия.

— Кристи... в дом... пошли...

Все так же слившись в объятиях, сделали шаг по направлению к дому, я поскользнулась на покрытой ледком дорожке, упала прямо в снег, потащив Карпова за собой. Девяносто килограмм чистого веса бухнулись на меня сверху, вынудив застонать и, конечно, совсем не от боли. Как же приятна эта тяжесть! Раздвинула свои ноги, приглашая воспользоваться моим телом. Низом живота легонько боднула выступ в мужских джинсах. Ответный стон ворвался божественной музыкой в уши. Странно, холод почему-то совершенно не чувствовался.

— Карпов... тут... хочу прямо здесь... пожалуйста... — в промежутках между поцелуями выдохнула из себя слова.

— Кристи, ты безбашенная... замерзнем ведь.

— Пожалуйста...

Слава богу, он не стал противиться, а может, сам уже был не в состоянии терпеть. Мужские руки стащили колготки и трусики с моих ног. Хорошо, что пальто длинное и можно лечь на ткань, а не голой попой в снег. Холодные пальцы коснулись моих влажных горячих губок. Опять дернулась, забилась в его руках. Из мужского горла вырвался довольный рычащий звук наконец-то добравшегося до наслаждения самца.

— Кристи... я сейчас не смогу быть нежным...

— К черту нежности, Карпов, к черту!

Эти слова опять вызвали рычание. Теперь руки попытались раздвинуть мои ноги, что тяжело, поскольку собранные возле щиколоток колготки, словно веревками, жестко зафиксировали их вместе. Прогнула. Холодные пальцы сменил раскаленный

подрагивающий член.

— Ахм!

Карпов скользил, купался в моей влажности, пытаясь войти внутрь. Мощный удар в самую глубину. Я опять вскрикнула, схватившись за его широкие плечи. Появилось удивительное ощущение полета, словно мы провалились с ним куда-то, в самую сердцевину снежного бурана, или даже глубже, в самый центр Вселенной. Но я не боюсь разбиться, более того, я хочу падать... падать и падать. Только бы вместе, не разжимая объятий. Удар. Член выскочил из моих жарких глубин, раздосадованный Карпов заворчал. А потом опять ринулся в мою влажную щель. Чтобы ему было удобнее, прогнулась еще больше и попыталась, борясь с эластичной тканью сковавших меня колготок, развести сильнее ноги. Не сразу, но ему удалось протиснуться внутрь. Опять начались интенсивные толчки, и снова я лечу, падаю... в обнимку с ним, вместе со снежинками ....

— О-о-о!

Все возгласы погасили целующие меня губы. Странные ощущения: меня одновременно колотило ознобом холода, било припадками удовольствия, а от низа живота, под воздействием простреливающих ударов мужского члена в женском естестве, по всему телу бежали жаркие волны. Темп толчков увеличился. Карпов брал меня жестко, жадно, даже грубо. Неудобно... очень неудобно, но я прибью его, если он вздумает остановиться. Потому что внутри уже зрел, зарождался оргазм. В попытке вдохнуть побольше воздуха запрокинула голову...

— Да... еще...

Глаза заволклись пеленой удовольствия, от которой лицо Карпова двоилось, а сам он превращался в снежно-прекрасное и совсем не страшное чудище.

— Кристи... я люблю тебя... — прошептал находящийся на мне снежный человек.

И от этих слов, от непрекращающихся горячих ударов члена я падала еще дальше в пропасть, да нет же, взмывала, взмывала на волнах радости высоко вверх, прямо в центр той тучи, которая бросала на наши разгоряченные тела снег.

— Карпов... я любл-ю-ю-ю... у-у-у...

Вот он, новогодний фейерверк моего тела. Оргазм на холодном снегу. Забилась в его руках, застонала, закричала, завывала в его губы. И через секунду почувствовала ответный вой удовольствия. Карпова тоже начало трясти в оргазме.

Все-таки задремал. Усталость и напряжение последних дней, а главное, сексуальное удовлетворение, расслабившее организм, взяли свое. Не знаю, сколько я спал, но пока еще не рассвело, что, безусловно, хорошо. Голова Кристины прижималась к моему плечу, ее руки цеплялись за меня, словно она боялась, что я могу сбежать от нее во сне. Любимая ведьмочка. Улыбнулся, вспоминая наши кувыркания в снегу. Только одна Кристи так на меня действует, что я полностью теряю голову и готов отморозить себе яйца, лишь бы овладеть ею немедленно. Волна, да что там, целый шквал нежности прошелся по телу. Легонько поцеловал женское хрупкое плечико. Вдохнул во всю ширь легких запах ее волос, балдея от осознания того, что эта прекрасная девушка снова рядом со мной, снова моя. Уж я теперь все сделаю, чтобы мы с Кристи были счастливы. Мне тридцать три года — возраст Христа. Самое время начать жить счастливо.

Когда выветрился послеоргазмный хмель, и наши тела немного поостыли в том «раскаленном» снегу, мы с ней дружно стали клацать зубами. Я затащил дрожащую Кристи в дом, но там тоже было холодно, ведь подготовиться к нашему приезду у меня совершенно не было времени. Да и вообще, решение отправиться в эту деревенскую хибару, доставшуюся мне в наследство от бросившего когда-то семью отца, пришло спонтанно. Будь моя воля, я бы уехал с ней на необитаемый остров, чтобы никто не мог, не смел, нам помешать. За неимением острова пришлось довольствоваться домиком в деревенской глуши. Пытаясь согреть свою любимую ведьмочку, накидал на нее все одеяла, которые нашлись в шкафах, но Кристинкины зубы все равно отбивали дрожь. Тогда, растопив печку, я полез к ней в кровать и начал греть Кристи своим телом. Так дело пошло гораздо быстрее и вскоре она, разгоряченная, билась и стонала в моих объятьях, а никому не нужные одеяла валялись на полу. Девочка моя любимая...

Постарался осторожно высвободиться из хватки женских рук. Кристина не отпускала. Полежал чуточку и предпринял еще одну попытку встать. На этот раз получилось. Правда, пришлось подложить вместо себя подушку. Необходимо подумать, что делать дальше с теми бумагами, которые я получил от сына Роберта Евгеньевича. Пришлось опять выйти из тепла дома в непогоду за окном. Снег стал тише, но все еще падал, а вот морозец покрепчал, градусов пять-шесть наверное. Нехотя сел в машину, нехотя потянулся в бардачок за документами. Вот они, пухлые конверты человеческих грехов. Закурил прямо в машине. Как же не хочется лезть во всю эту грязь. Надо. Открыл первый конверт, потом второй... Твою ж мать! Удивительно, как этого гада раньше не прибили. Темный липкий страх прошелся по телу, заполз в душу, даже вздрогнул. Н-да, вляпались мы конкретно. Люди, компромат на которых содержался в конвертах, не будут сидеть в ожидании грома, ведь он многим может стоить теплых кресел, свободы, не говоря уже о репутации... Твою ж мать, Володька... охренеть! Опять закурил сигарету, впрочем, никотин спокойствия не добавил. Наоборот даже. Раньше, все эти пустые пять лет без Кристины, я бы не раздумывая ввязался в раскрытие антикоррупционного дела, воспринимая риск как приятное развлечение, щекочущее нервы. Но сейчас, когда со мной снова любимая женщина, когда мне есть, что терять, нельзя быть безрассудным. Теперь от меня зависит судьба Кристи, а ей ведь и так хорошо досталось в жизни. Черт, черт, черт... что же делать? Третья сигарета вызвала ощущение тошноты. А ведь я еще не все досье просмотрел. Но с другой стороны, мой

профессиональный долг, моя гребаная принципиальность. Разве я смогу спать теперь спокойно, когда у меня в руках такая информация? Но если пустить дело в ход, отцу Кристины тоже достанется по самое не балуй. Поделом, конечно. Сергей Иванович вызывал во мне только чувство омерзения. Мне никого не жаль из их зажавшейся семейки. Но, черт возьми, Кристина целых пять лет терпела ад, чтобы отец не лишился должности и оставался на свободе. Как теперь сказать ей, что все было напрасно? Опять ударил рукой о пластик обшивки машины. Хрен, хрен, хрен, хрен моржовый! Что ж теперь делать? Ладно... подождем несколько дней, а пока... Сунул конверты снова в файл, потом еще в один пакет... В старой яблоне есть глубокая трещина, пусть там пока полежат. Вышел из машины, прошелся по саду. Лучше, конечно, закопать, но боюсь, по этой погоде нужно долго трудиться, Кристина проснется, да и следы такой работы будут видны. Надо хорошенько подумать, что делать с этой информационной бомбой. Четвертая сигарета спокойствия не добавила, словно полынь покурил. Горько. Да ну его, никотин этот, пойду лучше к своей ведьме. Вот где настоящий наркотик!

Кристи проснулась и сидела на кровати, обхватив колени руками, в карих глазах плескался испуг.

— Вов, ты где был?

— Курить выходил. А ты что, заскучала одна?

Глаза, какие у нее все-таки глаза, черные, бездонные, родные.

— Карпов, пожалуйста, не оставляй меня надолго одну.

В груди защемило.

— Конечно, маленькая, конечно.

Захватил ведьму в плен своих объятий. Кристи довольно замурлыкала. Я же стал лизать ее кожу, пытаясь этим лакомством стереть противный сигаретный вкус во рту, а самое главное, горечь страха в душе.

— Щекотно, — смеясь, пожаловалась она.

— Потерпи, ты такая вкусная...

— Ах, так! Тогда я тоже буду лизаться!

Шершавый язычок прошелся по моей коже. Только мне совсем не было щекотно. Эти ласковые прикосновения завели и мурашки возбуждения прошли по коже. Схватил Кристи за волосы, легонько потянул. Сводящий с ума полувздых-полустон сорвался с любимых губ. Как всегда мой напор ей понравился. И это радовало, поскольку я думал, что после брака с Робертом Евгеньевичем Кристи будет бояться даже самой малейшей агрессии в постели. А я просто не хочу сдерживаться, не могу быть нежным, когда возбужден. С ней же рядом тело практически всегда находилось в состоянии постоянного желания.

— Детка, я тебя сейчас снова выебу.

Стон был мне ответом. Бездонные глаза черной страсти смотрели на меня, прожигая душу. Я навсегда твой пленник, Кристи! Мои пальцы прошли по мягонькому животу, раздвинули влажные, чуть припухшие после наших ночных любовных игрищ складки, двинулись дальше вглубь. Кристи выгнулась, губы раскрылись в стоне обворожительно сексуальной буквой «О». Тут же воспользовался этим, засунул в ее рот сразу два своих пальца. Сладкие губы сомкнулись, посасывая их. Хочу стать осьминогом, чтобы иметь это идеальное тело во все доступные отверстия. Она моя, моя ведьмочка! Пальцы заработали сильнее в хлюпающей вагине, черные глазки прикрылись, а губы опять округлились эротичной «О». Наблюдать за ней в страсти — истинное удовольствие. Переменил руки, те

пальцы, что были в женской промежности, теперь вошли ей в рот. Пусть знает свой вкус... Боже, как Кристи это делает, кажется, я готов кончить от одного взгляда прекрасных темных глаз, в расширенных зрачках которых отражался я. Нет, чуть позже, сейчас хочу попробовать все лакомства, которые может предложить моя ненаглядная ведьма. Молниеносно переместился вниз, Кристи вскрикнула моим любимым полустоном, шире раздвинул ее изящные ножки. Зарылся головой, губами в сочащиеся влагой складки. Даже заурчал от удовольствия. Прошелся языком по клитору, еще и еще раз. Вкусняшка моя. Всосал этот бугорок в себя, а Кристи захрипела и выгнулась, попыталась сдвинуть ноги. Нет уж, нельзя прятать такое лакомство! Начал наращивать скорость движения губ и языка, мои любимые стоны пошли путешествовать, заполняя сексом все пространство дома. Кристи такая сладкая, что ее, в самом деле, хотелось съесть. В переизбытке возбуждения даже прикусил немного клитор и она опять инстинктивно сделала попытку сдвинуть ноги. Не позволил.

— Больно? Прости, Кристи.

Подул ей прямо в промежность, как на ранку, и с новой силой начал работать губами и языком, жадно вылизывая женские соки, желая навсегда насытиться вкусом любимой женщины. Но, кажется, больно Кристи не было, во всяком случае, стоны не прекратились, а даже увеличились в громкости и в количестве. Тонкие пальчики вцепились в ткань простыни, сминая и комкая ее... Лишь увеличил интенсивность своих движений, все сильнее впиваясь в женское лоно. Хочу ощутить вкус ее оргазма! Самая красивая девичья грудь заходила ходуном, а Кристи в попытке вдохнуть снова сексуально открыла рот. Языком заработал с огромной скоростью, кроме того, присоединил пальцы. Женское тело сковало напряженное ожидание удовольствия. Сейчас, сейчас, ведьма моя черноглазая... Вскоре она забилась, заметалась подо мной, издав целую серию охов, вздохов и поскуливания. Какое же аппетитное лакомство — ее оргазм! Отпустил стройные ноги и молниеносно вверх, накрыл своими губами открытый в блаженном стоне девичий рот. Наши губы слились в поцелуе. Жадно протиснулся во все еще пульсирующую, истекающую оргазменным соком промежность. И сам застонал от наслаждения прямо в пухлые губы. Влажные стенки подрагивающей вагины приятно обхватили гудящий нетерпением член. Поднял руки моей ведьмы и, удерживая их наверху, интенсивными резкими и глубокими ударами задвигался внутри.

— Смотри на меня!

Веки приоткрылись. И я опять всем своим существом нырнул в черную пропасть нашей всепоглощающей страсти. Кристи, девочка моя, до чего же ты сладкая...

Счастье! Какое это счастье — просыпаться рядом с любимым, да еще после такой ночи... Мы все никак не могли насытиться друг другом.

Володя... Посмотрела на красивое мужское лицо. Во сне густые брови немного хмурились, руки держали, обнимали мое тело, словно Карпов боялся, что меня кто-то может выкрасть, пока он спит. За ночь щетина на мужском подбородке выросла еще больше, но ему безумно шла. Володя стал даже красивее за эти пять лет.

Так, хватит валяться, Кристи! Карпов трудяга и заслужил отличный завтрак, тем более что про ужин мы с ним совершенно забыли. Перекусили пирожками, на бегу купленными Володей в каком-то придорожном кафе. Попыталась освободиться из кольца обнимающих рук... не тут-то было, мужские пальцы не хотели меня отпускать. Тихонько разжала их по одному, встала, потянулась, и пошла искать кухню.

Н-да, печально, порадовать любимого шикарным завтраком не получится — продуктов в доме почти не было. Никаких изысков, все очень просто, по-походному. Надеюсь, Карпову понравится вермишель с тушенкой. У меня в детстве это было одно из любимых кушаний. Правда, отведывать его удавалось не часто (в нашем доме старались готовить более изысканную пищу), только мамина бабушка радовала иногда.

— Пахнет восхитительно.

Вздрыгнула, я как раз пыталась сделать кофе и не заметила, когда Карпов появился.

Он стоял в проеме двери одетый только в джинсы. Задорная улыбка вкупе с небритыми щеками, обнаженными широкими плечами и сексуальным мужским торсом являли собой умопомрачительное зрелище. Хотелось броситься к нему в ноги и молиться... Я в него втюрилась еще тогда, однажды посмотрев в зеленые летние глаза в зале дорогого ночного клуба. Сразу поняла, это мой мужчина! Уходила от Володи, любя, и потом страдала все это время... А сейчас... чувств во мне так много, что оставалось только удивляться, почему я все еще мешаю растворимый кофе в чашке, а не плачу в его объятьях, признаваясь в вечной любви и преданности. Иногда слова бывают лишними. Улыбнулась ласково и весело.

— Ты любишь макароны с тушенкой?

Он преодолел в несколько шагов расстояние между нами, и вот его руки обнимают, проходятся током по моему телу, а мужские обжигающие губы целуют меня в шею.

— Обожаю.

Надеюсь, Карпов не только про макароны сейчас говорит. Поскольку в его словах слышалось столько значения, что я, пожалуй, могу в припадке ревности выбросить нехитрое кушанье в мусорное ведро.

Уткнувшись носом куда-то в район уха, Карпов вдохнул мой запах. Ой... Кажется, все бабочки разом взмахнули крыльями, устроив в моем животе маленький водоворот. Если он еще сделает что-то такое же чувственное, то, скорее всего, завтрак мы совместим с обедом... а может быть, даже с ужином. Нехотя отстранилась.

— Садись, буду тебя кормить.

Ну почему Карпов послушался? Тело ноет, желая продолжения близости с ним. Я, наверное, сексуальная маньячка, нимфоманка, озабоченная киса Кристи!

Подала ему огромную тарелку с макаронами. Вовка большой и сильный, да еще целую ночь трудился, доставляя мне, нам, удовольствие, поэтому должен хорошо питаться.

— Кофе с сахаром, как ты любишь... почти... сливок не нашла.

В зеленых глазах, смотрящих на меня, прямо-таки умиление. Кажется, ему нравится, что я за ним ухаживаю.

— Из твоих рук даже яд будет сладким.

Себе макарон положила тоже довольно много. Ведь, во-первых, это любимое кушанье, которое таило в себе вкус счастливого детства, во-вторых, я тоже голодная и ночью старалась не отставать от Карпова в вопросе доставления удовольствия.

Только вот позавтракать нам вместе было не суждено. У окон с визгом затормозил какой-то автомобиль. Карпов напрягся, даже немного побледнел, мигом метнулся в спальню, в руках появился пистолет.

Боже, зачем оружие?! Мои пальцы, все еще державшие вилку, в испуге и предчувствии чего-то нехорошего начали противно подрагивать.

— Кристи, быстро на пол!

Я не посмела ослушаться, попробуй тут посопротивляйся, у Карпова такое серьезное выражение лица. Бухнулась на холодный пол. В руках все еще вилка. Грозное оружие, ничего не скажешь. Володя осторожно, прячась за занавеску, выглянул в окно.

— Какого хрена...

— Кто там?

— Димка Лапугин и еще отряд полиции.

Полиция? Зачем тут полиция? Руки задрожали сильнее. Неужели меня опять посадят за решетку? Нет, не хочу, только не сейчас, когда я снова почувствовала себя живой и счастливой! Пожалуйста, нет!

В дверь заколотили.

— Карпов, открывай!

— Зачем пожаловал, Дима?

— Выявлены новые обстоятельства по делу убийства Швеца Роберта Евгеньевича!

— И что, нельзя было подождать до понедельника? — спросил Володя, не опуская пистолета.

— Нельзя, вдруг сладкая парочка решит сбежать?

— Что за бред?!

А потом раздался грохот и дверь распахнулась. Я невольно завизжала. Видимо, кто-то сильный приложился к ней ногой с другой стороны — вот хлипенький засов и не выдержал. В дом ворвались сразу несколько вооруженных человек. В том числе и симпатичный парень, который, помнится, присутствовал во время следственного эксперимента. Они же не будут стрелять? Нет? Не выдержу, если с ним что-то случится. Зачем-то вскочила с пола.

— Карпов, брось оружие!

— Кристи, что ты делаешь, бегом мне за спину!

— Брось оружие или будем стрелять!

— Лапугин, что за дурдом тут происходит?

— Сначала пистолет на пол.

Я была за широкой мужской спиной, но думаю, взглядом Карпов наградил коллегу убийственным. Прямо чувствовалось, как в нем волнами ходили гнев и раздражение. Однако, поколебавшись немного, пистолет Володя смирно положил на деревянную поверхность пола. Его тотчас же отбросила в угол комнаты нога сослуживца.

— Я жду объяснений, Дим!

Умеет Карпов командовать, словно он тут главный, а не стоит под прицелом сразу нескольких человек.

— Вот постановление судьи на твой арест. Тебя подозревают в причастности к убийству Роберта Евгеньевича.

— Очень смешно.

— Рад был вызвать у тебя улыбку. Но, видишь ли, камеры наблюдения зафиксировали, что твоя машина находилась рядом с домом супругов Швец во время убийства...

— И?! — практически зарычал Карпов.

— ...и твой рост, вес, согласно данным следственного эксперимента, идеально подходят для нанесения смертельного удара.

Володя начал хохотать, хотя веселья в смехе не чувствовалось.

— Да на кой хуй мне было убивать этого шакала?!

— Ну как же — любовь. Даже у циника Карпова, относящегося к женщинам чисто потребительски, нашлось уязвимое место. Есть свидетели, которые подтвердили мою догадку — до замужества Кристины Сергеевны вы были любовниками. Я пока не знаю, ты пристукнул ее мужа по собственной инициативе либо же тут был сговор, но не переживай, выясню и это.

Володя продолжал хохотать, зло, язвительно и немного натянуто.

— Лапугин, ты придурок!

На щеках его коллеги выступил румянец.

— Выслужиться решил, выделиться, мол, смотрите, какой я бдительный! Только вот, Дима, перебдел ты немного! А я ведь тебя другом считал. Не думал, что ты такая... гни...

— Карпов, у тебя минута на сборы или поедешь полуголый в СИЗО.

Все еще нацеленные в нашу сторону дула пистолетов говорили о серьезности намерений полиции.

Кулаки Володи сжались, подозреваю, ему хотелось, что было сил, врезать своему бывшему другу.

— Время пошло!

— Сучонок, — зло процедил Володя сквозь зубы и обреченно стал натягивать свитер прямо на голое тело, ведь его рубашку позаимствовала я. В каждом движении еле сдерживаемая ярость.

Холодные липкие волны паники и страха прошлись по моему организму. Нас все-таки разлучают... Нет!

— А что будет со мной? — решила я обратить на себя внимание.

— Вы, — заговорил сослуживец Карпова, — пока остаетесь под подпиской о невыезде. Будем выяснять степень вашей причастности к смерти мужа.

Володя подошел, обхватил ладонями мои щеки. Зеленые летние глаза внимательно посмотрели в мои. Согревая меня, продрогшую отчаяньем, чувствами, кипящими в них.

— Кристи, надеюсь, ты не думаешь, что они говорят правду?

— Нет, ты бы поступил по-другому, без подлости. А Роберт Евгеньевич... заслужил смерти. Чтобы ты знал, я его ненавидела все эти пять лет, каждый день, каждую минуту.

— Кристи, прости, что поверил тебе тогда.

Из глаз побежали соленые капли, размывая реальность, и окружающие нас люди куда-то исчезли, растворились в моих слезах. Остались только мы... мы вдвоем и бесконечная нежность между нами.

— Прости за обман. За то, что разрушила твою и свою жизнь. Карпов, я люблю тебя...

Зелень его глаз тоже увлажнилась. Словно дождь омыл весеннюю траву.

— Кристи, девочка моя ненаглядная. Я тебя тоже люблю... все это время...

Звук аплодисментов ворвался в сознание, возвращая в реальность. В реальность, где за нами наблюдают десятки глаз, а мы стоим под дулами пистолетов.

— Как трогательно, какой спектакль! — заговорил Лапугин. — А теперь поехали!

Володя повернулся на голос. Издал глухой рычащий звук.

— Запомни... Дима... за ее сохранность теперь отвечаешь ты! Если хотя бы волосок упадет с Кристинкиной головы, я тебя прибью.

Карпов отстранился. Словно кожу с меня содрали живьем. Захотелось кричать, выть, просяще падая в ноги этим вооруженным людям: «О, нет, нет, нет... нельзя забирать его от меня!» Ведь моей переломанной душе нужна его сила. Это жизненно необходимо. Но даже шепота не раздалось из губ, только слезы продолжали чертить бороздки по щекам, искажая страшной сказкой действительность.

Серые стены, серый пол, все безликое, а еще — решетки на окнах. Вот уж никогда не думал, что окажусь в тюрьме. Благо, хоть в одиночную камеру посадили. Побоялись, видимо, что в общей меня разорвут, как тузик грелку. Конечно, менты, тем более работники Следственного комитета, и повседневные посетители этих мест, как ни крути, находятся по разные стороны баррикад, и если их объединить, может получиться большой «бум». А в ситуации, когда представитель другого фронта один, «бум» будет преимущественно по его голове.

Ладно, без паники. Никаких явных улик на меня нет, только домыслы, а их, как известно, к делу не пришьешь. Поэтому долго я тут не задержусь. Подержат положенные сорок восемь часов и выпустят. Но Кристи... Находясь в этих серых стенах я никак не могу ее защитить. А изнутри гложет чувство — опасность, Вовчик, твоя девочка в опасности. Прошелся туда-сюда по маленькому пространству камеры. Захотелось рычать бешеным тигром в клетке. Чего ж я, в самом деле, не Бэтмен! Надеюсь, ее отец с братом хоть что-нибудь предпримут для безопасности Кристины.

Железная металлическая дверь открылась.

— Карпов, на допрос!

Ну вот, я снова на любимой работе, только теперь в качестве подозреваемого с наручниками на запястьях. Когда, войдя в кабинет, увидел бывшего друга и коллегу, волна злости прокатилась по телу. Чертов выпендрожник, возомнивший себя великим Шерлоком Холмсом!

— Надеюсь, ты приставил к Швецу Кристине охрану... — начал я вместо приветствия.

Лапугин отвел глаза. Черт, конечно же, он этого не сделал!

— На каком основании...

Невольно схватился за голову. Придурок, какой он придурок!

— На том основании, что убили ее мужа, патологоанатома этого чертового... Ты ведь был мне другом... или жажда выслужиться все перевесила?!

На Димкиных щеках заиграл румянец, видимо, его поганое нутро достали мои слова. Да что толку! Кристи сейчас где-то там, совсем одна, а я люблюсь здесь алеющими скулами Лапугина.

— Лучше расскажи, что ты делал перед домом Швеца в день убийства?

— Что делал, Дима? Смотрел на нее! Увидел случайно в торговом комплексе и все, больше глаз не смог отвести. Подумал, хоть издали полюбуюсь. В реальности, а не во сне, как было все эти пустые пять лет без Кристины.

— Думаешь, я поверю в такую сентиментальность? Чтобы циник и бабник Карпов торчал под окнами, словно влюбленный подросток?

— Сам от себя не ожидал, — грустно признался я. — Но знаешь, есть женщины, которые оставляют неизгладимый след в душе, теле, везде... Кристина такая. Ведьма. За пять лет не смог ее забыть.

— Поэтому и решил отправить Роберта Евгеньевича на тот свет?

Идиот! Кулаки снова сжались.

— Сейчас — да. Я за Кристину теперь кого угодно готов убить. Так что ты поосторожнее в словах. Но тогда был другой момент. А вообще, посмотри лучше камеры в

гипермаркете «Центральный», и потом по дороге к дому Кристины. Думаю, из этих записей будет видно — я ехал вслед за ней. Значит, убийство Роберта Евгеньевича могло быть совершено мной, только если имел место сговор с Кристиной. Но ты ведь сам проверял ее телефоны и контакты, опрашивал коллег, подруг и знакомых. Разве я где-то фигурировал?

— У вас могли быть телефоны, зарегистрированные на других людей, по которым вы поддерживали связь...

— Ну так найди их, Дима, а не еби мозги! А иначе получается уж очень фантастично. Я приехал позже, но каким-то образом перебрался через забор, чтобы стукнуть ее мужа по голове кочергой. Как мне кажется, версию о том, что у меня от любви выросли крылья, суд вряд ли примет во внимание.

— Ты забыл, Карпов, калитка была открыта. Корольков тоже без проблем вошел на территорию дома.

— Даже если так. Откуда я об этом мог знать?

— Давай представим себе такую ситуацию. Ты пошел вслед за ней, оказалось, что калитка открыта, поэтому войти на территорию двора не составило для тебя проблем, решил поговорить, выяснить отношения, и тут в самый неподходящий момент появляется муж. Вы с ним поссорились, или не знаю, что там могло произойти. Ну и кочерга попала под руку...

— Да, так уже лучше, — согласился я, — только вот, Дима... Надеюсь у тебя есть какие-то улики? Кровь на моей одежде, отпечатки пальчиков в доме?

— Ты мог быть в перчатках, или потом все протереть хорошенько.

— Мог, — утвердительно кивнул я головой. — Но пока нет конкретных улик, все это пустые домыслы, Дима. С каких это пор следственный комитет оперирует пустыми домыслами? Кроме того, патологоанатом... Зачем мне его смерть? Думаешь я смог бы убить человека только из-за того, что его отчет показался мне слишком мутным и обтекаемым? А главное, ты в самом деле считаешь меня говнюком, который в состоянии подставить любимую женщину? А если говнюк, то зачем потом проводить следственный эксперимент, выгораживая ее и бросая тень на себя? Где логика, Лапугин?

— Еще не доказано, что эти две смерти как-то связаны друг с другом. Ну а Крестину ты мог подставить, чтобы запутать следствие.

Двинуть бы ему в челюсть за эти размышления.

— Может, смерти и не связаны, хотя лично мне в это верится с трудом. А поэтому возникает вопрос, кто мог повлиять на обтекаемость формулировок в отчете? Ты не задумывался над этим? Или тебя интересовали только наши прошлые отношения с Кристиной? Лапугин, признай, что поторопился и свалял большого дурака.

Коллега ничего не ответил, однако было видно, что настроение я ему своим напором подпортил основательно.

— Не понимаю, Дим, ты что, не мог со мной поговорить, прежде чем устраивать всю эту клоунаду с задержанием?!

— А чего ты молчал все это время, Вовчик?! — завелся напарник. — Почему мне ничего не рассказал о вашей большой любви с подозреваемой и что был возле ее дома тем вечером?! Согласись, тоже не по-дружески с твоей стороны, да и выглядит более чем подозрительно.

— Боялся я, Дима! Сам посуди, кто б мне позволил вести это дело, если бы стало известно, что я по ней пять лет сохну?!

Кажется, Лапугин мне поверил. Во всяком случае, загрустил, задумался. Но кулаки у

меня все равно чесались настучать ему по роже. Ведь "благодаря" этому умнику, я сейчас здесь, перед ним, а моя девочка непонятно где... Кроме того, он украл у нас целый выходной, на который у меня были особенные планы. Я хотел прожить его счастливо, с любимой женщиной, а не в серых тюремных стенах.

Мелодия мобильного телефона резанула по нервам. Начал шарить по карманам. Но звонил Димкин мобильный. Конечно, мой-то отобрали в следственном изоляторе.

— Да.

Судя по вмиг нахмурившимся Лапугинским бровям, говорили весьма неприятные вещи. Быстрый взгляд в мою сторону. Боже, Кристинка...

— Что случилось?! — не выдержал, заревел я.

— Твой деревенский дом сгорел. Полностью! Огонь начал распространяться сразу с нескольких сторон, пожарные, вроде бы, быстро приехали, но тушить было уже нечего. На самовозгорание мало похоже. Сейчас там работает следственная группа.

Быстрые ребята, оперативно вычислили и действуют решительно. Хотя неудивительно, люди ведь серьезные.

— Надо найти Кристину!! — заорал я, чувствуя, как липкий страх заползает противными холодными щупальцами в тело.

Кругом темные серые стены, а на окнах железные металлические решетки. Мне необходимо выбраться из этого уныния, нужно к свету, отыскать того, кто поможет разукрасить яркими красками мою замороженную жизнь. Побежала по безликому серому коридору. Впереди металлическая дверь, такая же невзрачная, как и стены вокруг. Со всей силы дернула за ручку.

— Здравствуй, Крысеныш, пришла меня проведать?

Почему-то, открыв эту дверь, я очутилась в своем загородном доме. Здесь много красок — дорогих, красивых, много интересных дизайнерских мазков и находок. Все это, наверное, должно мне нравиться, ведь я сама выбирала. Но краски эти неживые, холодные и грязные. А на окнах тоже решетки, да такие, что дышать вмиг стало еще тяжелее. Это клетка! Дорогая, эксклюзивная клетка, с протыкающими душу болью прутьями. Бежать...

— Куда же ты, Крысеныш? — преградил путь к отступлению мой «заботливый» муж. — Я так скучал без своей прекрасной девочки...

— Нет!! Уйдите!! — истошно закричала я, пытаясь оттолкнуть руки Роберта Евгеньевича. — Вы умерли, умерли, я вас убила!!

Мужские пальцы схватили за плечи, притянули ближе к себе.

— Уйди, умри, сдохни!! — совсем неуважительно завопила я.

А в тело, перекрывая дыхание, внедрилась боль — "любящий" муж со всей силы ударил меня под ребра. Упала, ползком попыталась убежать из болезненной роскоши этого дома. Пусть уж лучше серый унылый коридор. На моем пути появились мужские ноги, обутые в остроносые начищенные до блеска туфли. Пальцы, лихорадочно скользящие по полу, наткнулись на приятный холод металла кочерги от камина.

— Ударь его, Кристи, ударь. Со всей дури, как можно сильнее! — зазвучал в ушах дающий силы голос.

Подскочила с пола, кочерга рассекла воздух, еще и еще раз, превращая холеное мужское лицо в кровавую смеющуюся маску.

— Я бессмертный, всемогущий Роберт...

— Вы труп, труп, вас нет!! О всемогуществе можете забыть. Вы мыльный пузырь моего воображения!

Оттолкнула этого смеющегося кровавого монстра и опять выбежала в серый коридор. Ноги пошатывались, тело после встречи с адом прошлого мелко подрагивало, но я упрямо продолжала бежать. Подальше от этого ужасного эксклюзивного дорогого жилища! Свет, прошу, дайте мне света, дайте мне радости и любви! Я должна найти все это! Иначе мой бег будет бессмысленным самоистязанием. А стены коридора, кажется, начали сжиматься вокруг меня, угрожая прихлопнуть, словно зазевавшуюся муху. Теперь уже не бегу, нет, протискиваюсь через серые стены, на которых еще и острые выступы, раздирающие кожу в кровь. Впереди дверь, из последних сил открыла ее.

Нашла, отыскала свой маленький кусочек рая, где ждут меня, тепло и радость! Я очутилась в том деревенском доме, куда после освобождения из следственного изолятора привез меня Володя. Вот она, греющая душу простота, без всяких вычурных дизайнерских изысков. Старенький, выдавший виды диван разложен, и на нем, чтобы отогреть меня, продрогшую от холода, в беспорядке валялась целая куча одеял. Только вот моего любимого

нет...

— Володя-а-а! Володя-а!!

Серая дверь, в которую я вошла, вдруг с треском захлопнулась, за ее решетчатым окном стоял Карпов... Но с другой стороны.

— Не-е-е-т!

Уцепилась за холодную решетку окна, потянула дверь на себя, пытаясь ее открыть, но она не поддавалась, массивная, тяжелая, словно монолит. Стала царапать ее, бить руками, ногами. Бесполезно. Видно, счастье для меня невозможно.

— Нееет, неееет, пожалуйста, нет!

Я ведь умру без него! Навсегда останусь бледной тенью некогда красивой женщины! Загнусь от тоски, как собака, потерявшая своего хозяина.

***

Подскочила с кровати. Окна в стиле Прованс, ставни, шелковые шторы в мелкий цветочек — это моя комната в доме родителей. Мне всего лишь в который раз приснился страшный сон. Только во сне и реальности Карпова нет рядом. А без него в моем теле боль, без него я, кажется, утратила способность радоваться, да что там, одной мне даже дышится с трудом. Страх перекрывает весь воздух в легких. Ты истеричка, Кристи! Вся переломанная психопатка! Нет! Собирай себя по кусочкам, по крупинкам! Ради Володи ты должна быть сильной! Нельзя поддаваться панике! У нас будет все хорошо с Карповым, мы это заслужили, выстрадали! Володю скоро выпустят. А потом больше никаких противозачаточных таблеток, хочу быстрее забеременеть и сидеть дома в ожидании, когда Володя придет со службы. Даже пироги научусь печь. Хочу, чтобы наш ребенок сделал меня толстой и некрасивой. Уверена, Карпов тогда еще сильнее будет меня любить. Только нужно подождать, Кристи... Опять ждать... Затянувшееся ожидание — это ведь тоже «маленькая смерть».

Кто же мог убить этого сукиного сына, моего мужа? Точно не Володя, ни на секунду в это не поверила. Нет, узнай он чуточку раньше о своеобразии любви моего мужа, да настоящую причину нашего брака, Карпов, возможно, и был бы способен на убийство. Но уверена, он действовал бы по-другому. Ведь мужа ударили сзади, когда тот отвернулся. Это все равно что удар в спину, Володя никогда бы так не поступил. Уверена, Роберту Евгеньевичу многие желали смерти, я не единственная его жертва. Но вряд ли его убили нанятые кем-то молодчики, которые что-то искали в нашем доме. Думается мне, что это был хороший знакомый Роберта Евгеньевича, и скорее всего, он сам открыл ему дверь... Друг, например... Папа? Черт, как я раньше об этом не подумала? Не потому ли гром до сих пор не грянул... Блин... Где мой телефон?

— Мама, скажи, тем вечером, когда убили Роберта Евгеньевича, ты в самом деле была рядом с папой?

На другом конце провода на секундочку замялись. О, черт...

— Да... конечно, Кристина, он был со мной...

Но несмотря на ее слова, эта секундная заминка уже посеяла в душе семена сомнения. Способен ли папа на убийство? Роберт Евгеньевич всегда его подавлял... Может, он не выдержал свинцового гнета этой долголетней дружбы?

Быстренько оделась, джинсы, свитер, легкий пуховичок, сапоги на плоской подошве. Надо наконец-то серьезно поговорить с отцом. Все это время мы с ним играли в молчанку, боясь касаться болезненных, щекотливых тем. Нет, Кристи. Это слишком подло. Разве отец

смог бы так цинично подставить тебя? Однако сомнения продолжали поедом грызть мою душу. Вполне возможно. Ведь предпочел папа все это время делать вид, что он ничего не знает ни о шантаже, в результате которого я стала женой Роберта Евгеньевича, ни о том, как горячо умеет "любить" его лучший друг. Не потому ли он нанял адвоката, хотевшего выдать меня за умалишенную? Боже, Кристи, нет! Это слишком подло. Впрочем, если представить себе на миг такую ситуацию, для отца обвинения в адрес свихнувшейся дочки, пожалуй, выгодны, поскольку, если бы подозрения в убийстве пали на него, могла всплыть другая история, ради сохранения тайны которой, я, собственно, и отдала себя в жертву, позволив всей семье вздохнуть спокойно. А с ненормальной что возьмешь?

Зачем же я согласилась на эту грязь? Все эти бесконечные пять лет ада... Но Роберт Евгеньевич — умный паучара, знал, куда надавить, ведь на кон тогда были поставлены не только свобода отца и мое личное счастье.

«— Подумай, Кристина, какими заголовками будут пестреть газеты: "Сын прославленного архитектора советского периода оказался мошенником, использующим свое служебное положение в целях наживы». Интересно, как такие всеобщие пересуды отразятся на здоровье твоего любимого дедушки? Каково ему будет в столь солидном возрасте испытать такой позор? А бизнес мамы? Мало кто пойдет в глазную клинику Тамары Калашниковой после подобной рекламы. Некоторые в попытке прославиться могут выдвинуть предположение, что именно через ее клинику отмывались похищенные деньги. И сдастся мне — это предположение окажется верным. Кроме того, твой брат успешно начал карьеру экономиста. После публикаций можно будет с уверенностью сказать, что она станет развиваться далеко не так гладко, как могла бы. Я пообещал твоему папе все уладить и, конечно, улажу, если ты согласишься стать моей женой. Никто никогда ни о чем не узнает. Фамилия Калашниковых всегда будет вызывать только уважение и гордость.

— Не понимаю, зачем вам это? Я... я же вас не люблю.

Он рассмеялся, подошел ближе, жестко взял пальцами мой подбородок. Пришлось заглянуть в эти жуткие серые глаза, словно с ног до головы окатило холодной грязью.

— Главное то, что Я к тебе чувствую, а ты, уверен, станешь мне хорошей женой.

Тонкие губы скривились в зловещей довольной усмешке».

Если бы я знала тогда, что означает эта ухмылка. Не вспоминай, Кристи, хватит! Сейчас надо действовать. Поговорить с папой. А потом бежать в следственный изолятор добиваться свидания с Карповым. Только бежать проблематично — я до сих пор не забрала свою машину из гаража того проклятого дома. Конечно, она ведь тоже была подарена мне Робертом Евгеньевичем и только поэтому вызывала отторжение. Ничего, подумаешь сложности, можно заказать такси.

Машина приехала очень быстро, практически через три минуты после моего звонка.

— Кристина Сергеевна, вы куда? — уточнил у меня Егор Васильевич, высокий крепенький мужчина, который занимался в папином доме хозяйством, являясь одновременно садовником, плотником и охранником.

— Не переживайте, я вызвала такси, мне необходимо съездить по делам и к папе на службу заглянуть.

— Я тоже поеду, Сергей Иванович сказал присматривать за вами.

— Нет, не надо, — поспешила откреститься от попутчика — Что со мной может случиться? Я только к папе и буду очень осторожна.

Весь день таскаться с Егором Васильевичем меня совершенно не прельщало. Быстр

выскочила за ворота, пресекая тем самым все возможные дальнейшие возражения со стороны домоуправляющего. Открыла автомобильную дверь, нырнув в салон.

— Вы так быстро добрались, обычно до Заречной едут долго, — обратилась я к молодому здоровому парню-таксисту.

— Был поблизости, — флегматично ответил тот. — Куда точно едем?

— В центр, к зданию архитектуры города. Знаете, где оно находится?

— Угу, — утвердительно кивнул водитель.

Машина медленно тронулась, постепенно удаляясь от дома.

Природа не переставала удивлять в этом году, еще буквально день назад валил снег, и был даже небольшой морозец. Сейчас же на улице ветряная оттепель, снег практически весь растаял, превратившись в унылую грязно-серую мешанину. А в небе уже собирались темные свинцовые тучи. Скоро, видимо, пойдет мелкий противный затяжной дождик.

Вздрыгнула. Из сумочки раздалась мелодия мобильного телефона. Сердце екнуло. Не знаю, но откуда-то появилась уверенность — это звонок от Карпова. Карпов... милый мой. Мы, правда, позабыли с ним обменяться номерами мобильных телефонов, не до этого было, но ведь Володя работает в Следственном комитете, наверняка, он знает, как мне позвонить. Дрогнувшими от нетерпения пальцами стала расстегивать сумку. Куда же задевался телефон?

Машина вдруг остановилась.

— Не рыпайся, лява!

Флегматичность водителя как рукой сняло, секунда — и к моему горлу приставлен нож. Желтовато-карие глаза с безразличным предупреждением смотрят на меня. Такому человека убить — что муху прихлопнуть.

— Дай сюда сумочку!

Черт, кажется, ребята, которые разгромили тот ненавистный дом, и до меня добрались. Видимо, кто-то уверен, что я владею секретами мужа.

Парень выхватил сумочку. Мои же пальцы нащупали ручку автомобильной двери. Ну же, не бойся, Кристи, беги!

— Ахм...

Грубые мужские руки вцепились в волосы, вынуждая вернуться на место.

— А теперь, красавица, полетаем немного...

В руках водителя оказалась ампула, которую он раздавил перед моим носом. Резкий запах ворвался в ноздри. Мир начал качаться, двоиться перед глазами, расплываться белесыми пятнами, которые разъедали окружающие предметы, превращая все в пустоту. Осталась только мелодия мобильного телефона, которая словно кричала: «Ну же, Кристи, пожалуйста, возьми трубку, прошу тебя!» Прости, любимый, меня поглощает пустота...

Размеренные гудки мобильного телефона мучили душу беспокойством.

— Ну же, Кристи, пожалуйста, возьми трубку! Прошу тебя, ответь! — пытался я через расстояние загипнотизировать свою любимую ведьму.

Гудки равнодушно регулярно вонзались в уши, терзая своей безответностью. Соединение отключилось. Я набрал номер снова. Опять эти сводящие с ума монотонные гудки, а внутри все больше и больше разрасталась паника.

— Бесполезно, — отбросил позаимствованный у Лапугина телефон в сторону.

А потом схватил за грудки бывшего дружка. Начал трясти.

— Если с ней что-то случится, я тебя прибью! Слышишь!!

Тревога, сидящая внутри, выливалась агрессией. Хотелось крушить стены, казенную мебель кабинета, а самое главное, хорошенько вмазать этому придурку, посмевавшему разлучить меня с Кристи!

— Без паники, она просто не слышит. В ванну пошла или еще куда.

Снова взял телефон.

— Давай быстрее продикуй мобильный ее отца. Он должен быть в деле.

— Алло, Сергей Иванович, Карпов беспокоит. Где сейчас Кристина?

— В нашей загородной усадьбе была. А в чем, собственно, проблема?

— Она не отвечает на звонки. В доме еще кто-нибудь есть?

— Мы с супругой на работе. Но Кристине ничего не угрожает, в доме мужчина, помогающий нам по хозяйству. В случае чего он бы обязательно поставил меня в известность.

— Тогда какого хрена она не берет мобильный телефон?!

— Я-я н-не знаю... — кажется, моя тревога дошла и до этого горе-папаши. — Может, спустилась вниз, дом большой, телефон оставила в спальне и не слышит.

— Звоните быстрее этому помощнику. А потом свяжитесь со мной!

Прошелся по кабинету туда-сюда, снова почувствовав себя животинкой в клетке. Время в ожидании новостей застыло, двигалось медленно-медленно.

— Надо бы съездить посмотреть на пепелище твоего дома, порасспрашивать соседей, может, кто что видел? — подал голос Лапугин.

Наградил коллегу свирепым взглядом. Злость и страх за мою ведьму все еще клокотали внутри, и так хотелось к кому-нибудь хорошенько приложится кулаком!

— Съездим позже, сейчас мне нужно убедиться в Кристинкиной безопасности!

— Интересно, как этот поджог может быть связан с делом Швеца? — продолжал размышлять Димка. — Ты что-то знаешь, Карпов?! И поэтому тебя пытаются запугать?

Лапугин иногда бывает очень даже проницательным. К сожалению, я много чего знаю, но самое главное, делиться информацией пока нельзя, ведь последствия такой болтовни могут быть катастрофическими.

— Скорее, кто-то очень не хочет, чтобы следствие копалось в этом деле. Всех устраивала кандидатура Кристины на роль убийцы мужа. А мы вздумали ее отпустить.

Димкин мобильный зазвонил.

— Тебя. Сергей Иванович.

— Да, — напряженно ответил я.

— Кристина десять минут назад села в такси, Егору Васильевичу сказала, что ко мне отправилась. Наверное, скоро должна приехать. Только вот ее телефон, он теперь выключен.

— О, черт! — заметался по кабинету. — Какого хрена этот мужик отпустил ее одну?!

— Кристина настояла. Но он запомнил номер такси.

— Диктуйте быстрее.

Указал Лапугину жестом, чтобы он записывал.

— Р 746 АУ. Марка фольксваген поло синего цвета.

— Мы пробьем по базе.

— Держите меня в курсе, — в голосе Сергея Ивановича звучало беспокойство.

Впрочем, его переживания вряд ли меня смягчат к этому человеку, за прошедшие пять тоскливых лет уж слишком большой счет к нему накопился.

— Хорошо, — деловито ответил я. — Если Кристи вдруг приедет, сразу звоните мне. И дайте поручение охраннику пройтись по дому, поискать на всякий случай телефон. Хотя в это верится с трудом, но вдруг она забыла.

— Что с машиной? — напряженно спросил я у Лапугина, закончив разговор с Калашниковым.

— Ничего.

— В смысле, ничего?

— В базе эти номера принадлежат автомобилю, который числится в угоне. Но машина была другой модели, вовсе не фольксваген поло, а двести шестым пежо, и принадлежала она Новиковой Анне Витальевне. Скорее всего, эти номера специально нацепили, чтобы завести нас в тупик, и вполне возможно, что от них уже могли избавиться.

Еще раз набрал Кристинкин номер.

— Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети...

Млять!.. Со всей силы кулаком по стене. Мою ведьму украли! Украли!! Ребята действовали профессионально и нагло. За ними наверняка находятся могущественные люди. Скорее всего, Кристинкин телефон прослушивался. Поэтому так быстро среагировали, подсунув переодетого таксиста. Млять... Думаю, им нужны бумаги, которые передал мне Евгений Робертович. Черт возьми! Я ее подставил! Надо было предусмотреть такую вероятность, все возможные вероятности! Кулак опять обрушился на ни в чем не повинную стену. Лапугин с опаской глянул на меня, боится, видимо, что вместо стен кабинета начну бить его голову. Я бы с радостью... только разве это поможет делу.

— Нужно срочно объявить «План перехват» по городу! Пусть останавливают все машины синего цвета! А еще пошли кого-нибудь в следственный изолятор за моим телефоном. Похитители могут позвонить мне или Сергею Ивановичу.

В пустоте появились очертания. Мужчина и женщина, пресыщенные после любовных скачек, лежали на огромной кровати. Темноволосая девушка с ленивой нежностью водила пальчиком по широкой грудной клетке своего любовника. Расслабленный мужчина курил, задумчиво пуская к потолку колечки из дыма.

«— Вов, расскажи, о чем ты мечтаешь?»

— У меня простые мечты, Кристи.

— Ну, все же какие?

— Как у всех нормальных мужиков: посадить дерево, построить дом, вырастить сына. А лучше троих сыновей и дочку.

— Зачем так много?

— Детей?

— Сыновей.

— Ну, можно троих дочек и одного сына. Мне не принципиально.

— Ты серьезно?!

Мужчина, хитро прищурился, легонько шлепнул по девичьей ягодице.

— А ты уже испугалась, маленькая?

— Нет, я могу помочь, с домом.

— Только с домом? — в мужском голосе почудилась легкая грустинка.

— Ну не знаю, пожалуй, на дерево меня тоже можно уговорить.

Мужчина и женщина непринужденно засмеялись».

«Соглашайся, глупая!», — захотелось кричать мне. На все соглашайся, даже если это будет хибара вместо дворца, только бы с ним, только бы рядом. Соглашайся, пока не поздно, пока на твою судьбу не наложили черную метку, и ты не попала в липкую паутину боли старого сади́ста!

— А она красивая? — ворвался в пустоту мира какой-то чужой незнакомый голос.

Тени мужчины и женщины начали рассыпаться, растворяться, снова возвращаясь в прошлое. Пойдите, не уходите! Ведь я была счастлива тогда!

— Ничего, — согласился кто-то.

— Хотел бы я такую оприходовать.

— Без глупостей, не по тебе лярва.

«Лярва»... Кажется, совсем недавно я уже слышала такое неуважительное обращение в свой адрес. Вспомнила звонок, на который я так и не смогла ответить, боль, когда меня за волосы вернули в салон автомобиля, резкий запах какой-то дряни, ворвавшийся в ноздри. Голос принадлежит ряженому таксисту — флегматичному здоровенному парню, похитившему меня.

— Скоро придет важный человек, хочет поболтать с куколкой.

— Чего она никак в себя не придет? Ты ее случайно не того?

Кто-то подошел ближе, положил руку на шею, проверяя пульс.

— Все с ней нормально.

Мужская ладонь, пытаясь привести меня в чувство, хлопнула по щеке, а потом еще раз, с другой стороны. Пора, кажется, приходить в сознание. Но как же не хочется открывать глаза, уж лучше пустая темнота, чем реальность, в которой вряд ли меня ждет что-то хорошее.

Захлопала ресницами, чтобы сфокусировать взгляд. Мир все еще расплывался, а парни передо мной множились. Казалось, их не двое, а целая дюжина.

— Привет, красотка, соскучилась? — улыгнулись сразу несколько ряженных таксистов, как две капли воды похожих друг на друга.

Промолчала. Заводить с ними знакомство не входило в мои планы. Да и говорить вряд ли получилось бы — рот, словно песком забит.

Второй парень был не такого высокого роста, но плечища здоровенные, мама не горюй. Внутри поднялась волна отчаянья, прямо глаза запекло от просившихся на волю слез. Мне никогда не справиться с этими амбалами одной.

— Мы сегодня составим тебе компанию. Не возражаешь? — разулыбался плечистый.

Еще как возражаю! Но опять-таки решила промолчать. Поскольку на самом деле их вовсе не интересовало мое мнение.

Когда огляделась, плакать захотелось еще сильнее. Судя по всему, мы находились на складе. Видимо, отапливаемом, потому что холода я не чувствовала, или ощущения притормаживались воздействием той штуки, которую меня заставили вдохнуть. По периметру стояли какие-то коробки, а я лежала на куче картона. Немаленькое пространство освещалось светом небольшого окошка, находящегося почти под потолком одной из стен. Выбраться отсюда практически невозможно, поскольку склады обычно находятся далеко от города, а на малюсеньком окошке, в которое я вряд ли пролезу, даже если случится такая возможность, весьма массивные решетки. Я могу орать сколько угодно, охрипнуть даже, не добившись какого-нибудь существенного результата, кроме экстремальной тренировки голосовых связок. Вляпалась конкретно. У меня, конечно, кое-что припасено с собой, ведь я понимала — тучи сгустились, поэтому предприняла минимальные меры безопасности. Но уж слишком примитивные. Сумочку, в которой лежит газовый баллончик, судя по всему, я больше не увижу. А вот обувь с меня никто снимать не стал. Значит, есть небольшой шанс... Теперь нужно выждать удачный момент и предпринять попытку к освобождению. Но самое главное, Кристи, не будь нюней. Время, когда тебе приходилось быть слабой и терпеть боль, прошло.

Где-то просигналила машина, один из моих похитителей, тот, который поменьше ростом, но шире в плечах, пошел встречать «дорогого гостя».

Зазвонил телефон.

— Да, хорошо, понял, — ответил оставшийся рядом лжетаксист.

— А ну, красотка, давай, вытяни руки вперед, — обратился он ко мне.

Может попытаться использовать припрятанный в сапоге нож?

Нет, не время, я ведь не знаю, сколько человек приехало сопровождать «дорогого гостя». Но «важные люди» обычно одни не появляются. Такая попытка была бы возможна, останься я один на один с кем-то из похитителей. Впрочем, и в этом случае нет никакой уверенности, что она оказалась бы удачной. Силы явно неравны. К чему все эти мысли Кристи? Тыкнуть даже в самого отъявленного негодяя ножичком не каждый решится. Ты уж точно нет, иначе «любимый» супруг давным-давно был бы мертв...

«Ты слабый жалкий Крысеныш. Дрожать и плакать — вот твой удел», — засмеялся Роберт Евгеньевич в моих мыслях.

Поколебавшись, все же вытянула вперед подрагивающие руки, как велел здоровяк-таксист. Хорошо, что решила подождать, сил во мне сейчас все равно что в котенке. Видно, действия паров этой гадости, которую они сунули мне под нос, еще не закончилось.

Псевдотаксист начал связывать мои запястья веревкой. Раньше у меня, по крайней мере, руки были свободны.

— А теперь, красотка, я завяжу твои прекрасные глазки.

Вот как? Важный человек не хочет, чтобы его видели. Видимо, боится, что я его узнаю, и значит, мы наверняка встречались, или же он персона публичная, которая у всех на виду.

Снова очутилась в полной темноте, да еще связанная. А потом послышались шаги, я была права, "дорогой гость" точно приехал не один. И скорее всего, они все вооружены, травматикой уж точно.

«Ты жалкий маленький Крысеныш в окружении толпы мужиков, которым даже нет дела до твоих прелестей. Тебе не спастись!»! — закричала во мне паника ненавистным голосом Роберта Евгеньевича.

— Здравствуйте, Кристина Сергеевна, — мужчина скорее шептал, чем говорил. Маскируется, видимо.

— Добрый день, — вежливо ответила я.

— Не буду юлить, спрошу прямо, меня интересуют документы вашего мужа. Из надежных источников мне стало известно, что в руках Роберта Евгеньевича была разного рода информация, которая при ее обнародовании может повредить многим людям.

— Вам в том числе, — с легкой иронией произнесла я. — Или вы интересуетесь с целью использовать информацию, чтобы навредить тем самым людям?

— Это неважно. Вы что-нибудь знаете о досье, которые собирал ваш муж?

— Нет.

— Прошу вас хорошенько подумать, Кристина Сергеевна.

Судя по голосу, высокий гость остался недоволен моей лаконичностью.

— Я не знаю, — постаралась говорить твердо.

Нельзя показывать свой страх. Опыт общения с Робертом Евгеньевичем научил — иногда слабость вызывает желание быть еще сильнее.

— Все пути ведут к вам, Кристина Сергеевна. Если вы не знали секреты Роберта Евгеньевича, будучи его женой, то, возможно, познакомились с ними в качестве любовницы капитана Карпова?

— Не понимаю, при чем тут это?

— По моим сведениям, сын Роберта Евгеньевича передал Карпову некоторые документы. Есть основания полагать, что именно в них содержится нужная мне информация.

Говоривший потерял бдительность, перестал шептать, и я вдруг его узнала — Новиков Павел Александрович, первый заместитель главы администрации нашего города. Скоро выборы, и он первый кандидат на должность мэра. Видимо, там действительно серьезные бумаги, раз такой человек начал суетиться и решил, предварительно похитив, нанести мне свой визит. Да уж, в списке жертв Роберта Евгеньевича я самая мелкая сошка.

Карпов, Карпик, зачем же ты брал эти проклятые бумаги? Зачем соприкасался с грязью? Страх липкой холодящей волной прошелся по телу. Не за себя, за него... Теперь он слишком много знает. Продолжать песенку дальше запретила себе. Но это ведь общеизвестный факт, лишняя информация всегда опасна, особенно если ты не обладаешь такой паучьей хваткой, как мой усопший супруг.

— Роберт Евгеньевич не посвящал меня в свои секреты. Не в его характере доверять женщинам. Что касается Карпова, мы давно не виделись, нам было совсем не до грязных

тайн старого... — запнулась.

— Что же вы так неуважительно о муже? — пожурил меня важный человек.

Да, черт возьми, Кристи, держи язык за зубами. Тебе тоже есть что скрывать. За волнениями последних дней я начала забывать причину своего пятилетнего ада. Но она ведь никуда не исчезла. Дамоклов меч все так же висит над нашей семьей. Впрочем, мне уже все равно, у меня не осталось больше сил для сохранения тайн.

— Значит, в самом деле, Роберт Евгеньевич стал жертвой любовника своей жены? Вот уж паучара паучарой, а что под носом делается, не видел.

— Карпов не являлся моим любовником на тот момент, и к убийству Роберта Евгеньевича не имеет никакого отношения. Это просто недоразумение, которое, уверена, скоро разрешится.

— Шеф, вы неправильно спрашиваете, так можно мило беседовать до утра, и она ничего важного вам не скажет, — вмешался в наш диалог с шифрующимся заместителем мэра какой-то третий человек. Это не Таксист с Плечистым, их противные голоса я уже вполне выучила. Видимо, свита «дорого гостя».

— Кристина Сергеевна, советую вам быть более стоворчивой, иначе вопросы начнет задавать мой помощник.

Усмехнулась.

— На добром и злом полицейском меня не проведешь. Тем более, я действительно ничего не знаю. Но, думаю, даже если сын моего мужа передал Карпову какие-то документы, в них вряд ли содержалось что-то серьезное, иначе Володя не стал бы кувыряться со мной в постели, а занялся бы более важными делами.

— Может, вы сознательно принижаете силу своего обаяния? Давай, Сергей, попробуй ты, поспрашивай, — отдал важный гость приказание.

Кто-то подошел ближе. Даже несмотря на связанные глаза, я почувствовала агрессивную силу, исходящую от этого человека. Грубые пальцы схватили за волосы и потянули меня вверх. Ну, здравствуй, ненавистная подруга-боль, опять нам придется вместе коротать время. «Крысеныш, — радуется Роберт Евгеньевич в моей голове, — ты снова в капкане».

— Володь, хочешь подняться на чашечку кофе?

— Кристи, давай называть вещи своими именами, — нагло усмехнулся я.

Это было наше первое свидание. До сего момента мы посмотрели фильм, содержание которого в большинстве своем прошло мимо моего сознания, поскольку меня до безумия волновала сидящая в соседнем кресле девушка. В организме все дыбом поднималось просто от того, что она находилась рядом. Пожалуй, такого гормонального взрыва я давненько не чувствовал. И чувствовал ли, вопрос? Потом мы гуляли по парку, беседуя об архитектуре. Я в ней, конечно, совершенно ничего не смыслил, но слушать и смотреть на Кристину Калашникову было приятно. Сейчас она казалась умной, нежной, воодушевленной, женственной. Практически идеальной. И вот теперь возле подъезда элитного дома, где у Кристины была своя квартира, прозвучал этот весьма заманчивый вопрос. Хорошо, что он прозвучал, потому что я все равно взял бы ее сегодня, завалил бы где-нибудь в подворотне, подъезде, на лестничной площадке. Все равно где... С ней на романтику и прочие глупости вряд ли бы хватило сил. Самец внутри просто кричал: «Бери ее, эта красотка должна быть под тобой!»

Кристи засмузилась от моего нахальства, а вот глаза... ведьма она, в общем... только они могут одним взглядом перевернуть все твои внутренности.

— Володь, быть может, ты поднимешься, чтобы продолжить вечер? — сказала Кристина и облизнула губы.

— А более конкретно? Как ты предлагаешь его продолжить?

Мне нравилось ее смущать. Девичьи щеки заалели, а в черных омутах глаз появился вызов. На губах заиграла немного ироничная и безумно соблазнительная улыбка Джоконды.

— Володь, может быть, ты хочешь подняться, чтобы заняться со мной сексом?

Хочу, еще как, кажется, сейчас взорвусь от желания! Но я упрямства ради выждал паузу.

— Ну... можно, конечно...

Хотелось помучить эту ведьму, показать — я тут главный, я хозяин положения! А может, боялся выдать свою мужскую слабость перед этим очаровательным личиком и восхитительным телом.

Кристине не понравились мои игры в равнодушие. Чернющие глазюки зло вспыхнули, она резко развернулась и пошла к дому.

Гордячка. Конечно, ей можно, с такой-то красотой, образованием и деньжищами. Пришлось побежать за ней, еще как, поскакал козлом, у которого украли целый кочан вкуснейшей капусты.

— Кристи, подожди!

— Спасибо за вечер, старший лейтенант Карпов, было очень мило, — теперь ее губы кривились в дежурной деланой улыбке.

Подъездная дверь открылась, а она собралась уйти. Нет!

— Кристи, прости!

Обернулась. Обхватил своими ручищами девичьи щеки и, не давая опомниться, прильнул к пухлым совершенным губам. Ударило током, причем не только меня. Глаза Кристины потрясенно расширились, а я, не давая опомниться, уже затащил ее в подъезд, прижал к стенке и продолжил целовать. Кристи не сопротивлялась, позволяя делать с собой

все, что мне заблагорассудится, бесстыдно лапает ее красивенькое холеное тело. Везде.

— Кхе-кхе...

Вот я осел, дом элитный, и, конечно, в таких домах должен быть консьерж. Именно его деликатное покашливание вернуло меня, нас, в действительность. А ведь я Кристине уже юбку задрал и чуть ли не в трусы пальцами залез. Кожа моей спутницы начала стремительно краснеть. Забавно. Девушка сейчас и та наглая богатенькая сучка, которая без зазрения совести приставала ко мне у всех на глазах в зале дорогого увеселительного заведения, казались совершенно разными. Нет, общее у них кое-что было, они безумно меня волновали. Обе.

Кристина смущенно пробормотала что-то типа: «доброе вечера», и, взяв меня за руку, потащила к лифтам. Хорошо, что в этом направлении, ведь после моего наглого заявления вообще могла выставить вон. Когда за нами закрылись раздвижные створки лифта, я отчего-то даже оробел. Ее лицо было таким серьезным, а черные глазища словно обжигали. Впервые тогда понял, прочувствовал, — эта девушка не подходит для того, чтобы просто потрахаться, как я предполагал поначалу. Она может так зацепить, что мама не горюй, до смерти будешь помнить. Мне бы бежать тогда, но маленькое пространство лифта усиливало все эмоции и ощущения. Мое тело уже полностью перед ней капитулировало. Бежать я был в состоянии только к мягкой поверхности кровати. Лифт приехал, женские горячие пальцы снова схватили меня за руку. Девяносто пятая квартира на девятом этаже. Так вот где обычно обитают ведьмы! Ну конечно, им нужна высота, чтобы сразу на метлу и вперед — покорять всяких зазевавшихся лейтенантов милиции...

— Подъезжаем, — голос Лапугина отвлек меня от воспоминаний.

Дать бы ему в ухо, воспоминания ведь были такие сладкие, а он беспардонно прервал их на самом интересном месте.

За поворотом появилось пепелище моего имущества, в наследование которым я так недавно вступил. Тяжелый случай. Дом был деревянный, поэтому восстановлению не подлежал. Одни головешки. Млять... о черт, черт, сад тоже практически весь сгорел, а самое главное — превратилась в горстку золы большая яблоня, в расщелину которой я положил бумаги Роберта Евгеньевича. Озноб прошелся по коже. Ведь думал же их закопать. Но не сделал, поленился. Осел. Если Кристину украли из-за секретов бывшего мужа, гореть ему вечно в аду, то дело дрянь. Как мне ее вытащить, когда бумаги тю-тю.

— Да уж нехило, дотла сожгли, бензина не пожалели, — произнес Димка.

— Ага, — механически ответил я.

Паучьи нити страха внедрились в каждый нерв тела. Кристи, Кристи, прости меня, детка.

— Пошли, посмотрим поближе, поговорим с соседями.

На автопилоте вышел из машины. Нужно вспомнить, кто фигурировал в этих гребаных бумагах? Уверен, за похищением стоит один из них. Но я, спеша под бочок к своей любимой ведьме, проявил большую халатность, только лишь поверхностно ознакомился с документами.

— Карпов, ты меня вообще слышишь?

— Угу.

Вспоминай, Вовчик, думай, кто так сильно может бояться огласки, что готов пойти на любое преступление, лишь бы никто не узнал правду? Ну конечно, ответ на поверхности, скоро ведь выборы мэра. Черт!

— Володь, да что с тобой? Белый весь.

— Дим, кажется, я попал в большое дерьмо...

— Что случилось?

Ответить не успел, зазвонил мобильный, мой, который совсем недавно привезли из следственного изолятора. В душе, в животе, что-то ухнуло вниз. А пальцы, державшие телефон, даже дрогнули.

— Да.

— Карпов Владимир Константинович?

— Слушаю.

— Если хотите увидеть свою любовницу живой и невредимой, то вам нужно привезти бумаги, которые вы получили от сына Роберта Евгеньевича, в 17:00 на угол между бульваром Мира и улицей Гагарина. Вас там встретит человек.

— С кем я говорю?!

— Это неважно. И вы, надеюсь, поняли, что это частное дело, к которому не следует привлекать Следственный комитет и полицию. Или... Ну, думаю, вы знаете, что может быть в противном случае.

— Слушай, ты, не знаю, как тебя... Если с Кристиной что-нибудь случится, я тебя найду и кишки выпущу наружу! Не смейте к ней даже пальцем прикасаться!

Абонент отключился.

Черт, черт, ебучий случай! От волнения, осознания всей этой дерьмовой ситуации в теле снова появилась агрессия. Захотелось крушить эту чертову служебную машину, пинать ногами обугленные остатки дома, да накостылять наконец-то Димке, ведь именно он разлучил меня с Кристи. Не выдержал, стукнул по бетонному столбу, который когда-то держал калитку. Только столб, да покрытая копотью кирпичная кладка печи остались от всего моего «богатого» наследства.

— Вов, что тебе сказали?

«Вы, надеюсь, поняли, что это частное дело, к которому не следует привлекать Следственный комитет и полицию. Или...»

Молниеносно приблизился к Лапугину, захват, выкрутил сзади руки. Димка, конечно, парень натренированный, но на моей стороне был фактор неожиданности. Прижал его лицом к капоту машины.

— Дай мне ключи от машины!

— Вовчик, ты что творишь?!

— Ключи от машины!! — заорал я — Быстро, Дим!

— Ты вообще понимаешь, что делаешь? Подозрения насчет тебя еще не сняты! Потом проблем не оберешься!

— Дима, — начал почти уговаривать его, — мне нужно быть одному, нельзя подвергать Кристи опасности. Ну же! Ключи!! — снова заорал я.

— Как я могу их дать, ты мне руки выкрутил?

Да точно, совсем голова не варит. Все так же удерживая мужские запястья за спиной, полез в карман Лапугинских штанов. Ключики, вот они, миленькие, а потом нащупал кобуру с оружием.

— Пистолет я тоже возьму.

— Вовчик, ты совсем охренел! За это тебе и мне такого втыка дадут!

— Все равно. Я должен ее найти. И оружие мне может пригодиться.

— Карпов, блядь, не делай глупости, мы найдем Кристину, освободим! Не корчи из себя героя!

— Дима, прошу тебя, прикрой, мне нужно действовать одному.

Оттолкнул Лапугина подальше от машины, сам молниеносно нырнул в салон, мотор довольно зарычал радуясь возможности куда-то ехать, нажал по газам. Хорошо, что я частенько бывал здесь в детстве и знаю практически каждый кустик. Так... теперь мне нужен новый телефон, да и машина тоже. Я ведь не могу доверять Лапугину, один раз он уже сдал меня. Сейчас тоже, вполне возможно, станет выслуживаться, чтобы получить лишнюю звезду на погоны. Черт, а кому я могу доверять?!

— Саш, привет.

— Карпов, слышал, тебя арестовали. Что за бред творится?!

Отключил телефон. Нет, зачем я Кравцова буду подставлять. Кто может помочь? Кто? Думай, Вовчик, думай! Ну конечно. Настало время и горе-папаше исправлять свои ошибки. Только вот звонить со своего телефона опасно, скорее всего, он прослушивается. Если Лапугин на этот счет еще не успел распорядиться, то другие, более могущественные люди, вполне могли подсуетиться. Остановил машину и пешком, огородами, пошел к дому отцовой крестной, бабы Нади. Благо, она жила близко, на стыке двух деревень. Уж она-то не выдаст!

***

«— Скажи, Кристи, а какие у тебя мечты?

— Хочу создать проект, по которому построят что-нибудь по-настоящему прекрасное, необычное, не побоюсь этого слова, фундаментальное, определяющее облик нашего города. Хочу, чтобы дедушка гордился мной.

— Он тобой и так гордится. Тобой невозможно не гордиться. Что еще?

— Еще я мечтаю путешествовать, увидеть, изучить поближе, в реальности, архитектуру разных стран и народов. Знаешь, был такой архитектор Фриденсрайх Хундертвассер. Надо же, смогла произнести! У него получались поистине поющие дома, свободные, олицетворяющие то, что будет вечно — радость, сказку и дух странствования. Его здания есть в Австрии, Германии, Швейцарии, Израиле, Новой Зеландии. Вот бы хоть на несколько из них посмотреть, побывать внутри, понять, как все это спроектировано. Одно дело, нарисовать, другое — облечь свои фантазии в архитектурную конструкцию, это же настоящее искусство. Хочу съездить в Китай посмотреть на гостиницу-арку и музыкальную школу в форме черного рояля со скрипкой, а еще в Польшу — там есть такой необычный дом, его называют горбатым. В Австралии тоже мечтаю побывать, увидеть своими глазами здание Сиднейской оперы, и в Мельбурне институт молекулярных исследований. А сколько необычных зданий есть в Америке. Я была когда-то в Нью-Йорке, но там ведь в каждом штате есть свои архитектурные шедевры, чего только стоит Центральная библиотека Канзас Сити. Представляешь, здание сделано в виде стопки книг, в Аризоне есть необычное сооружение в виде перевернутой пирамиды, центр музыки в Сиэтле — это совершенно невообразимое».

А что ты хотел, Вовчик, Кристина — прекрасная жар-птица, оказавшаяся по каким-то необъяснимым причудам судьбы в твоих объятьях, желая, видимо, чтобы ты ее немного приласкал, точнее, оттрахал от души. Но не надо себе льстить Карпов, ты ведь не лучший ебарь в мире... Помнится, я расстроился после того разговора. Ее желания и планы так отличались от моих, а самое главное, в них совершенно не виделось места для скромного лейтенанта милиции Карпова. Болван! Все люди разные и мечты у всех разные. Но разве это

означало, что ее мечты нельзя было совместить с моими, сделав их нашими? Ладно, хватит вспоминать и распускать нюни. Ты должен все исправить. Слава богу, баба Надя позаимствовала мне старый жигуленок внука. В нем плохо работала печка, поэтому в салоне была ужасная холодина, а окна постоянно потели, впрочем, пустяки, главное, этот ретро-авто передвигался.

С отцом Кристины мы встретились в придорожном кафе. Среди дальнобойщиков, обедающих тут, он, в своем костюмчике с иголки, дорогом галстуке и стильных очечках, выглядел несколько нелепо, словно пришелец с другой планеты. Посмотрел Сергей Иванович на меня недобро. Считает, видимо, что я не подхожу его дочери. Плевать... Мне вот тоже хотелось, чтобы у Кристины был более любящий отец, заботящийся, прежде всего, о ней, а не о собственной шкуре. Тогда все могло бы сложиться по-другому.

— Что случилось? — нервно поинтересовался он. — К чему эта конспирация?

— Мне позвонили похитители Кристины, их интересуют бумаги Роберта Евгеньевича, которые случайно оказались у меня, успел перехватить сына вашего друга первым.

Сергей Иванович заметно напрягся.

— Что было в этих бумагах?

Не стал его жалеть.

— Компромат на многих всеми уважаемых людей нашего города, на вас в том числе. Если бы эти документы попали в прокуратуру, боюсь, многие головы полетели бы с мягких насиженных кресел, да прямиком на тюремные нары.

Теперь Сергей Иванович немного побледнел.

— Вы отдадите их похитителям?

Было бы что отдавать. Губы невольно растянулись в кривой грустной ухмылке.

— За Кристину я все готов отдать. Но у меня есть одна новость, которая, думаю, вызовет у вас противоречивые чувства. Можете радоваться, Сергей Иванович, тюрьма вам больше не грозит — бумаг нет.

Брови Калашникова вопросительно поднялись.

— Это правда?

— Да, в тот день Кристину выпускали из Сизо... я спешил, да и, честно сказать, не знал, что делать с этими чертовыми бумагами, а потом, в общем, мне было не до грязного компромата вашего верного друга, поэтому засунул документы в расщелину старой яблони. Затем мой коллега, неправильно интерпретировав информацию, решил проявить бдительность и посадил меня в каталажку. Придурок! Пока я там куковал, дом сожгли, огонь перекинулся на сад.

По холеному лицу Калашникова пробежала тень облегчения. За такую реакцию который раз захотелось дать ему в челюсть. Тоже мне, папашка.

— Теперь у меня нет бумаг, но думаю, похитившие Кристину люди в это вряд ли поверят.

После моей фразы мысли о дочери пришли-таки в голову главного архитектора города, поскольку в его взгляде появилась растерянность.

— И что теперь делать?

— Слава богу, я не совсем потерял голову в объятьях вашей дочери и бегло просмотрел содержимое конвертов. Самый явный человек, которому очень нужно, чтобы документы не стали достоянием общественности — Новиков Павел Александрович.

Имя звучало на всю область. Глаза Сергея Ивановича потрясенно расширились. — Нет,

он бы не стал похищать Кристину, у нас с ним приятельские отношения.

Криво усмехнулся.

— Если вы, спасая свою шкуру, отдали Кристину своему хорошему другу-садисту для услады, то другие люди ради сохранения свободы да политической карьеры могут пойти намного дальше. На приятельские отношения уж точно наплюют с высокой колокольни. И вы должны знать, с кем был связан Новиков в девяностые годы.

Щеки Сергея Ивановича побагровели, опять задел его за живое. Правде всегда тяжело смотреть в глаза.

— Я ничего не знал о том, что Роберт шантажировал Кристину. И вообще, он сам толкнул меня на эту аферу, будь она неладна, без его прикрытия я бы никогда не решился. Роберт говорил, что сразу же уничтожил все бумаги, которые имели отношение к той истории.

Эх, сказать бы ему пару ласковых... Внезапно другая мысль пришла в голову.

Остальные люди, возможно, тоже не знали о существовании компрометирующих документов. Иначе вряд ли Швец, при всей его хватке и высокой полицейской должности, прожил бы так долго живым и здоровым. Новиков не тот человек, с ним шутки плохи, он бы не стал сидеть спокойно, зная, что в любой момент неллицеприятные факты его жизни могут выплыть наружу. Ведь вычислить, где бумаги, в принципе, не составляло большого труда. Что-то тут не так. Почему только после смерти этого старого волчары все засуетились?

— Вдруг это не Павел Александрович?

Черт... Кристинкин отец отвлек меня от размышлений, а ведь показалось, что я нащупал что-то серьезное.

— Если не Новиков украл вашу дочь, то мне придется хорошенько поднапрячь мозги, вспоминая, кто еще фигурировал в тех документах. Но время... Мы упустим время...

— Чем я могу помочь? — слава богу, «любящий папочка» вспомнил о своем отцовском долге.

— Мне нужно поговорить с Новиковым.

Сергей Иванович посмотрел на золотые часы, которые украшали его запястье.

— Сейчас четырнадцать тридцать. Он скорее всего на рабочем месте в администрации.

Млять, млять, млять...

— Удостоверение Следственного комитета мне не вернули. А просто так в здание администрации вряд ли удастся попасть. Нет, пожалуй, если начать махать пистолетом на вахте, меня, может, и пропустят, но думаю, до кабинета заместителя мэра города я, скорее всего, не доберусь. Застрелят на подходе.

— Это не проблема, у меня в мэрии полно знакомых.

— Сергей Иванович, действовать надо быстро и решительно. Вам в том числе. Вы должны понимать, мы идем туда не чай пить. Оружие есть?

Калашников снова побледнел. Не лучшего напарника я себе выбрал, интеллигент хренов.

— Есть травматический пистолет...

— Годится.

Вскоре мы уже подъезжали к зданию, где работал Новиков Павел Александрович. Через турникет охраны прошли без проблем. Сергей Иванович лишь величаво кивнул в сторону меня: «Этот — со мной».

Что ж, побудем «этим». Мне абсолютно все равно, как называться, лишь бы побыстрее

высвободить мою темноглазую девочку. Надеюсь, я не ошибся в своих умозаключениях и за этим похищением действительно стоит Новиков. Кабинет заместителя мэра мы отыскали довольно быстро, что неудивительно, Калашников тут бывал неоднократно. Ну да, приятельские отношения ведь.

Вошли в приемную. Удача нам сопутствовала, кресло секретарши пустовало. Но в приемной сидел здоровенный бугай и со скучающим видом что-то высматривал в своем смартфоне. На нас он обратил внимание слишком поздно. Вскочил с кресла, руки нырнули за пояс. Там, наверное, находился пистолет, но я был первым и точным ударом в солнечное сплетение отправил громилу отдыхать в угол комнаты. Получилось немного громко. Павел Александрович мог услышать. Наклонился, вытащил травматическое оружие охранника.

— Свяжите его хорошенько, закройте дверь приемной, чтобы никто не мог войти из коридора, — бросил я более чем растерянному от моих варварских методов Калашникову.

— Да что вы себе позволяете...

— Бегом, Сергей Иванович, бегом.

Черт. Все-таки мы сильно шумели, дверь кабинета заместителя мэра открылась, и появился Новиков собственной персоной.

— Сергей, что тут происхо...

Договаривать не стал, потому что вместо валяющегося в отрубе телохранителя его встретило дуло пистолета, который я позаимствовал у своего иногда слишком бдительного коллеги. Лицо Павла Александровича вытянулось. Глаза старого хитрого лиса забегали, ища выход из этой ситуации. Я быстро преодолел расстояние между нами, и теперь оружие утыкалось ему прямо в лоб.

— Без глупостей, или твои мозги еще долго будут соскребать со стен.

— Кто вы такой?!

— Капитан юстиции, Карпов Владимир Константинович.

По глазам понял — моя фамилия ему была знакома, а значит, Вовчик, в расчетах похитителей ты не ошибся.

— Вместо пяти, я решил встретиться с вами чуточку пораньше. Хотя, думаю, сами вы бы не явились на встречу, прислали бы своих холопов. Где Кристина?! — заорал я.

— Не понимаю, о чем вы говорите?!

Поздно, мой дорогой заместитель мэра. Глаза тебя выдали, теперь в непричастность Новикова я вряд ли поверю.

— Бери телефон и звони, чтобы через час, нет, полчаса, Кристина была на улице Гоголя, возле магазина «Лента»!! Жива и невредима!

— Гаденыш, ты зря в это ввязался!

— А вы, Павел Александрович, просчитались, похитив Кристину. Думаете, только вы можете действовать методами девяностых? Звони! — грозно крикнул я и взвел курок пистолета.

В дверь кабинета приемной постучали. Млять... да млять же.

— Сергей, — позвал женский голос, — дверь отчего-то закрыта.

Видимо, секретарша вернулась...

У Калашникова дрожали руки, трусливый сукин сын. Помощник из него никудышный, такие, как он, могут только делать вид, что ничего не знают и ничего не происходит вокруг.

Слегка переместился, встал сзади чиновника, пистолет теперь упирался в затылок растерянного заместителя мэра.

— Я стреляю точно, — зашептал прямо в ухо высокопоставленного чиновника. — Давай, скажи ей, чтобы она шла прогуляться.

— Катенька, тут ко мне люди пришли, иди погуляй, золотце, а мы пока поговорим спокойно!

Надеюсь, «золотце» — шаблонная секретарша, ноги от ушей, сиськи, словно два арбуза, и умом особо не блещет. Будет худо, если она догадается... Каблучки зацокали по направлению от двери кабинета.

— Отлично, а теперь звони.

Мой день рождения. В двадцать четыре года я абсолютно довольна жизнью, а главное, любима и люблю. Да так сильно, что иногда дыхание перехватывает. Родители сегодня устроили небольшой фуршет в мою честь. Я пригласила Карпова, думала наконец-то представить его семье, но у Володи было срочное дело на работе, он не смог прийти. Ну почему меня угораздило влюбиться в мента? Теперь, видимо, постоянное ожидание и волнение — мой удел. Впрочем, ответ на поверхности, ведь он самый сильный, умный, порядочный, добрый, а еще красавчик к тому же. Временами суровый, иногда нежный, и практически всегда готовый в постели отправить меня путешествовать на седьмое небо.

Мне наговорили сегодня целую гору комплиментов. А сколько было пожеланий — здоровья, счастья, любви, успеха, творческого вдохновения, выгодных заказчиков, и так далее, и тому подобное. Только две вещи омрачали сегодняшней день: отсутствие Карпова да постоянно следящие за мной грязновато-серые глаза Роберта Евгеньевича. Ах, как отвратительны его якобы родственные касания и поцелуи. Со стороны они, наверно, выглядели по-дружески невинными, но я-то знала, чувствовала — это совсем не так. Родственники не задерживают при первой возможности руки на твоём теле и не поглаживают при этом доступные участки кожи, а, главное, не смотрят так похотливо. После этих неприятно-липких прикосновений и взглядов хотелось пойти в ванную и хорошенько помыться с мылом.

Брат приглашал меня продолжить празднование в ночном клубе, но я отправилась домой — Карпов обещал приехать к девяти. А для меня самым желанным, самым нужным подарком в этот день были его поцелуи. Распустила волосы, подправила макияж и несмотря на то, что Володя всем моим одеждам предпочитал обнаженность, нарядилась в безумно красивое и сексуальное negligé.

Девять часов... половина десятого... десять... Права была мама, когда говорила, что он мне не подходит. Наверное, в самом деле, мне нужен совсем другой человек, более мягкий, творческий, более тонкий и интеллигентный. Черт, сволочь, хотя бы позвонил, предупредил об опоздании! Нет. Телефон молчал. А я, наряженная, как дорогущая проститутка VIP-класса, сидела вот уже сколько времени в ожидании чуда. Только, кажется, чуда в виде почти двухметрового представителя мужской породы сегодня не будет. Зря жду! Уже половина одиннадцатого. Может, все-таки отправиться праздновать в ночной клуб? Уверена, веселье там только началось. Внезапно другая мысль пришла в голову. А вдруг с Карповым что-то случилось, ведь у него такая опасная работа? Я дура, беспросветная эгоистка, которая привыкла к тому, что все ее желания должны мгновенно исполняться! Как только схватилась за телефон, в замочной скважине раздался долгожданный скрежет ключей. Карпов, слава богу, — живой, здоровый, лишь немного усталый, взъерошенный, как всегда чуточку небритый, в общем, до безумия красивый. В руках огромный букет красных роз.

— Кристи, прости, пришлось задержаться, а потом еще цветы искал. Заждалась, маленькая?

«Маленькая»... за это сказанное чуть с распевом обращение я сразу же простила Карпова, более того, готова снова ждать сутки напролет, только бы еще раз его услышать. Жаркая волна щемящей нежности разлилась по телу, сконцентрировавшись где-то внизу живота. Ноги даже чуть подкосились. Боже, я сейчас сползу на пол! Никогда ничего

подобного не чувствовала. Нет, неправда была мама! Ну их к черту, этих творческих интеллигентов! Мне нужен он — мой большой, сильный, вечно занятой Карпов. Из глаз побежали слезы.

— Кристи, ты обиделась?

Володя, небрежно бросив цветы на комод в коридоре, преодолел разделяющее нас расстояние, обнял меня, прислоняя к себе. Боже, как хорошо! Но я отчего-то еще сильнее всхлипнула. А он начал собирать губами соленые капли слез с моих щек.

— Девочка моя, не плачь. Я, конечно, скотина, но в самом деле никак не мог раньше уехать.

— Вов, я не обиделась, — зашептала жарко ему в ухо, чувствуя низом живота его мгновенную реакцию на мою близость. — Хотя мог бы позвонить.

— Я тебе СМС послал. Ты разве не читала?

Вот же глупая, телефон пищал несколько раз, возвещая о получении сообщений, но я думала — это все поздравления продолжают приходить.

— Давай забудем. Ты есть хочешь?

— Позже, — несколько нетерпеливо ответил Карпов, поднял меня на руки и понес вглубь квартиры, направляясь в сторону спальни, потом бросил на мягкую поверхность кровати. Мое суперсекси неглиже задралось, обнажая бедра и показывая трусики. Карпов застыл, разглядывая. На его лице появилось странное выражение. Словно он не может мной налюбоваться, словно я — ослепила, оглушила, околдовала его своей красотой.

Мужская футболка поло сиреневого цвета полетела на пол. Теперь настала моя очередь зачарованно уставиться на прекрасную картину раздевающегося передо мной мужчины. То щемящее чувство, что зародилось в коридоре, сейчас сменилось желанием, которое скапливалось между моих ног клейкой смазкой готовой к сексу женщины. Я его хочу... хочу, чтобы этот великолепный самец взял меня, сделал своею. Нет, к черту эту патетику, зачем она нужна! Хочу, чтобы он меня хорошенько трахнул! Выебал! Сочетание нежности, силы, напора от этого мужчины всегда безумно возбуждали. С первого момента нашего знакомства. Стоило ему представиться: «Лейтенант милиции, Карпов Владимир Константинович», стоило только дотронуться предупреждающим мои приставания жестом — и все, я поплыла желанием!

Подскочила навстречу обнаженному красавцу. Наши губы встретились, а я потрясенно застыла в объятиях Карпова, смакуя те ощущения, которые дарили его прикосновения. Мужские пальцы, не зная скромности, начали нагло лапать мою попку, мять груди, полезли прямо в трусики, купаясь в липкой влаге потекшей промежности. Мы целовались, словно заправские актеры порнороликов, всасывая в себя губы, язык партнера, как животные, умывали друг друга слюной. Рядом с Карповым я совсем забываю о брезгливости. Более того, хочу каждой порой выпить его вкус, запах, его страсть. Вскрикнула, когда Володя одним молниеносным движением толкнул меня снова на кровать. Его пальцы взяли за кружево неглиже. А потом, больше не нежничая: трусики вниз, сиськи наружу, ноги в стороны. Почувствовала себя развратной, действительно VIP-шлюхой для одного очень озабоченного полицейского. Карпов опять залюбовался открывшейся ему развратной картиной. Но теперь совсем по-другому, сейчас в его глазах плескалась прямо-таки зверская похоть. Затем он медленно лег рядом, развернул меня спиной и попой к себе. Сильные пальцы пошли выбивать дробь на моем клиторе, а мужские губы целовать током кошачье место между лопаток, по жаркой влаге внизу заелозил, пытаюсь проникнуть внутрь,

окаменевший член. От таких интенсивных ласк то мурлычу, то вскрикиваю, извиваясь змеей в руках Карпова. Невольно попыталась отстраниться, ведь ощущения такие непередаваемо острые, что я боюсь порезаться, разбиться, изжариться, истечь желанием. Но Володя не позволил, держит крепко, держит близко, творя с моим телом все, что ему заблагорассудится. В истекающую промежность одним мощным ударом наконец-то вошел его член.

— О-о-о...

Нет, то, что я раньше испытывала, было только присказкой, а вот сейчас началось настоящее волшебство — ощущения стали намного сильнее! Теперь, кажется, каждую клетку жалит удовольствие. А я, как насаженная на иголку бабочка, забила в припадке наслаждения, застонала, закричала, словно мне больно. Карпов зажал мне рот своей широкой ладонью и, не давая передохнуть, продолжил вонзаться равномерно бешеными ударами в манящую, развратно хлюпающую глубину моей вагины. Сильно, интенсивно, глубоко! Словно намереваясь навсегда впечататься в мое тело. Мужские пальцы потянули за волосы, вынудив меня запрокинуть голову. Володя стал целовать, лизать мои скулы.

— Ну как, хорошо тебе девочка моя? — раздался над ухом его немного насмешливый голос. — Нравится мой подарок?

Ответить была не в состоянии, потому что уже начала свой полет на седьмое небо...

***

Противный лязг открывающейся металлической двери вернул меня на землю, вырвав из сладкого горячего прошлого. Нет, пожалуйста, нет, я еще хочу полетать в этих счастливых воспоминаниях, хотя бы мысленно побыть в его объятьях. Но безрадостная реальность уже полностью овладела сознанием. Я все так же сидела на полу какого-то склада, только теперь, после расспросов безликого Сергея, тело болезненно ныло.

Зря он старался, утруждал себя, руками махал, все равно добыть новых сведений ему не удалось. Я ведь в самом деле ничего не знаю. Повязка на глазах мешает видеть. Мир сейчас превратился в черную пугающую дыру. Одно радовало, переодетый таксист плохо выполнил свою работу, связал меня уж слишком небрежно, забыл поговорку о том, что не стоит недооценивать своего противника. Пока я тут отдыхала, удалось ослабить веревки и теперь в любую секунду можно предпринять попытку к освобождению. Осталось выждать подходящий момент. Только будет ли он? Неизвестно.

— Что, красавица, заскучала?! — раздался омерзительный голос Плечистого.

Проигнорировала этот вопрос. Боюсь, если я скажу правду: «век бы тебя не видеть», он разозлится.

«Крысеныш, ты дура, тебе никогда не справиться с двумя здоровенными мужиками!» — голос Роберта Евгеньевича, вызывая панику, опять зазвенел в моей голове.

Не слушай его, Кристи, не слушай! Будь готовой и собранной!

Один из похитителей подошел ближе. Мужские пальцы схватили меня за связанные руки и потянули вверх.

— Пойдем, проветримся!

Только бы верзили не увидели, что веревка держится едва-едва.

— Куда мы идем? — решила поллюбопытствовать я.

— Сюрприз, — рассмеялся Плечистый и потащил меня вслед за собой, судя по всему, к выходу.

Действия, вместо сидения на полу, с одной стороны страшили, а с другой —

обнадеживали. Просто так выводить на улицу меня не стали бы. Уверена, похитителям наплевать на свежесть воздуха, которым я дышу. Значит... скорее всего, последует обмен, либо на секреты мужа, либо на деньги папы. Деньги Новикову точно не нужны, он еще в 90-х так наворовался, что хватит не только ему, но и наследникам по четвертое колено. Да и разговор шел только о бумагах Роберта Евгеньевича, которые, по его сведению, должны быть у...

Господи, пожалуйста, прошу тебя, защити Карпова, он ведь такой принципиальный, безрассудный, для него, в отличии от моего папы, «честь» и «долг» не пустые слова! Он ведь полезет в самое пекло! Да, но Володя за решеткой, его не должны выпустить так строго. Что тогда? Не будут же они меня убивать?

«Да-да-да, Крысеньш, тебе не выбраться живой из этой передраги, мы скоро встретимся! Убежать от меня невозможно!»

Без паники, Кристи! Больше никто не смеет определять твою судьбу! Хватит!

На улице сегодня было прохладно. Ветер и противный мелкий дождик. Все как в день убийства Роберта Евгеньевича. Невольно поежилась. А сильные мужские руки, весьма бесцеремонно, потащили меня по довольно скользкой дорожке дальше.

— Это кто еще?! — воскликнул Лжетаксист.

Раздался визг тормозов, потом звук открывающихся автомобильных дверей. Сердце затрепыхалось в груди, наверняка это полиция и меня скоро освободят.

— Вам что надо?! — закричал Плечистый.

— Девка нужна!

Черт, черт, черт! Захотелось реветь от отчаянья. Надеялась я преждевременно, представители закона говорят обычно несколько иначе.

— На землю!! — раздался непонятно чей приказ.

Хорошая мысль. Бухнулась вниз. То ли от страха, то ли от холода тело заколотило ознобом. Кристи, вот она, та самая возможность сбежать, самое время избавляться от веревок на руках! Слава богу, несмотря на трясучку в пальцах, освободиться от пут удалось довольно быстро. Мне сейчас нельзя, никак нельзя раскисать и паниковать. Сорвала ненавистную повязку с глаз. На улице было сумрачно, но глаза после черной повязки резало даже этим неярким светом.

— Вы вообще чьи, ребята?! — закричал то ли Плечистый, то ли Таксист.

Огляделась, вокруг находились какие-то складские помещения и гаражи. Приехавшие на черном джипе парни, даже несмотря на резь в моих глазах производили впечатление — здоровенные амбалы. Было их трое, и ни с кем из них раньше я точно не встречалась. В разных кругах, видимо, общались.

«Вот видишь Крысеньш, тебе никак не спастись...» — издевался Роберт Евгеньевич.

— Много будешь знать, скоро состаришься. Девку давай.

— Твою ж мать! Вы вообще знаете, на кого наезжаете?! — продолжил орать один из моих похитителей.

Плечистый достал пистолет, ребята тоже. Раздался выстрел. Потом визг. Мамочки мои, сейчас стало по-настоящему страшно! Дура, контролируй себя, нельзя орать! Пора сматываться! Боюсь, у других похитителей мне будет только хуже, и расспросы новиковского Сергея покажутся милой беседой двух товарищей. А вокруг продолжали раздаваться выстрелы и маты. Поползла в сторону первой линии гаражей, теперь, что бы ни случилось, нельзя кричать. Как часто бывало в моей «счастливой» семейной жизни,

возникло желание на самом деле превратиться в маленького серенького крысеньша, чтобы забиться в какую-нибудь норку, откуда меня никто не сможет достать и причинить боль.

— Ай, сука, в меня попали!! — завопил, кажется, Плечистый.

А я вскочила на ноги и побежала. Со всей силы, дальше и дальше от этого свистящего пулями и насыщенного мужскими криками места. Быстрее, быстрее! Кристи, ты сможешь... Ты должница Карпова и обязана, слышишь, просто обязана сделать его счастливым, воплотив в реальность все Володины мечты. У нас будут дом, сад и куча детишек. Только беги, беги, не останавливайся! Уличный воздух холодил гортань, застревая в легких, не успевающих прогнать его через себя. Заболею, наверное. Какие пустяки — сейчас главное выжить!

— Куда делась девка?!

Сердце от страха собиралось разорваться в груди. Мое отсутствие обнаружили. И судя по обращению, вновь прибывшие ребята победили, прежние именовали меня либо лярвой, либо красавицей. Гаражи закончились, а дальше решетка. Конечно, это закрытая территория. Черт, черт, черт!! Остановилась. Грудная клетка, бурно и часто вздымалась, пытаясь наконец-то насытить воздухом организм. Что делать?! Что?!

«Ха-ха-ха, Крысеньш, тебе никогда не выбраться из клетки! Иди лучше к своему любимому мужу, прямиком в ад, уж я тебя приласкаю».

— В голову палить я скорее всего не стану, но руку или ногу могу свободно прострелить.

Новиков не стал сопротивляться, набрал номер, впрочем, когда дуло сошедшего с ума от любви ментяры, точнее представителя Следственного комитета, утыкается тебе прямо в затылок, трудно возражать. Все влюбленные немного шизанутые.

— Ребята, планы поменялись, везите девчонку на улицу Гоголя, к магазину "Лента". И поторапливайтесь!

— Отлично, — довольно прошептал я прямо в ухо большого чиновника. — Но пока я не увижу Кристину живой и невредимой, вам, Павел Александрович, придется побыть в нашем обществе. Думаю, настало время прокатиться на улицу имени великого писателя.

— А что будем делать с этим? — указал Сергей Иванович на телохранителя, который все еще находился в отрубке. Крепко я к нему приложился, надеюсь, жить будет.

— Заклейте ему скотчем рот и свяжите покрепче.

Калашников принялся выполнять, благо все необходимые канцелярские принадлежности аккуратно лежали на столе у секретарши.

Кто бы мог подумать, главный архитектор города сегодня у меня на побегушках, а заместитель мера и, возможно, будущий глава нашего города под прицелом.

— Теперь тащите его в кабинет начальника.

— Он тяжелый, у меня не получится.

Я бы в два счета справился с этим бугаем охранником. С тоской посмотрел на Новиковский затылок, его страшно оставлять без присмотра, ведь тут наверняка есть какая-нибудь кнопка, позволяющая забить тревогу. Можно попробовать поменяться местами с Калашниковым. Только вот с его дрожащими руками и трусливой душонкой разве доверишь ему пистолет. Сейчас нельзя рисковать.

— Волоком тащите, так легче.

Калашников, пыхтя, принялся выполнять, а я обследовал наконец-то карманы высокого чиновника на предмет оружия и других интересных вещей.

— Где ключи от кабинета?! — снова заорал я, так что Новиков даже вздрогнул.

— В борсетке на столе.

— Сергей Иванович, поищите!

Мы закрыли кабинет, вместе с так и не пришедшим в себя охранником, все телефоны вырубили, теперь оставалось самое сложное — выйти из здания мэрии. А там, ищи-свищи ветра в поле.

— Павел Александрович, — для устрашения ткнул легонько чиновничий бок пистолетом, — я пойду рядом с вами, поэтому без глупостей, вы все время на мушке, вдруг что — стреляю, без раздумий. Пошли!

На удивление, все прошло вполне гладко, и через двадцать минут мы уже были на улице Гоголя. Машины с похитителями моей ведьмы еще не было. Ожидание... Застывшее время, настоящая мука для всполошенных нервов. Хотелось в самом деле пальнуть кому-нибудь во что-нибудь, может так время пошло бы быстрее. Закурил сигарету, вдыхая полной грудью пропитанный никотином дым. Кристинин отец, который был за рулем, недовольно скривился, но мне все равно, переживет.

Девочка моя ненаглядная, моя киса Кристи, потерпи еще совсем немножко, чуточку. Держись! Который раз себе удивился, как же я мог поверить в ее обман тогда, пять лет назад, при нашей последней встрече. Ведь где-то внутри сидело ощущение чудовищной неправильности произошедшего. Все эти пять лет сидело. Хреновый из меня сыщик, хреновый. Гордость ослепила, вместо того чтобы включить мозги, я предпочел поверить стереотипной мысли о том, что все бабы стервы, а уж богатым сам бог велел.

«— Кристи ты что, пьяная?

— Володь, совсем чуточку.

— Не люблю пьяных женщин.

— А я тебя, Карпов, сильно-сильно люблю.

Губы вкуса дорогого шампанского прикоснулись, опьяняя, к моим. Всосался в них, пытаюсь добыть еще больше хмеля для себя.

Это был один из тех немногочисленных вечеров, когда мы поменялись местами и ждать пришлось мне, а не Кристи. Она же веселилась на каком-то банкете, посвященном окончанию работы над очень серьезным проектом. Пришла домой восхитительно прекрасная, с сияющими глазами, в красивом платье из блестящего синего материала, на голове какая-то замысловатая, безумно ей шедшая, прическа. Стильная, богатая, красивая. И я...простой ментяра, не имеющий даже собственного жилья. Не верилось тогда, что эта женщина принадлежит мне, точнее, что вот уже почти целый год я ее трахаю.

Пьянящие губы отстранились, а Кристи по-кошачьи потерлась о мое тело.

— Скажи, Вов, а ты меня любишь?

Безумно, так сильно, что каждый раз при виде моей ведьмы сердце внутри сжималось болезненно прекрасным спазмом... и сейчас тоже. Но я предпочел промолчать, лишь впился жарким поцелуем в сладкий девичий рот, вызвав своим напором любимые, пронизывающе-эротичные полустоны».

Черт... Я сам во многом виноват. Как Кристи могла мне довериться? Ведь я никогда не говорил ей о своих чувствах, не просил руки и сердца, а о будущем мы говорили как-то вскользь, предпочитая наслаждаться настоящим, жить здесь и сейчас. Глупый, надо было сразу охомутать мою ведьму, после первой же ночи, проведенной вместе, пока она еще не успела опомниться. Ведь я тогда проснулся совсем иным — влюбленным, внутри была какая-то эйфория, хотелось счастливо орать во все горло, а еще схватить Кристи и кружить, кружить по комнате, и дальше напрямик до ЗАГСа.

— Чего же они так долго едут? — произнес Сергей Иванович.

Взглянул на часы. За воспоминаниями, размышлениями, время пошло немного быстрее.

— Павел Александрович, полчаса прошли, позвоните своим молодчикам, узнайте, где они находятся!

Подавал Новикову его телефон, который экспроприировал на всякий случай еще после первой его связи с похитителями. Заместитель мэра послушно нажал на кнопку вызова. Из телефона слышались гудки, один, второй, третий, четвертый... десятый. Черт. Внутри бешеной совой ухнула тревога.

— Какого хрена! — с силой ткнул Новикова в бок пистолетом.

— Сейчас второму наберу, может, Степан за рулем, поэтому трубку не берет.

И снова один, второй... пятый. Однообразные гудки выносили страхом мозг. Почему никто не отвечает?! Неужели опять что-то случилось?! Сердце забабахало в груди под сто сорок ударов в минуту.

— Павел Александрович, какого хрена происходит? Или вы правда хотите, чтобы я к чертям собачьим отстрелил вам яйца, или еще куда пальнул?

Тряхнул пистолетом возле его брюха.

— Я-я... не знаю... ребятки должны слушаться, проверенные...

Дуло оружия теперь с силой давило прямо в живот большого чиновника. Лицо Новикова побледнело, видно было, что он немного труханул. А значит, вряд ли должен врать. Да и зачем? Возможно, конечно, охранник уже выбрался, и в городе ввели план перехват, вот только пока они нас найдут, я успею несколько раз продырявить чиновничье брюхо. Но тогда какого лешего ребятки не едут? Где сейчас моя черноглазая девочка?! Калашников на водительском кресле сидел ни жив ни мертв, того и гляди, пальцы начнет заламывать в припадке отчаянья. У меня тоже внутри отчаянье, тоска, растерянность, и от этого хотелось выть, круша все, что попадет под руку. Действовать! Володька, надо действовать!

— Где держали Кристину?!

— На территории старого авторемонтного завода.

— Сергей Иванович, поехали! Знаете, куда?

Тот молча кивнул, потом полез в карман куртки, достал оттуда какой-то аэрозоль, брызнул его содержимым в рот.

— Сердце пошаливает, — зачем-то объяснил он свои действия.

— Поехали, — лишь раздраженно буркнул я.

Впрочем, надо отдать Калашникову должное, без его помощи мне бы пришлось туго сегодня.

Машина медленно тронулась, затем, набирая обороты, понеслась по шоссе в сторону бывшего авторемонтного завода, туда, где держали Кристину.

— Еще звоните! — снова заорал я Новикову.

Безответные однообразные гудки мучили страхом и беспокойством. Сколько их было за сегодня? Может мне тоже попросить аэрозольчика у Кристинкиного отца? Ладно, Володь, успокойся, передохни немного, подумай. Снова закурил сигарету, пытаюсь успокоиться и активизировать мышление. Одна неясная мысль маячила где-то на периферии сознания, еще со времен нашего разговора с Калашниковым. Что-то не так с этими бумагами... Ах да, вспомнил!

— Роберт Евгеньевич вас шантажировал? — спросил я у Новикова.

— Нет, мы были в одной связке. Он помогал мне, я оказывал некоторые услуги ему. Даже не предполагал, что этот прохвост собирал все это время досье. Вот же старый хитрый паучара. Мой тебе совет, Карпов, бумаги лучше отдать. За мной стоят еще люди, которым может не понравиться, если они всплывут. Тогда никому из нас не жить.

«Даже не предполагал», «бумаги лучше отдать...»

— Подождите. То есть вы хотите сказать, что до момента смерти Швеца вы не знали о существовании компрометирующих вас документов?

— Нет. Только неделю назад заместитель Роберта Евгеньевича предупредил.

— Корольков?

— Да.

И тут вдруг все стало на свои места. Все отдельные разбросанные кусочки этого дела, которые я не знал, куда приткнуть, теперь сложились в целостное полотно понимания ситуации. Роберта Евгеньевича убил его заместитель — Корольков Виктор Николаевич. Думаю, если хорошенько копнуть и проследить за его передвижениями в тот день, этот факт

легко можно будет подтвердить. Беда в том, что никто не копал, я в том числе, все думали, что он свой, было неловко даже сомневаться в искренности его слов. Один только пазл пока оставался потерянным — мотивы Королькова. Но, как мне кажется, они тоже вычисляться легко, стоит только копнуть. Скорее всего, он находился в доме, когда Кристина приехала, возможно, даже ожидал ее возвращения домой, вырубил свет, сам затаился где-нибудь в подсобке. Потом в какой-то момент появился, сделал вид — дескать, я только приехал, а тут такое. Надо было слушать Кристи, она ведь говорила, что за ней наблюдали из темноты. И не вмешайся в это дело высшая рука из столицы нашей родины, они сами бы потихоньку все расследовали, посадив мою девочку в тюрьму... Патологоанатом. Блин, я же сам задавал Димке вопрос, почему он не подумал, кто мог повлиять на обтекаемость формулировок отчета о вскрытии и причинах смерти Роберта Евгеньевича... Правда, имел в виду тогда более высокопоставленных чиновников. А зря! Корольков, ну конечно же. А затем, когда запахло жареным, когда дело передали в Следственный комитет, он решил внести сумятицу в расследование, рассказав Новикову об архиве покойного. Расчет был правильный. Когда более могущественные люди зашевелились, стало совсем не до такой мелкой сошки, как он. Мне уж точно. Черт! Холодок страха в который раз за сегодняшний день прошелся по хребту, так что даже поджилки, будь они неладны, затряслись. Ведь Корольков, скорее всего, не только Новикову рассказал об этих бумагах. Боюсь, теперь на нас объявлена настоящая охота.

«— Кристи, я не верю в то, что ты мне говоришь. Надеюсь, это шутка?»

— Володь, что ты, как маленький, в самом деле, еще заплачь тут. Шуткой скорее можно назвать наши отношения. Точнее, мне было хорошо с тобой, не скрою, в постели ты, — закатила глаза к небу, — огонь. Но я надеялась, ты понимал, — все не навсегда. Постель, только постель, а в остальном ты слабоват. Ай, прости... не для меня, в общем.

Красивые зеленые глаза метали молнии, в них больше не осталось ничего летнего, настоящая буря, даже смерч. А еще боль, сколько же боли чудилось в его глазах. Прости, любимый, мое сердце тоже плачет кровавыми слезами. Широкая мужская ладонь поднялась, собираясь отвесить мне оплеуху, невольно зажмурила глаза, но удара не последовало. Володя с рычащим звуком толкнул меня вглубь кабинета, припечатав спиной к стене. Вскрикнула от неожиданности, но твердые мужские губы, накрывшие мой рот, поглотили этот нечаянный взглас. От неожиданности, эмоций, которые вызвал поцелуй, а самое главное, от осознания, что этого больше никогда не будет в моей жизни, захотелось реветь в голос. А губы продолжали терзать, мучить, дарить наслаждение, уносить в круговорот взаимного желанья. Пока есть силы, надо отстраниться, оттолкнуть от себя обжигающие мужские руки и бьющие током губы... Поздно! В теле словно не осталось костей, его поцелуй их расплавил. Боже! Мир пошел крутиться, вертеться перед глазами, мы сейчас вовсе не в кабинете полицейского участка, это какая-то воронка из нашей сумасшедшей страсти, и она опять засасывает меня, все сильнее и сильнее. Хотела бы я не отвечать на поцелуй Карпова, но тело предало разум, наплевало на все установки, которые давались перед этой встречей. Губы сами раскрылись, а пальцы побежали по широким мужским плечам и вверх, запутались в жестковатом ежике темно-русых волос. Дальше был только поцелуй... и больше ни одной связной мысли. Пока немного насмешливый голос не спросил:

— Маленькая, ты все еще хочешь уйти?

«Маленькая» — запрещенный прием. Нет, это последнее, что я хочу сделать. Но сознание уже очнулось. Бить надо наотмашь, наверняка, не щадя ни себя, ни его. Чтобы ему было больно, чтобы от этой боли Карпов не смог рационально думать, не смог докопаться до истинной причины моего ухода. Рассмеялась. Противно, по-стервозному.

— Люблю целоваться! Всегда загораюсь, стоит только кому-нибудь ко мне прикоснуться. А какой восхитительный любовник Роберт Евгеньевич!

Ой-ой! Руки Карпова сжались в кулаки.

— Представляешь, Роберт Евгеньевич купил землю в Бобравихе! Я уже занимаюсь проектом, это будет нечто совершенно необычное и прекрасное, — продолжила я наносить удары, протыкая его чувства точеными копьями. Только копья эти обоюдоострые, меня они кололи еще сильнее. Володино лицо на глазах темнело, застывало мрачной пугающей маской.

— Ну же, Вов, не распускай нюни, ты еще встретишь домашнюю клушу, о которой, помнится, мечтал, и она нарожает тебе кучу детишек.

— Знаешь, Кристина, когда узнал тебя ближе, имел глупость подумать, что нашел настоящий клад, оказалось, первое впечатление было верным... Ты дешевка, стекляшка, кажущаяся бриллиантом!

Больно, вот это действительно больно. Он тоже умеет бить наотмашь словами...»

***

— Куда подевалась эта сука?!

Вздрогнула.

— Посмотри вон за тем гаражом.

Сердце, того гляди, выпрыгнет от страха из груди.

«Что дрожишь, Крысеньш, лучше выходи, все равно они тебя найдут».

Я сидела в щели между двумя гаражами, она была такая узкая, что мне пришлось сильно потрудиться, дабы туда протиснуться. Расщелина эта закрывалась куском шифера, и я практически вжалась в него, стараясь слиться воедино с серой ребристой поверхностью. Хорошо, что снег растаял, а то бы меня непременно отыскивали по следам.

— Черт, не вижу ее! — раздался совсем рядом мужской голос.

Стук сердца отдавал в ушах барабанами. Надеюсь, никто кроме меня не слышит этого тревожного набата.

— Может, она с другой стоны обошла?! Там есть еще один выход!

Если бы раньше знала, непременно обошла.

— Пойду проверю!

Пожалуйста, пусть он меня не заметит, пусть пройдет мимо!

В расщелине было очень грязно, валялись какие-то бумажки, бутылки и даже использованные шприцы. Но я не кривлю брезгливо носик. Сейчас это казалось такой мелочью. Более того, наличие подобного мусора очень обнадеживающий факт, значит, тут не закрытое пространство и сюда можно попасть с улицы. Главное, чтобы ребятаки меня не нашли.

«Крысеньш, маленький крысеньш, и не надейся, ты не сможешь спрятаться».

Как же надоел этот вносящий панику голос Роберта Евгеньевича. Захотелось биться головой о стенку, лишь бы больше никогда его не слышать.

Бандиты продолжали периодически кричать, но теперь их голоса звучали в отдалении. Интересно, что они сделали с Псевдотаксистом и Плечистым?

Зубы начали выбивать морзянку. За волнениями побега я сначала совершенно не чувствовала холода, но после получасового сидения в этой грязной щели в полной мере ощутила, что погода сегодня не совсем благоприятна для игр в прятки на природе. Размяла озябшие пальцы, потом решила наконец-то пошевелить ногами. Голень пронзила судорога. Зажала поспешно губы, чтобы ни одного возгласа, даже случайным образом, не вырвалось изо рта. Сейчас от моего молчания, как и все эти пять лет ада, очень многое зависит.

Володю я тоже защищала тогда. Узнай Роберт Евгеньевич о нашей, противоречащей его планам любви, он никогда не оставил бы Карпова в покое. О продвижении по службе ему точно пришлось бы забыть. Но, боже мой, как хотелось в тот день кинуться к нему на шею, поделиться своими страхами, попросить помощи, побыть просто слабой женщиной, переложив на сильные мужские плечи Карпова свои проблемы! Но нет, я ушла, взвалив на себя этот непомерно тяжелый крест, под грузом которого еще немного и свихнулась бы.

Крики молодчиков стихли. Потом послышался шум мотора машины. Неужели уехали? Но выйти не решилась. Трусиха! Все так же сидела напуганной мышкой в своем убежище, прислушиваясь к каждому шороху извне. От холода уже не чувствовала ног, да и вместо носа ледышка. Если выживу, точно заболēju.

«— Кристи, знаешь, какое лучшее лекарство при первых признаках простуды?»

Я лежала, ничего не делая, в кровати под теплым одеялом, несмотря на то что сроки по моему последнему проекту не просто жали, а уже откровенно сильно давили, и пила чай из малины, приготовленный мне заботливым Карповым.

— Наверное, чай из малины, поданный в постель высоким красивым мужчиной.

Володя забрал из моих пальцев чашку и осторожно поставил ее на прикроватную тумбочку.

— Это, безусловно, хорошее средство, но есть намного лучше — секс с тем самым высоким красавчиком.

Мужские руки откинули одеяло, которым я прикрывалась, и начали неспешно поднимать подол моей длинной, до середины бедра футболки, а горячие губы Карпова стали чертить влажную дорожку от низа живота до холмиков груди, затем дальше к шее, потом запечатали поцелуем мой открытый в полувздохе рот.

— Тебе нужно интенсивно пропотеть.

— Слушаюсь, товарищ доктор...»

Как же я была счастлива тогда, но в полной мере даже не осознавала этого...

Кристи, пока не превратилась в сосульку, надо выбираться. Пришла пора маленькому серенькому крысенку побегать. Высвободиться из этой щели было еще труднее, чем забраться, ведь замерзшие руки-ноги совсем не слушались. На улице во время моего сидения в норке окончательно стемнело, а фонари тут вообще отсутствовали. Но ничего, я уже большая девочка и знаю, что есть вещи намного страшней темноты. Более того, сейчас она моя союзница, скрывающая, растворяющая в своем сумраке все мои немного неуклюжие после долгого сидения на холоде движения. Пошла вдоль ограждения, в том направлении, где когда-то слышался голос одного из парней, устроивших на меня охоту. Вскоре я увидела другой выход, о котором они, помнится, говорили. Небольшая решетчатая калитка закрывалась на задвижку. Хотя задвижка была привинчена, скорее всего, для того, чтобы ветер не трепал калитку, поскольку любой человек мог, просунув руку через прутья ограждения, ее открыть. Сейчас калитка и вовсе была настежь распахнута. Молодчики не потрудились затворить. Впереди виднелись огни города. Пошла в их сторону. Скоро я даже поняла, где очутилась — это территория бывшего авторемонтного завода, который не так давно обанкротился, прекратив свое существование в качестве финансового объекта.

Кристи, убежать-то ты убежала, только что делать дальше?.. У меня не было ни телефона, ни денег, ни документов — все осталось в сумочке, которая сейчас находилась неизвестно где. Можно, конечно, попробовать вернуться и поискать ее возле складского помещения, в котором меня держали, но идти назад страшно, неизвестно, что стало с моими первыми похитителями. Кажется, в одного из них попали, надеюсь, он не истечет кровью. Впрочем, это чисто его проблемы. По направлению к центральному входу завода ехала машина, шум ее двигателя отчетливо слышался в тишине вечера. Вздогнула, наверняка, меня опять ищут. Беги, беги, маленький крысенок, спасайся от злых опасных серых волков! «Тебе не выбраться из этой западни!» — бился, кричал страх в моей голове. Может и не выбраться, но попробовать стоило, поскольку я не любила быть должницей, а перед Карповым у меня накопился огромный долг — целых четыре сыночка и лапочка дочка. Их надо еще успеть зачать и родить. Беги, беги, Кристи, как можно быстрее, беги к исполнению его, своей, мечты!

***

Свадьба. На мне прекрасное, стоящее целую кучу денег, белоснежное платье, расшитое

по лифу и подолу стразами Сваровски. Волосы собраны в высокую замысловатую прическу, над которой почти полтора часа трудились целых два парикмахера. В прическу вплетены цветы, состоящие из мелких камешков, сверкающих не хуже настоящих бриллиантов. На лицо нанесен идеальный макияж, подчеркивающий мои темные большие глаза, высокие скулы и пухлые губы. Красивая, словно невесты с обложек каталогов свадебных бутиков. Ну зачем же я такая красивая, что Роберт Евгеньевич решил выбрать меня себе в жены, захотел взять куклой для удовлетворения своей похоти?! Эх, разодрать бы в клочья это белое платье, вырвать цветы из темных локонов, и волосы тоже выдрать к чертям собачьим, расцарапать идеальным свадебным маникюром покрытые обложечным макияжем щеки! Может, тогда Роберт Евгеньевич ужаснется и откажется от своей затеи?

— Доченька, ты готова? — в комнату заглянула мама, и я, испугавшись своих мыслей, отшатнулась от зеркала.

— Кристиночка, какая же ты у меня красавица!

Ненавижу свою красоту! Желание изуродовать себя стало еще сильнее.

— Доченька, надеюсь, ты будешь счастлива.

Не буду я счастлива, мама. Мое счастье осталось с ним, Карповым, в кабинете полицейского участка, обставленного простенькой казенной мебелью. Мое счастье застыло болью и презрением в зелено-летних красивых глазах!

— М-мама! — голос звенел от сдерживаемых из последних сил эмоций.

Заткнись, заткнись, Кристи, пусть хотя бы родители не страдают, не мучаются чувством вины, ведь уже ничего невозможно изменить! Жертва выбрана, и ей нужно смириться со своей ролью.

— Что, доченька?

— Все будет хорошо, м-мама... — голос все же дрогнул.

— Роберт Евгеньевич уже подъезжает.

— Да, мам, минуточку, я скоро спущусь в гостиную.

Дверь моей комнаты закрылась. Я снова осталась одна. В легких вместо воздуха билось отчаяние. Грудь, не давая вдохнуть, мертвой хваткой сдавил корсет свадебного платья. Не могу, не могу так... хочу услышать Володин голос последний раз! Предсмертное желание — почти закон. Набрала подрагивающими пальцами заветный номер.

— Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети...

Может, я ошиблась, руки ведь, как у больной Альцгеймера, дрожат. Еще раз набрала цифры его мобильного телефона.

— Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети...

Вот как, Володя уже вычеркнул меня из своей жизни... Больно! Как же мне больно, захотелось выть, кататься по полу, зажав зубами краешек роскошного бежевого ковра в безуспешной попытке справиться с этой мучительной болью. Смирись, Кристи! Ничего нельзя изменить!

***

За этими грустными воспоминаниями не заметила, как вышла в город. Надо привести себя в порядок, выгляжу, наверно, не лучше самой последней бродяжки. Почистила одежду, пригладила кое-как растрепавшиеся от бега волосы. Благо, пуховик у меня темный, и валяние в грязи в целом на нем не сильно отразилось. После обследования карманов загрузила еще сильнее — нашла только ключи, да в голенище сапога до сих пор находился нож. Надеюсь, мне не придется им воспользоваться.

Нужно позвонить. Попросить у кого-нибудь телефон и позвонить. Только вот куда, кому? Я до сих пор помнила наизусть прежний номер телефона Карпова, но он еще со времен нашей свадьбы с Робертом Евгеньевичем не отвечает. А новый не узнала, мы так и не успели обменяться телефонами. Да к тому же в следственном изоляторе не разрешается пользоваться мобильной связью.

Как же портят память блага цивилизации. Или всему виной стресс? Все цифры вылетели из головы. Даже мамин телефон не смогла вспомнить. Нет, один номер, точнее два, остались в памяти, несмотря на то, что хотелось бы навсегда их оттуда стереть. Я была вынуждена выучить их наизусть, поскольку звонила почти каждые два часа с отчетом, и не дай бог пропустить. Это рабочий да мобильный телефоны му..., не называй его так, Роберта Евгеньевича. Постой, Кристи... Рабочий... я же знаю его рабочий телефон! Сколько, интересно, времени? Часы сейчас тоже никто не носит, я в том числе. Зачем? Ведь вся информация есть, точнее, была в мобильном телефоне. Понедельник — день тяжелый, и, значит, нужно решить много серьезных вопросов. Роберт Евгеньевич всегда поздно приезжал в первый день недели. Номер телефона ведь не должен измениться после его смерти. А в полиции мне должны помочь, особенно учитывая тот факт, что я жена их бывшего начальника. Надеюсь, они уже знают, что с меня сняли обвинения в смерти Роберта Евгеньевича.

— Извините, — обратилась я к прохожему, дедушке лет семидесяти, с добродушным открытым лицом. — Меня обокрали, вырвали сумку из рук, а там телефон, деньги, документы — все... Вы не могли бы дать мне мобильный, чтобы позвонить родным?

— Да, конечно, деточка, сейчас.

Дедушка долго и медлительно искал телефон в карманах куртки. Так и знала, что он мне не откажет, у дедушки очень располагающие глаза. Кроме того, старшее поколение воспитано помогать другим. Хотя молодые парни тоже почти беспроблемный вариант, я ведь красивая женщина, но от них потом труднее отвязаться.

В спешке набрала номер. Трубку взяли довольно быстро.

— Да, — устало ответил мужской голос.

Корольков, ну слава богу, он мне должен помочь, он ведь такой предупредительный и вежливый. Блин... опять его отчество выскочило из головы.

— Алло, — повторил недоуменный из-за моего затянувшегося молчания голос.

— Виктор ... извините, забыла ваше отчество. Я супруга Роберта Евгеньевича. Мне нужна помощь!

— Кристина Сергеевна?! — в мужском голосе послышалось какое-то облегчение. — Где вы? Чем я могу вам помочь?

— Мне нужно связаться со следователем по делу убийства Роберта Евгеньевича. Дело очень срочное.

Часть моих слов долетела до благодушного дедушки. Лицо сразу изменилось, в глазах появились тревога и беспокойство. Только бы он не стал забирать телефон из моих рук

— Вы Карпова имеете в виду?

Странно, просто от упоминания этой фамилии, стало теплее на душе. Карпик, Карпов, как же я хочу тебя видеть!

— Вообще я хотела поговорить с его коллегой, чтобы узнать, где мне можно найти Володю...

— Кристина Сергеевна, с Карповым случилась беда.

«Беда»... Слово ледяной волной озноба прошло по телу. Пальцы, державшие телефон, задрожали.

— Ч-что, что произошло?! — закричала я в трубку так, что дедушка вздрогнул, а потом потянулся ко мне, стремясь вернуть свой мобильный.

— Он пропал, никто не может его найти...

Карпик... без него мне не будет жизни. Без Володи она мне попросту не нужна!

— Кристина Сергеевна?! Вы где? Нам нужно встретиться. Обсудить ситуацию. Я помогу вам с поисками. Следственному комитету не стоит доверять, они, кажется, намерены посадить Карпова, а может, и того хуже. За ним идет настоящая охота.

О, черт, теперь козлом отпущения решили сделать Володю, а что, он тоже идеальная кандидатура. Тревога застряла ершистым комом в горле, а от беспокойства онемели губы.

— Кристина Сергеевна, вы меня слышите?

— Да, давайте встретимся.

— Вы можете подъехать к своему дому? Там все спокойно обсудим, поговорим и подумаем, что можно предпринять. У меня есть кое-какие соображения по поводу того, кто мог убить вашего мужа.

Да, у меня тоже полно мыслей по этому поводу, но только официальному следствию их нельзя предъявить.

— Я-я приеду. Пожалуйста, прошу вас, Виктор... Николаевич, — надо же, вспомнила отчество, — п-помогите мне.

— Конечно, Кристина Сергеевна, выезжаю, буду там через полчаса.

— Только... Виктор Николаевич... давайте лучше встретимся в другом месте...

Черт, абонент отключился. Уже далеко совсем не благодушный дедушка забрал телефон из моих трясущихся пальцев.

— Спасибо, — машинально произнесла я.

И только потом сообразила. Боже, как я туда приеду, у меня же денег нет! Дедушка уже зашагал прочь. Попросить телефон еще у кого-нибудь? Нет, Корольков, скорее всего, уже успел уйти из кабинета. Ведь он сказал, что выезжает. А его мобильного я не знаю... Ничего, Кристи, лови попутку, падай в ноги, обещаю золотые горы... Золотые... Расстегнула куртку, сорвала с шеи цепочку. Она стоит дорого, думаю, ею можно расплатиться с водителем. Прошла дальше по аллейке к автостраде, там можно найти такси или попутку поймать. Куртку даже не застегнула обратно, холод совсем не ощущался, ведь внутри все заледенело от страха. Пожалуйста, боже, будь милосерден! Пожалуйста, Карпов, не надо безрассудств! Пожалуйста, судьба, пощади его, меня, нас! Не знаю, кого просить и кому бить поклоны... только губы продолжали тихонько повторять: «пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...»

Когда зашел в полицейский участок, коллеги как-то странно посмотрели в мою сторону. Может, футболку шиворот-навыворот надел или только половину лица побрил? Последнее время, после ухода этой гадины, хожу, как чумной. Взглянул в зеркало. Да нет, выгляжу вполне прилично, только взгляд немного усталый, застывший, и белки глаз красноватые. Конечно, ведь спать нормально я уже месяц как не могу! Стоило мне закрыть глаза, как в голове начинало стучать: «Она ушла, ушла, ведьма бросила тебя, больше ты ее никогда не увидишь!» И все... полночи проходили без сна, в безуспешных попытках погасить чем-нибудь и как-нибудь душевную боль. Выпивкой, книгами, фильмами, женщинами. Даже не думал, что меня будет так сильно ломать без нее, что боль от ее предательства, словно кислотой, будет выжигать внутренности.

Странное поведение коллег вскоре разъяснилось. Ясность внесла Сашенька, слегка полноватая шатенка, одна из немногочисленных женщин, работающих в нашем управлении, которая всегда не без интереса посматривала в мою сторону. Но я, ослепленный красотой жар-птицы, никого не замечал вокруг, точнее, по сравнению с ней все остальные женщины виделись мне серыми курицами.

— Володь, смотри, кажется, твоя бывшая подружка предпочитает, когда на погонах чуть побольше звезд, — сказала она слегка лукаво, а скорее злорадно.

На стол легла наша городская газета. Мир на миг качнулся. С ее черно-белой страницы на меня, улыбаясь, смотрела она... моя мечта, прекрасная девушка в белом свадебном платье. Под руку Кристи держала представительного мужчину, годящегося ей в отцы. Только это не отец, черт возьми, не отец...

«Роберт Евгеньевич не чета тебе, Володька! Ты по сравнению с ним глупый щенок, а он... Мне всегда нравились такие мужчины. Умный, щедрый, имеющий положение, да еще какое положение! Все подобные тебе песики по струнке перед ним ходят. Знаешь, ведь Роберт Евгеньевич — друг моего отца. Я еще малюсенькой девчушкой им восхищалась. Но вся эта разница в возрасте... даже не мечтала, что он обратит на меня внимание».

Сашенька вышла, оставив меня один на один с ней. Красивая. До чего же Кристи красивая невеста! Обвел пальцем идеальный овал лица на черно-белой странице газеты, вспоминая, как часто в прошлом проводил так по девичьей бархатистой коже, каждый раз любуясь и восхищаясь совершенством линий, которыми наградила ее природа. Сука, сука, сука!!

"Любовь не знает границ" — гласил заголовок.

А как же я?! Мои чувства — никому не нужный хлам?! Сука, шлюха, подстилка для старого развратника!!

Разорвал газету пополам, разъединяя ненавистную парочку. Истерзал в клочья часть газеты с изображением счастливого жениха. Теперь очередь этой гадины. Глаза... это ведь только страница газеты... но они смотрели прямо в душу, заставляя черную дыру в моей груди, где когда-то было сердце, снова истекать кровью. Руки дрогнули. Сжал зубы и разорвал вторую половину газеты на мелкие-мелкие кусочки. Прощай, киса Кристи!

***

— Почти приехали, — оторвал меня от воспоминаний голос Сергея Ивановича.

Впереди черной мрачной громадиной виднелись очертания авторемонтного завода.

Сердце стучало внутри взбесившимся маятником. Каким же слепым бесчувственным дураком я был пять лет назад!

— Темно, — непонятно к кому обращаясь, сказал я.

— Конечно, свет уже давно вырубили за неуплату, — ответил Сергей Иванович.

Ткнул еще раз Новикова в бок пистолетом.

— Куда дальше ехать?

— По центральной аллее, а потом направо, там большое складское помещение.

Машина медленно повернула, автомобильные фары высветили пространство.

Металлическая дверь склада была открыта, возле нее связанными, с кляпами во рту сидели два человека, рядом находился автомобиль фольксваген поло синего цвета.

Машина остановилась

— Выходим! — приказал я. — Сергей Иванович, не тушите фары.

Кое-как выгрузились из салона автомобиля. Подошел к бывшим бравым молодчикам, укравшим мою драгоценную девочку. Один из них выглядел совсем хреново, рукав бежевой спортивной куртки весь пропитался кровью. Вытащил кляп изо рта у здорового амбала, который смотрелся более бодро.

— Где девушка? — дуло пистолета теперь направил на него.

Надеюсь, заместитель мэра в отсутствие моего прицела будет вести себя благоразумно.

— Н-не знаю, п-приехали какие-то бугаи на ч-черном джипе, — зубы парня клацали, что неудивительно, несмотря на оттепель и начавшийся противный мелкий дождик, для сидения связанным погодка все равно была холодновата. — З-завязалась перестрелка. Она, кажется, убежала.

— Кажется или убежала?

— Уб-бежала, парни ее долго искали, п-потом позвонили кому-то и уехали.

— Что за парни? — задал свой вопрос непонятно кому я, а дуло пистолета опять перевел в сторону Павла Александровича.

Тот пожал плечами, как бы говоря, что не имеет к этому никакого отношения.

— Судя по всему, бандюки, — снова заговорил амбал.

— Черт, эта крыса Корольков всем растрепал о несуществующих бумагах Швеца.

— Почему несуществующих? — с интересом отреагировал на мою реплику Новиков.

— Потому что это именно он убил Роберта Евгеньевича, а чтобы замести следы, натравил на меня весь город! А вы думаете, я бы поехал трахаться, если бы в бумагах, которые мне передал сын Роберта Евгеньевича, содержалось что-то серьезное?

— То же самое говорила Кристина, — задумчиво произнес Новиков.

Умница Кристи, умница! Надеюсь, Калашников не выдаст и будет крепко держать язык за зубами. Убедить волков, что мыши совершенно не опасны, — прекрасная, и боюсь, единственная, возможность остановить открывшуюся на нас охоту.

Подстреленный молодчик захрипел, выкрикивая что-то непонятное.

— Сергей Иванович, тащите аптечку, парню совсем плохо, может концы отдать!

Отец Кристины и сам был бледен, боюсь, если он начнет заниматься раной, то точно бухнется в обморок. Новиков стоял задумчивый, похоже, его вообще мало волновало ранение парня. Конечно, пищу для размышлений я ему подбросил. Придется самому заняться подстреленным амбалом. Засунул пистолет в карман брюк, расстегнул мужскую куртку, от моих действий плечистый молодчик застонал. Рана была не глубокая, так, цепанули немного предплечье, но крови он потерял многовато, без срочной помощи может не выжить. Плотно

перетянул жгутом из бинта руку уже метавшегося в бреду парня, затем замотал хорошенько рану. Это остановит кровь. Выпрямился.

— Кристина, Кристи!!! — заорал во все горло я.

Тишина. Значит, моей девочке все-таки удалось убежать.

— Кристина!! Это я, Карпов!!

Никто не откликнулся на мой зов, только собака где-то залаяла вдалеке, а потом завыла. Ах, мне тоже хочется выть. Держись, держись, Володька, нельзя раскисать!

— Все, Сергей Иванович, поехали, нам тут больше делать нечего!

— А как же..? — Кристинкин отец кивнул в сторону Новикова.

— Павел Александрович останется и поможет своим бойцам. Надо же о них позаботиться, чтобы потом было кому выполнять грязную работу, — в моем голосе невольно проскользнула ирония.

— Вы зря позволяете себе вольности, — заместитель мэра зло сощурил глаза.

Осмелел Новиков, понял, что палить куда попало я не буду, раз уж даже пушку в карман убрал. Боюсь, за такое неуважительное отношение к себе он потом отомстит. Впрочем, я так много сегодня накуролесил, с работой точно придется распрощаться. По хер, мне бы только Кристинку найти... а потом... на край света, подальше от грязных тайн больших людей этого города.

— Если в бумагах, которые передал вам Роберт Евгеньевич, не было компрометирующих документов, почему вы пришли именно ко мне? — вдруг произнес Новиков. Не зря он стоял задумчивый.

Упс... Володька, упс... Что теперь будешь врать? Как выкручиваться?!

— Тут, Павел Александрович, — вступил в разговор Кристинкин отец, — я его надоумил. Мне Роберт рассказывал кое-что о ваших делах. Поэтому мы решили, прежде всего, тебя навестить. Правда, я не думал, что Карпов будет вести себя так... — Сергей Иванович замялся, — необдуманно. Но влюбленные, что с них возьмешь.

Благодарно взглянул на Калашникова — хорошая сказка. Надеюсь, Новиков в нее поверит. Впрочем, потом будем разбираться с этим верю не верю.

— Едем, — нетерпеливо сказал я.

Проходя мимо, заглянул в распахнутые дверцы фольксвагена. На заднем сиденье лежала коричневая женская сумочка, Кристинкина. Открыл ее. Сердце болезненно сжалось в груди. Кристи, Кристи, бедная моя девочка, одна, непонятно где, без документов, денег и телефона! И как же мне ее отыскать в нашем миллионном городе?

— Поехали! — поторопил я Сергея Ивановича и теперь уже сам сел на место водителя, а Кристинкин отец занял пассажирское кресло.

Повернул ключ зажигания, машина медленно двинулась вперед, покидая территорию бывшего авторемонтного завода.

— Что делать дальше? — устало спросил Калашников.

Если бы я знал...

— Для начала надо вызвать сюда скорую. Я сильно сомневаюсь, что Новиков будет помогать парню. Ему сейчас нельзя светиться в каких-либо криминальных историях... Жалко бедолагу, ведь молодой еще, помрет же.

Включил свой телефон.

— Капитан Юстиции, Карпов Владимир Константинович, надо срочно прислать бригаду скорой помощи на территорию бывшего авторемонтного завода, тут огнестрельное

ранение, требуется переливание крови! Ехать нужно по центральной аллее, первый поворот направо, там будет большое складское помещение! Осторожно, свет отключили за неуплату.

— Медиков кто-нибудь встретит? — задала вопрос диспетчер.

— Не маленькие, сами разберетесь, — ответил я и закончил разговор.

А теперь нужно подумать, как найти мою любимую ведьму. Самое разумное в ее ситуации — попросить у кого-то телефон, позвонить родителям, или же поймать машину и приехать домой. Разумное, да... Но Кристи... Будет ли она вести себя разумно?

— Сергей Иванович, позвоните жене или этому вашему охраннику. Может быть, Кристина объявилась?

— Алло, Верочка, дочка не приходила домой?

Из трубки слышался взволнованный голос жены Сергея Ивановича. По выражению лица Калашникова, по интонациям, доносившимся из телефона, понял, что благоразумием моя ведьма не отличилась. Или же еще не успела добраться. А я? Что бы сделал я на ее месте? Конечно, перво-наперво, кинулся бы искать свою девочку. О, черт, Кристи, не будь мной! О, черт, маленькая, не корчи из себя героя, веди себя осторожно! Только верилось в это с трудом.

— Сергей Иванович, я вас высажу на остановке, вы устали, поезжайте домой. Машину верну чуть позже, она мне нужна пока. Если Кристи вдруг объявится, сразу звоните.

Калашников в ответ на мои слова измученно кивнул.

— Карпов, тучи сгущаются, нужно найти Кристи раньше...

«Тучи сгущаются», я тоже именно так чувствую. Ее ищет Корольков, ее ищут бандюги и черт знает сколько еще влиятельных людей нашего города. И как мне отыскать свою девочку первым?

— Постараюсь, — глянул в его темные, как у Кристины, глаза. — Сергей Иванович, я сделаю все возможное, чтобы ее найти и обезопасить.

— Володь, я совершил много ошибок, но поверь, дочку свою люблю и очень сильно переживаю.

Эх, "люблю"... Сказать бы ему пару ласковых. Раздраженно махнул рукой, останавливая этот поток запоздалого раскаяния.

— Не надо пустых слов... И я, и вы, мы еще должны доказать Кристине свою любовь.

Сергей Иванович вышел. Мысли стаей бешеных собак заскакали в моей голове, и я не могу ни за одну из них ухватиться. Что же делать? Как мне отыскать Кристину в нашем миллионном городе? Другого выхода нет, нужно просить помощи у своего, теперь уже, скорее всего, бывшего коллеги. Схватился за телефон, а он сам зазвонил у меня в руках. Олух, забыл его отрубить, когда набирал скорую. Сердце подпрыгнуло в груди. Кристина... Нет, Димка собственной персоной! Конечно, как мне могла позвонить Кристи, мы ведь даже не обменялись номерами телефонов.

— Да.

Черт, с работающим мобильным они быстро вычислят мое месторасположение.

— Карпов, слава богу, ты вышел на связь. Я больше не могу тебя прикрывать! — многообещающее начало, неужто Димка не выдал? — Ты нашел Кристину?

— Нет, точнее... — как же сложно объяснить в двух словах то, что произошло за этот бесконечный, насыщенный событиями день. — Она убежала от людей, которые ее похитили. Сейчас одна, без телефона, без денег, не понятно где.

Голос дрогнул, вот уж не ожидал от себя подобной чувствительности. Того и гляди

разревусь, как маленький растерянный мальчишка. Млять, держи себя в руках, Вовчик, не распускай нюни, сейчас не время!

— Кто ее украл?

Замялся.

— Не могу сказать... Дим, разве ты еще не понял, тут замешаны очень серьезные люди. Кристину держали на обанкротившемся авторемонтном заводе, я вызвал туда скорую — одного из похитителей подстрелили.

— Ты подстрелил?!

— Нет, не я. Слава богу, мне не пришлось использовать оружие. Во всяком случае, пока. За нами с Кристиной идет настоящая охота! Нужно послать на завод полицию, пусть они там все хорошенько посмотрят, каждый уголок, каждую щелочку. Я надеюсь, что Кристи в самом деле убежала и скоро придет домой, но на всякий случай нужно проверить! А еще, возможно, она может появиться в следственном изоляторе, где меня держали, предупреди там людей. Если Кристина придет, пусть под любым предлогом ее задержат. И я прошу, Дима, очень прошу, в этом случае приставь к ней охрану!

— Карпов, я все сделаю, не переживай!

Легко сказать... Как мне не изводить себя беспокойством, когда я не знаю, можно ли мне доверять бывшему коллеге? Ведь, кажется, целый мир ополчился против нас.

— Дим, неплохо было бы отправить людей к дому ее родителей, пусть там на всякий случай подежурят. И к пепелищу моей хибары в деревне тоже вышли пару человек. Вдруг она туда надумает прийти. Дим, я прошу! — голос опять предательски дрогнул. — Это очень серьезно!

— Понял, Володь, сделаю. Только где взять такую прорву людей, да еще под конец рабочего дня?

— А самое главное, Дима, нужно немедленно найти и арестовать Королькова Виктора Николаевича, и ни в коем случае, слышишь, ни в коем случае, не обращай в его управление за помощью!

— Корольков... — потрясенно прошептал Лапугин, начиная понимать, к чему я клоню.

— Да, Дим, Корольков. Думаю, именно он убил Роберта Евгеньевича. Нужно срочно изучать все камеры и выяснять его передвижения в день убийства Швеца и патологоанатома. Но сейчас главное определить, где он находится, и задержать. Боюсь, Виктор Николаевич тоже ищет Кристину. Я перезвоню тебе позже. А пока выключаю телефон.

Теперь быстрее на оживленную трассу, чтобы труднее было меня найти, если вдруг Лапугин, вместо выполнения моих сказанных приказным тоном просьб, решится на задержание. Млять, ебучий случай, а ведь у меня хвост! Серый джип... следовал по пятам за моей машиной. И это не полиция, никаких мигалок не видно, да и не разъезжают представители закона на таких дорогих тачках. А ну-ка проверим. Подрезая автомобили, перестроился в другой ряд. Охренеть! Серый автомобиль пошел на такой же маневр. Черт, черт, Вовчик, нужно сделать все возможное, и даже невозможное, чтобы оторваться!

Проехал на красный, резко завернул на другую улицу, потом на проспект Вишнякова. Слава богу, машина у Сергея Ивановича хорошая, быстрая. Вроде удалось оторваться, серого джипа, во всяком случае, поблизости не наблюдалось. Проехался еще немного по улицам нашего города, постоянно петляя и вглядываясь в зеркала заднего вида. Кажется, преследователи меня потеряли. Надолго ли? Вот в чем вопрос! Остановился, надо позвонить Лапугину, узнать новости, вдруг у него есть свежая информация.

— Дим, ну как там, удалось что-то выяснить? Кристина где-нибудь появилась?

— Увы, Володь пока ничего нового. В следственном изоляторе ее не было, дома тоже.

Черт, черт, черт! Кристи, где ты лазишь? Почему не выходишь на связь? Что там происходит в твоей ангельски-ведьмовски красивенькой головке?

— А Корольков?

— С работы он уже успел уехать. Сейчас пытаемся выяснить, где он может быть. Постой-ка, судя по месторасположению телефона Виктора Николаевича, он сейчас едет по Борисовскому шоссе, так, теперь свернул на маленькую дорогу, идущую через села Андреевка и Ведино.

В голове что-то щелкнуло, точнее, атомной бомбой взорвалась догадка.

— Дим, а ведь это вторая дорога, по которой можно проехать в Бобравиху!

— Угу, — угрюмо согласился со мной коллега.

— Видимо, Виктор Николаевич едет в сторону дома супругов Швец. Зачем ему это?! Наверняка неспроста. Высылай туда на задержание отряд полиции!

— Легко сказать, наряд полиции, я еще не получил ордер на его арест. Ложное задержание подполковника полиции мне никто не простит. Я и так нарушил все возможные инструкции.

— Понятно, — разочарованно протянул я.

Дима, конечно, прав, мы заложники системы и должны придерживаться определенных процедур. Вот только мне сейчас плевать с высокой колокольни на все инструкции! Когда дело касается близкого человека, не до волокиты и выполнения регламентов. Заместитель мэра города уже побывал у меня в заложниках, а уж Королькова хорошенько расспросить по сравнению с этим вообще плевое дело. Время не ждет, ведь Виктор Николаевич может еще что-нибудь предпринять для спасения своей и уничтожения моей шкуры! Нужно поговорить с этим умником, хорошенько поговорить так, чтобы кулаки горели, а он харкал кровью!

— Давай Дим, до связи.

— Карпов, блин, что ты собираешься делать?!

— Догадайся, Лапугин!

— Черт опять, опять ты лезешь, герой...

Окончание Димкиной отповеди я не слышал, вырубил телефон к чертям собачьим. Автомобиль, позаимствованный у главного архитектора города, постепенно набирая скорость, понесся в сторону элитного жилого комплекса Бобравиха. Сердце тревожно билось в груди, набирая вместе с машиной обороты.

Млять! Вот же сукины дети, опять появился серый джип. Неужто ребята поняли, разгадали мои хаотичные петляния по городу? Нет, дело в другом — я включил телефон, и в первом и во втором случае серый джип появлялся после использования мобильного! Меня вычислили, так же как и Димка — Королькова, по месторасположению телефона! Прогресс, будь он неладен! В наше время очень просто понять, где находится тот или иной человек. Теперь нужно снова отрывать от ребятшек в сером джипе. Что-то мне подсказывало — встречу с ними лучше оттянуть по максимуму, а еще лучше вообще навсегда отложить. Ну же, Карпов, давай, вспоминай азы экстремального вождения и больше ни одного звонка со своего телефона!

Какой сегодня ужасный день! Небо хмурое, а еще мерзкий холодный дождик и неприветливый ветер. Невольно вздрогнула. Погода очень напоминала ту, что была в день убийства Роберта Евгеньевича. Такси остановилось у красивых ворот нашего загородного дома. Я поблагодарила водителя и нехотя вышла из автомобиля. Звук закрывшейся автомобильной дверцы ударил по натянутым до предела нервам. Нет, я не хочу, не могу здесь оставаться! Может быть, попросить таксиста увезти меня обратно? Куда обратно, Кристи? На территорию авторемонтного завода, где ты была пленницей? Не важно, главное, уехать отсюда. Пока я стояла в ступоре, не зная, что предпринять, машина успела развернуться и уехать.

Руки и тело мелко подрагивали, наверное, устала, наверное, волнуюсь. Или всему виной этот проклятый дом? Сегодня произошло столько событий, словно я не день прожила, а целый месяц. Ну же Кристи, возьми себя в руки! Что за детские страхи? Бояться надо живых а не мертвых! Замерла у калитки, не решаясь войти на территорию двора. Роберта Евгеньевича давно нет, он не сможет сделать тебе ничего плохого. Вечная осень моей жизни закончилась, наступила зима с ее бурями и ненастьем, но ведь потом, по всем законам природы, обязательно должна прийти весна. Не бойся, Кристи! Это просто пустой дом... Хватит вздрагивать и трястись трусливым крысенком, сражайся! Сражайся за свою любовь, мечты и наступление весны в своей жизни! Вытащила из кармана ключи, открыла калитку и решительно зашагала в сторону дома. Только вот с каждым шагом решимость моя таяла. Кристи, черт возьми, хватит! Оставь прошлое в прошлом... Подрагивающие пальцы открыли дверь этого ненавистного эксклюзивного жилища. Перешагнула порог, щелкнула выключателем, в коридоре зажегся свет.

"Ну здравствуй, Крысеныш! Надоело бегать от больших дядек, решила проведать мужа. Правильно, сука, уж давно тебя заждался».

— Замолчите, замолчите! — зажала ладонями уши.

Только зачем? Звук ведь внутри головы, а не снаружи.

Триста квадратных метров завертелись вокруг, сжимаясь в крошечную крысоловку. Даже в маленькой одиночной камере следственного изолятора мне дышалось легче.

«— Кристина, ты теперь моя жена. А я человек очень требовательный, кроме того, занимаю серьезный пост, поэтому забывай свою прежнюю жизнь, глупых подружек да мажорных друзей, веди себя, как подобает жене такого мужчины.

— А как подобает? — слегка насмешливо спросила я.

Тогда еще не пуганная была.

Грязно-серые глаза мужа недовольно блеснули, а мужские руки грубо схватили за волосы.

— Не прикидывайся дурой. Ты должна быть милой, воспитанной и сдержанной. Никаких попок и гулянок по ночным клубам. Все мои слова нужно понимать буквально: я сказал — ты сделала. Мне всегда должно быть известно, где ты находишься и чем занимаешься. Если увижу тебя с другим мужчиной, ему не жить. Причем в прямом смысле этого слова.

Губы Роберта Евгеньевича коснулись моей шеи. Невольно отстранилась, пытаюсь избежать этого поцелуя, за что моментально получила весьма увесистую затрещину. Замерла

в удивлении, открыв потрясенно глаза, никто никогда не поднимал на меня руку.

— Да как вы смеете, Роберт Евгеньевич, ведите себя прилично!

Ой, кажется, я это зря сказала. Глаза Роберта Евгеньевича изменились, в них кроме злости появилось что-то еще... жестокость. Потом была обжигающая боль, муж сначала ударил в живот, а когда я сползла на пол, в ход пошли его светлые свадебные туфли.

Еще были крики:

— Запомни, Кристина, мне нельзя возражать!! — весьма болезненный тычок ногой. — А еще знай, тебе никто не поможет, папаша твой не осмелится пойти против! У меня везде связи, везде люди!! Поэтому свыкайся со своей ролью хорошей жены.

Боже, я попала в кошмар!

Удар, удар, еще удар и соленые слезы побежали по щекам. А законный супруг опустился рядом, белые юбки платья поползли вверх. Неприятно-липкие руки Роберта Евгеньевича подрагивали от нетерпения. Пусть лучше боль, не хочу чувствовать его прикосновений! Под свадебным слоем юбок на мне были надеты нежнейшие белоснежные чулки и кружевные белые трусики.

— О, какая ты красивенькая, Кристи, долго же я ждал этого момента. Запомни. Крысеныш, я добиваюсь всего, чего хочу!

Противно, страшно, в горле тошнота. Кажется, меня сейчас вырвет вкуснейшим свадебным тортом, которым нас потчевали перед выходом из ресторана, прямиком на это чудесное, стоившее кучу денег, свадебное платье. А руки Роберта Евгеньевича уже стащили вниз трусики».

«Что, ностальгия мучит, вспоминаешь нашу свадебную ночь? Как я тебя насилывал тогда, просто взбесился от осознания, что избалованная дочка друга теперь моя! Как сладко ты кричала и умоляла прекратить!»

Снова, в безуспешной попытке избавиться от ненавистного голоса, зажала уши. Если бы это помогло. Кристи, не вспоминай, не вспоминай, думай о проблемах настоящего, думай о будущем, о чем угодно думай!

Нужно продать этот дом к чертям собачьим, как можно быстрее! Продать за бесценок, первому попавшемуся покупателю.

— Кристина Сергеевна, как вы?!

В дверях стоял заместитель моего убитого мужа — Корольков Виктор Николаевич.

Он был одет в серую куртку, на которой виднелись темные пятна от капель дождя за окном.

— Я — я хорошо...

Что-то было не так... не так в представшей перед моими глазами картине.

— Выглядите скверно.

Внутри возник какой-то диссонанс, связанный с видом Виктора Николаевича, но я не могла понять его причину. Может, он просто подстригся? Или волосы по-другому зачесал? Да нет же, Корольков ведь почти лысый. Но его облик вызывал беспокойство.

— Кристина Сергеевна, вы в порядке?

— Расскажите, что случилось с Володей?

— Вы знаете, что деревенский дом Карпова сожгли?

— Н-нет...

Впрочем, закономерно, наверное, там тоже искали документы... а не найдя, решили на всякий случай поджечь. Дом жалко. Безумно. Там я была счастлива. Недолго... всего одну

ночь и утро. Но эти ночь и утро из тех моментов жизни, которые будут помниться до последнего вздоха. Моменты абсолютного осознанного выстраданного счастья, бесконечной взаимной любви, зашкаливающей страсти и безмерной нежности друг к другу.

— Кристина Сергеевна, вы вся дрожите?

Меня, в самом деле, колотил озноб, видимо, температура поднималась, сидение в холоде не прошло даром. А может, дело в другом, и предчувствия чего-то неприятного, темного выливались дрожью страха. Виктор Николаевич, желая помочь, сделал несколько шагов в моем направлении, а я отчего-то, наоборот, в обратную от него сторону. Внутри кричало беспокойство. Мне не нравился его облик, что-то в нем было не так. На руках Королькова черные кожаные перчатки, что неудивительно, на улице поздняя осень, как-никак. Но почему он не снял их, зайдя в дом?

— Ничего страшного, Виктор Николаевич, озябла немного, в доме довольно холодно, отопление стоит на минимуме, лишь бы только трубы не замерзли. А что с Володей?

— Он сбежал из-под стражи. Сейчас его ищут.

Карпов, мой безрассудный, влюбленный Карпов, помчался, видимо, меня освободить, наплевав на все неприятности своего положения.

— Теперь ему грозит срок за убийство вашего мужа, к которому еще могут присовокупить нападение на сотрудников при исполнении и побег.

— К смерти Роберта Евгеньевича Володя не имеет отношения. Его убил кто-то другой, тот, кого очень хорошо знал мой муж и кому сам открыл дверь!

Глаза Виктора Николаевича сощурились, впиваясь требовательным взглядом в мое лицо.

О, черт, Кристи, черт! Корольков... В голове вдруг возникла другая картинка — вечера смерти моего мужа.

"— Кристина Сергеевна, что вы наделали?!"

Вздрыгнула, обернулась, в проеме арки стоял заместитель моего мужа. Корольков, кажется, его фамилия. Да, Корольков Виктор, а вот отчество забыла.

— Это не я... — еле шепчут мои губы.

В мужских глазах читался ужас. Вдруг поняла, мне никто не поверит, даже пытаться не будут. Зачем? Ведь из меня так удобно сделать убийцу, опять превратив в жертву».

Боже! В день смерти моего мужа Корольков был одет в эту же серую куртку и тогда за окном тоже шел дождь, но влажных следов от капель воды на его одежде не было. Видимо, тень этой догадки проскользнула по моему лицу. Взгляд Виктора Николаевича изменился, в нем проступила так хорошо известная мне по браку с мужем жестокость. В руках Королькова вдруг появилась бейсбольная бита. Глупая, сама ведь ему позвонила, соорудив для себя смертельный капкан. Помощи хотела, дура, а он пришел тебя убить! Боже...

Сердце стучало в груди, нет в ушах, в голове даже. Сердце кричало: "Тебе нужно в Бобравиху, быстрее, скорее, Володя!»

Только я не мог ускориться. Братки на сером джипе больше не вели за мной скрытную слежку, как раньше, видимо, получили другие инструкции, теперь они меня преследовали, догоняли, подрезали, вынуждая прижаться к обочине и остановиться.

— Накосся выкуси! — довольно ругнулся я, в очередной раз увеличив на несколько машин расстояние между мной и серебристым внедорожником.

Мы еще посмотрим — кто кого! Только за город выезжать нельзя, там поток автомобилей меньше, спрятаться труднее. Проехал на желтый свет и опять начал кружить по городу, постоянно петляя: то сворачивая на маленькие улицы, то выезжая на центральные.

"— Володь, кто так ездит, я с тобой поседею, наверное, — смеясь, говорила Кристи, выпятив недовольно свои восхитительно-пухлые губки.

— Спокойно, маленькая, все под контролем, я очень рациональный человек и никогда не рискую напрасно. Тем более, сейчас везу свою драгоценную девочку.

На миг глянул в черные, искрящиеся весельем глаза.

— Лихач ты, Володька, больше не пушу тебя за руль своей машины!

— Без проблем, Кристи, главное, чтобы в постель пускала.

— О-о-о, — протяжно выдохнули самые сексуальные девичьи губы, — в постели мне нравятся твои скорость и лихачество.

Захотел, потом резко завернул на обочину и по тормозам, так что даже шины заскрежетали об асфальт. Кристи подалась вперед и невольно вскрикнула, но я накрыл девичий рот своими жадными губами, погасив этот недовольно-возмущенный возглас и совсем скоро он сменился моим любимым полустоном».

О, черт, сейчас не время для воспоминаний, сейчас наступил час того самого рационального лихачества! Проехал по обочине, обгоняя впереди идущие машины. Мне сигналили, крутили пальцем у виска, наверное, крыли матом за мою наглость. Серый внедорожник не смог повторить мой маневр, поскольку обочина закончилась, а затем начиналось ограждение моста. Прекрасно, резкий обгон сразу нескольких автомобилей — и пошел дальше петлять по городу. Кажется, и в этот раз удалось уйти. Видишь, Кристи, мое лихачество пригодилось. Выехал на большую магистральную дорогу — это более короткая дорога к Бобравихе (странно, что Корольков выбрал Борисовское шоссе), дальше погнал на огромной скорости. Антирадар в машине Калашникова от такого непочтительного отношения к камерам и скоростному режиму взбесился выносящим мозг писком. Да уж, придется Сергею Ивановичу раскошелиться на штрафы! Главное, чтобы гаишники не прицепились. Вперед, вперед, Володька! Слава богу, петлял я сознательно довольно близко от элитного поселка, в котором когда-то жили супруги Швец. Ненавистная фамилия, нужно как можно быстрее жениться на Кристи, обрюхатить ее, затянуть в свои путы, навсегда сделав Карповой.

Вот и Бобравиха, вот и созданный моей гениальной девочкой причудливый дом. Это ж надо было такое придумать! Никакого автомобиля возле ворот не было, но в окнах горел свет, говоря о нахождении внутри жилища людей. К чертям собачьим ремень безопасности. Выскочил из машины, громко стукнув дверью, и бегом направился в сторону калитки дома.

***

О боже... нет...

Начала медленно отступать к камину в глубине гостиной.

«Ха-ха-ха, Крысеньш, — зазвучал в голове голос мужа, — я же тебе говорил, что смерти не удастся нас разлучить!»

Паника парализовала тело, только сердце в отчаянье билось в груди. И его стук звучал в ушах похоронным маршем.

Виктор Николаевич сделал несколько шагов в мою сторону. Напряглась, отступила, уткнувшись спиной в камин. Как жаль, что кочерги больше нет! Конечно, она ведь улика в деле убийства Роберта Евгеньевича. Лихорадочно начала озираться в поисках какого-нибудь предмета для своей защиты, но вокруг не было ничего, чем можно противостоять бейсбольной бите.

«— Не сопротивляйся, Кристи!! — захохотал в ушах умерший супруг. — Пусть Корольков размозжит тебе череп!»

Нет! Я буду сопротивляться, из последних сил, отчаянно, до последнего глотка воздуха!! Теперь мне есть, кого любить и за что бороться!!

Надо попробовать разговорить Королькова, быть может, он потеряет бдительность и мне удастся добраться до ножа, спрятанного в голенище сапога.

— Виктор Николаевич, скажите, зачем вы убили моего мужа?

К жестокости в глазах Королькова добавилась ненависть.

— Он давил на меня, вынуждал скрывать многие вещи, участвовать во всех своих грязных делах. И это только полбеды, но когда этот шакал трахнул мою жену... стало невозможно простить.

Ах, Роберт Евгеньевич в своем репертуаре. Власть ему нужна была на всех фронтах.

— А я... почему вы меня решили подставить?! Я ведь перед вами ни в чем не виновата.

— Вы, Кристина Сергеевна, были просто идеальной жертвой. Жена, которую держали на коротком поводке, постоянно избивая, не выдержала издевательств бывшего супруга и стукнула его кочергой по голове. Сколько бы вам дали? Всего пару лет. Но вы спутали все планы, почему-то решили молчать о нелицеприятном поведении мужа, затем дело передали в Следственный комитет, да так неудачно... Оно попало прямиком к вашему бывшему любовнику. Не везет так не везет! Конечно, тот начал рыть, и мне пришлось действовать.

— Виктор Николаевич, не стоит отягощать свою совесть еще одним убийством, — зачем-то обратилась я к Королькову с этим бессмысленным призывом. Он приехал сюда убивать. Так что, плачь не плачь, бывший заместитель моего покойного супруга вряд ли смягчиться.

— Я ничего не имею против вас, Кристина Сергеевна, но не могу позволить Роберту Евгеньевичу победить. Простите.

Корольков двинулся вперед, бита в его руках поднялась, вынося мне смертный приговор. До ножа я точно не смогу добраться — времени не хватит. Дура, ну почему я не переложила его поближе. Мои пальцы начали лихорадочно искать на каминной полке хоть что-то, чем можно защититься. Первыми в Виктора Николаевича полетели красивые декоративные свечи, подаренные мне мамой на восьмое марта. Он откинул их битой, как надоедливых мух. На каминной полке еще стояли часы. Тяжелые... размаха не получилось. Они попали Королькову в грудь, задержав на немного его приближение. Беги, Кристи! Проскользнула мимо Виктора Николаевича к витой лестнице, ведущей на второй этаж. Если

мне удастся убежать, можно запереться в одной из комнат. Пальцы уже коснулись деревянных перил лестницы, а потом тысяча искр боли взорвались в голове... Корольков все же меня догнал... Падаю...

***

Калитка была не закрыта, так же как и входная дверь дома. Внутри просто ледоход от дурного предчувствия, кажется, даже кожа встала дыбом. На ходу вытащил пистолет. Когда вбежал в гостиную этого эксклюзивного ненавистного жилища, ужасная картина резанула по глазам. Кристина бездвижно лежала около красивой витой лестницы на второй этаж. Корольков же замахнулся бейсбольной битой, целясь по темноволосой голове.

— Отойди от нее!! — вырвался медвежий крик из моего горла, и почти одновременно раздался выстрел.

Это я инстинктивно пальнул в опускающуюся руку с бейсбольной битой, но она все равно успела коснуться черных волос моей ненаглядной ведьмы.

— Сука, что ты делаешь!!! — закричал я.

Подстреленный Корольков, схватившись за руку, завопил от боли. Мало ему, мало! В несколько шагов приблизился к Виктору Николаевичу и с наскоку врезал под дых, потом по морде, и еще по ребрам. Выкрутил ему руки за спиной. Крики Королькова усилились, а правый рукав куртки уже окрасился кровью. Чем бы связать этого "представителя закона"? Пришлось вытаскивать ремень из штанов. А Кристина все так же лежала на полу, бледная, в неестественной позе, совершенно не подающая признаков жизни. Откинутая в сторону тонкая красивая женская ручка своей неподвижностью вызывала панику... жуткую, пробирающую до костей. Подскочил к ней. Приподнял... Тело Кристины было обмякшим и каким-то отяжелевшим. О, черт, около ее головы растекалась целая лужа крови!

«— Володь...

— Да, Кристи.

— Прощу тебя — держи меня крепче...

— Ты опять куда-то собралась? И не надейся, Кристи, я больше никуда тебя не отпущу».

— Кристи, любимая, слышишь! Я больше никуда тебя не отпущу!!

Тряхнул ее легонько за плечи, темноволосая голова безжизненно качнулась. Начал лихорадочно искать пульс, на ее шее и тонких девичьих запястьях. Ну же, ведьмочка темноглазая, мое сердце так стучит, того и гляди проломит грудину. Отзовись на его неровный бешеный ритм! Только вот под пальцами не ощущалось ответного биения.

— Кристи, Кристи, пожалуйста! — еще раз тряхнул ее за плечи. — Не-е-е-т!!

Я ведь не смогу больше без моей ведьмы... все эти пять лет скорее существовал, чем жил, словно у меня забрали солнце. А теперь, когда узнал правду, когда снова всеми порами впитал вкус своего персонального наркотика, теперь я точно подохну в тоске и ломке! Перестал трясти Кристи, наоборот, стало вдруг боязно до нее дотрагиваться, лишь, не касаясь кожи, стал обводить пальцами черты ее идеального мертвенно-бледного лица. А в комнате раздался настоящий вой, вой страшного отчаяния, вой волка-одиночки, потерявшего любовь всей своей жизни. И самое страшное, вою ведь я. Этот крик вобрал в себя всю окружающую действительность, заглушил другие звуки: и причитание подстреленного Королькова, и шум ворвавшихся во главе с Лапугиным оперативников...

— Алло, скорая, срочно пришлите реанимационную бригаду! Поселок Бобравиха, улица Славянская, двадцать пять! Что?! Молодая женщина, двадцать девять лет, черепно-мозговая травма!

Лапугин молодец, проскользнула мысль. Только пока скорая придет... Сжал черноволосую окровавленную голову пальцами, прикоснулся к холодным губам моей персональной ведьмы, вдохнул в нее воздух, потом еще и еще раз.

— Ну же, Кристи, живи!.. Живи... прошу тебя!

Распахнул темный женский пуховик, рванул ворот свитера и начал равномерно надавливать на девичью грудную клетку, пытаюсь запустить родное бесценное сердце.

***

Всегда думала, что, когда люди умирают, они видят свет. В моих же глазах темнота... непроглядная, а в голове голос... противный голос Роберта Евгеньевича.

"Иди, иди сюда, Крысеныш, сладенькая моя!"

А еще я ощущала холод. Неужели это кровь застывает в моих жилах?

Откуда-то далеко из другого мира слышался вой. И хоть звучал он словно через огромный слой мерзлой ваты, я все равно почувствовала бесконечное отчаяние, звучащее в нем. Кому-то одиноко, больно и страшно. Бедненький...

Володя?! Это же его голос... Вся рванулась на этот зов, только разве мне пробраться сквозь слой заледенелой темной пакли, окутывающей меня.

«Нет, Крысеныш, не уйдешь! Твой любовник будет жить долго-долго и несчастливо! Один... Каждый день своей жизни оплакивая тебя... Пытаюсь искать твое повторение в бесчисленных женщинах, каждый раз понимая, что для него такой больше не существует! А мы сегодня повенчаемся с тобой, на муки вечные!»

Я венчаюсь с горем

В этой комнате зла,

Со счастьем я в ссоре,

Поэтому скажу: «Да!»

НЕТ, НЕТ, НЕТ!! Беги, Кристи! Но тело больше не принадлежало мне, не подчинялось сознанию, даже пальчиком не смогла пошевелить. Интересно, я уже бестелесный дух, или все еще живая? А быть может, потерялась между небом и землей, и скоро навсегда исчезну, поглощенная продирающим до костей холодным мраком.

Потом вдруг я почувствовала теплый воздух, одно дуновение, второе, третье. Только разве этот ласковый ветерок сможет растопить черный лед, окутывающий меня, отогреть застывающую в жилах кровь.

— Ну же, Кристи, живи!.. Живи... Прошу тебя! — продолжал где-то далеко рыдать мой любимый мужчина.

Я тоже... моя душа тоже беззвучно плакала маленькими черными, никому не видимыми льдинками.

— Кристи, девочка моя, дыши, живи!! Маленькая, я не отпускаю тебя, слышишь, только вместе, не разжимая объятий!

Теперь я ощутила тепло, Володя обхватил, сжал своими горячими руками мое остывающее, небьющееся сердце.

— Кристи, пожалуйста, дыши! Обещаю тебе, я все сделаю, чтобы ты была счастлива! Хочешь, поеду с тобой в Китай смотреть это дурацкое здание в виде черного рояля с прислоненной к нему бандуриной, похожей на стеклянную скрипку?! А потом совершим турне по Австрии с Германией, отыщем сказочные постройки того архитектора с непроизносимой фамилией! В Америку с Австралией тоже съездим, что нам стоит мотнуться за тридевять земель. И еще, Кристи, ты не можешь уйти, ведь ты обещала помочь

мне с домом. Помнишь?! Девочка моя, построй дом для нашей семьи! Если хочешь, пусть это будет нечто необычное, похожее хрен знает на что! Мне все равно, любимая, где жить! Хоть в избушке на курьих ножках, хоть в пирамиде, перевернутой кверху ногами, как в американском штате Аризона. Лишь бы с тобой, лишь бы рядом! А еще, Кристи, не надо мне никаких сыновей! Ну их, мальчишек, увальней, вдруг они вырастут такими же бесчувственными чурбанами, как их отец! Я хочу дочку, маленькую черноволосую и черноглазую девчушку, похожую, как и ее мама, одновременно на ангела и на ведьму!

«Нет, Крысеныш, не слушай его, не быть тебе счастливой!! — продолжает хохотать в черном мраке Роберт Евгеньевич. — Я выбрал тебя для мучений! Ты моя, слышишь? Моя девочка для битья!!»

— Кристи, милая, я увезу тебя далеко-далеко из этого погрязшего в коррупции города. Брошу к чертям собачьим работу, точнее, меня все равно выгонят после сегодняшнего дня!!

Теплые руки все продолжали и продолжали ритмично сжимать мое сердце. Если я их ощущаю на своем теле, слышу его голос, размышляю — значит, я живая?! Я вовсе не бестелесный дух, наблюдающий за умирающим телом! Живая! И мой «любящий» муж — лишь глюк, постоянный глюк в моей голове! Но ничего, я от него избавлюсь, открою глаза, обниму Карпова, и он сам исчезнет, навсегда провалится в преисподнюю, где ему самое место! Почему же у меня такие тяжелые веки? Словно свинцовые...

— Девочка моя ненаглядная, живи, прошу тебя!..

Свет... наконец-то я увидела свет... Какой он яркий, зелено-летний, согревающий.

— Она открыла глаза! Кристи, Кристина, любимая!!

Володя плачет и смеется, плачет и смеется, покрывая мое лицо быстрыми короткими поцелуями

Эх, сказать бы ему: «Володь, ты слишком разболтался, сыновей я тоже хочу». Но губы не получилось разомкнуть, они словно отлиты из тяжелого металла. Сил хватило только лишь на еле заметную улыбку.

Я уже почти месяц каждодневно хожу в больницу, к моей ненаглядной ведьме. Слава богу, из-за подстреленной руки второй удар у Королькова получился не очень сильный, вскользь. Бита лишь немного коснулась темноволосой головы. Но первый уж очень был силен. В скорой Кристи опять потеряла сознание и впала в кому. Целых два дня прошли между приступами дикого, разъедающего чернотой отчаяния и постоянными молитвами. Я поселился в реанимационном отделении, несмотря на все протесты персонала больницы, пытающегося меня оттуда вытурить. Может, конечно, и не положено, но я должен быть рядом! Ведь я обещал Кристине не оставлять ее надолго одну. Моей девочке пришлось сделать очень сложную многочасовую операцию. Врачи пугали, что она, возможно, никогда не сможет восстановиться, у нее будут серьезные проблемы с речью и памятью. Пустые страшилки, разве этим напугаешь. Я готов всю жизнь из-под нее утку выносить, только бы Кристи жила, была рядом, смотрела на меня своими невозможными колдовскими глазищами! Но все, слава богу, обошлось. Кристи уже почти сносно говорит, лишь редко, чтобы выразить свою мысль, долго подбирает слова. И уже пытается шутить, а иногда даже спорить со мной, следящим за выполнением ею бесчисленных предписаний врачей. Я прикидывался строгим, хотя в такие моменты от умиления был размягчен, как желе, и никакого недовольства, тем более злости, внутри совершенно не наблюдалось, там плескался целый океан нежности. Хотелось расцеловать каждый пальчик своей персональной ведьмы, да что там пальчики, каждый сантиметр тела, каждый волосок.

На удивление, ситуация с бумагами и открывшейся на нас охотой больших людей города довольно быстро разрешилась, чему немало способствовали Кристинкин отец и Димка Лапугин, сумевшие убедить всех, что компромата вовсе не существовало, это рассказы пытающегося замести следы Королькова. Я боялся, что история с похищением заместителя мэра будет иметь развитие, но Павлу Александровичу в преддверии выборов не нужна была такая шумиха, он не стал вытаскивать сор из избы, да и Сергей Иванович опять-таки постарался его задобрить. Приятельские отношения ведь. Жаль, конечно, что после того, как бумаги сгорели, невозможно привлечь к ответственности людей, упомянутых в документах Роберта Евгеньевича. Ну, да черт с ними! Будем надеяться на рок, что судьба сама рано или поздно достанет их так, что мама не горюй. Совпадение или нет, одному из этого списка она уже подставила подножку. Новикову так и не удалось выиграть выборы, более того, у каких-то больших чиновников он впал в немилость и его сняли с должности. Меня тоже сняли, точнее, отстранили на время проведения служебной проверки, что только на руку сейчас, есть время побыть вместе с Кристинкой.

Толкнул дверь палаты. А нежность опять пошла плескаться, бушевать волнами в моей душе. Для операции черноволосую голову моей девочки полностью побрили, волосы только-только начали отрастать. Кроме того, Кристина очень сильно похудела и сейчас совсем не походила на ту роковую красотку, с которой мы познакомились более пяти лет назад в зале дорогого ночного клуба. На ее лице прежними были только глаза, которые теперь казались еще больше, просто огромными темными загадочными озерами счастья. Но для меня она даже лысая и худая, словно обтянутый кожей скелет, все равно жар-птица, самая прекрасная женщина на свете.

— Здравствуй, Кристи.

Черные глаза-омуты радостно сверкнули.

— Володь, хорошие новости, врач сказал, что меня можно уже выписывать домой.

— Кристи, надо признать, что эта черная бандурина со скрипкой и впрямь производит впечатление. Но там внутри, наверное, охренительно жарко, додумался кто-то все сделать из черного стекла. И знаешь, мне больше нравится твой проект аэропорта в виде большой летящей птицы.

— Карпов, ну, во-первых, я уверена, в здании предусмотрена прекрасная система кондиционирования, а во-вторых, не забывайся, что за выражения: «бандурина», «охренительно». Какой пример ты подаешь нашему сыну, — погладила себя по едва заметной округлости живота.

— Дочке.

— Нет, сыну!

— Ох, и любишь ты спорить, Кристинка. А вдруг там двойня? — спросил Володя, с надеждой смотря мне в глаза, как будто я в состоянии повлиять на количество детей в моей утробе.

Отрицательно покачала головой.

— Ты же был со мной на УЗИ. Врач сказал, один.

— Но ведь он не увидел пол ребенка. И значит, вполне возможно — одна.

— Карпов, ты опять! — возмущенно протянула я.

— Карпова... — начал было Володя не менее возмущенно, но, наткнувшись на мой укоризненный взгляд, застыдился. — Хорошо, пусть — один. Я с тобой стал совершеннейшим подкаблучником, — добавил он довольно. — А самое главное, ведьма моя ненаглядная, мне это безумно нравится.

Сильные мужские руки потянулись ко мне, обняли, укрыли своей любовью и нежностью. И, кажется, я готова стоять так целую вечность, смакуя каждый миг нашей близости. Я счастлива, счастлива, несмотря на весь ужас прошлого, счастлива! А наши мечты постепенно начинают воплощаться в действительность. Сад мы уже посадили, дом строится, сын (ну или дочь) скоро родится, а после просмотра черной бандурины со стеклянной скрипкой мы полетим в Австрию смотреть сказочные дома Фриденсрайха Хундертвассера.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net